

Владимир КОЖЕВНИКОВ

ОТЦЫ И МАТЕРИ

Р О М А Н

2011 год

ББК 84. Р7

ISBN 978-5-89571-210-8

©Владимир Иванович Кожевников

*Светлой памяти моих предков-казаков
ПОСВЯЩАЮ*

1

Жаркими августовскими днями сенокос на казачьих делянках был в самом разгаре. Считай, вся станица выехала на луга. Стар и мал, кто был в состоянии держать косу, грабли, вилы или хотя бы готовить обед, были заняты этим нелегким и нужным делом. Солнце не успевало выглянуть верхним краешком из-за Казбаевского леса, а по лугам, то тут, то там, неслись протяжные и привычные для слуха селян звуки: вжик-жик, вжик-жик. Это косари то и дело точили стальные лезвия кос.

Алексей Васильевич Ильин, высокий и жилистый казак с окладистой рыжеватой бородой и синими, как весеннее небо, глазищами, вставал еще затемно, умывался в соседнем болотце холодной водой, расчесывал бороду редким костяным гребнем, будил работника, спавшего под старым тулупом на широкой телеге. Они слегка закусывали, пили чай, приготовленный на костре заботливой и работающей женой Ариной. Их работник Аполка, то есть Аполлон, еще не успевал продрать закисшие после сна карие татарские глаза, клевал носом и обжигался чаем, отчего хрипло кашлял и что-то еле слышно шептал.

- Ты о чем гундосишь, Аполка? - с легкой улыбкой спрашивал хозяин. - Небось, опять до утра прошлэндал и мял копны разведенки Тетерихи. Отец-то ее, Иван Сорока, узнает, задаст тебе баню.

- Что ты, Сей Вас, уходился я вчера на косьбе, ни рукой, ни ногой шевельнуть не могу, - оправдывался тот, как карась, глядя немигающими глазами.

- Плачет по тебе ременный налыгач. Иван-то Сорока быстро хотелку отобьет.

- Пустобрёх он, Иван-то, трепло оторви да брось, оттого

Сорокой и дразнят, - с улыбкой, но уверенно заявлял Аполка. - Да и чо от его дочки убудет? Одно удовольствие ей, безмужней, обжигаясь кипятком, талдычил Аполлон. - Зачем ты с рани кормишь нас? Потом бы попили чайку, поели с аппетитом?

- Как не кормить работника, чо люди-то скажут, ксплуатор? - не соглашался Алексей. - Хороший хозяин его вперед лошадей накормит. А натошак какой из тебя косарь и работник? Я бы сам-то потерпел. А тебе нельзя, ты и литовку не протянешь. А нам ныне надо вон тот клин у леса положить.

Закусив, они клали на плечо отбитые с вечера косы, брали цинковый чайник с ключевой водой, бруски и направлялись на намеченный участок. Из редкого березового колка донесли знакомый храп и резвое ржание жеребца Гнедка, пасшегося с лошадьми и увидевшего хозяина. Жеребец будто рапортовал ему, что с вверенным ему табунком ничего за ночь не случилось, будто просился на работу.

- Пасись, пасись, мой красавец, скоро и тебя запрягут, будешь волокуши возить, - радостно приветствовал хозяин, и в его душе появлялось тепло, будто к собственному ребенку.

Жизнь радовала его. Взял хорошую, крепкую телом и красивую лицом жену, глаза которой казались чистыми лесными незабудками. С детства приученная к работе, она наравне с мужиками могла косить сено и молотить рожь, метать стога и ездить верхом. Силы Арины казались неиссякаемыми. И когда они после молотьбы своего хлеба ходили на помощь и заработки к другим, ей платили наравне с мужиками – четыре гривны или даже полтинник за день.

- Счастливый ты, Алёшка! - завидовали ему казаки. - Не баба у тебя - ломовая лошадь.

- Уметь надо кошку греть, чтобы не царапалась,- не без гордости отвечал станичник, поглаживая кудрявую бороду. - Они, кундравинские да мохирёвские, все такие, не бабы, а лошади! Да ведь в таком хозяйстве и ломить надо не по-человечески.

Когда женились, домишко у Ильиных был небольшой. Правда, по главной улице станицы, вдоль реки Коелги. Просторный двор, огороженный каменным забором, огород. Приехал однажды родственник Арины, двоюродный или троюродный дядька Мохирёв, помещик из Мохирёвки. Мужик крупный, с заметным животом. Говорили, что там у него растёт дурное мясо. Застрянет если где его телега в грязи, он выпрягал лошадь, впрягался в оглобли, напрягался изо всех сил и вытаскивал повозку.

- Куда тебе вывезти, я сам кое-как вытащил?! - с улыбкой сочувствовал он и ехал дальше.

- Неказистый у тебя домишка-то, Алёха,- заметил между делом помещик.- Добрый казак должен и жить в хорошем доме. Я тебе выделю соснового леса. Езжай пилить.

Сосна в сосну был лес. Бревна получались прямые, толстые. В таком доме под тесовой крышей ни уральский мороз, ни беспощадные вьюги не страшны. Он вырос на углу двух улиц, недалеко от памятника погибшим на японской войне казакам. Не дом – красавец! Потолки высокие, комнаты просторные, как у господ, окна большие. И сам рубил, и помощь собирал, и специалистов нанимал. Но ни разу не пожалел. Рядом выросли конюшня, стайки для коров, телят и овец, вместительный амбар. А старый дом пригодился для житья работников и других нужд.

Жизнь казалась счастливой, и дети рождались часто. Правда, больше половины умирало в раннем возрасте. То родимчик разобьёт, то понос навяжется, то ветрянка. Да ведь не у них одних, а у всех такое. Потому и рожали раз по десять – пятнадцать.

Когда Арину приспичивали роды, если это было на сенокосе или жатве хлебов, ее отвозили в станицу, звали на помощь соседку-повитуху. Дня через два – три после родов она приезжала в поле. В шалаше или под телегой привязывали люльку, нажевывали комок черного хлеба, клали в марлю и засовывали в рот, закрепив края марли, чтобы дите не подавилось. И мать

шла вместе со всеми работать. Такова была казачья и крестьянская доля. И в этом не было ничего особенного и необычного. Выживали только крепкие дети. Но в начале 900-х годов в России рождалось детей больше, чем даже в Африке. И население страны заметно росло с каждым годом, а государство крепло народом.

* * *

Когда они пришли на покос, ободок солнца начал вылезать из-за далеких берез. Алексей обвел взглядом местность, увидел, в какую сторону наклонилась трава, откуда ее легче косить, и достал из-за голенища сапога брусok. Вжик-жик, вжик-жик, запел он по тонкой стали.

- Ну, с Богом, - произнес казак, перекрестился и начал первый прокос.

Быстро подобрав ритм и ширину размаха, он пошел и пошел вперед, делая короткие шажки широко расставленных ног перед каждым размахом и чувствуя, как заходили упругие мышцы рук и спины. И коса настойчиво зашептала: сших-ших. И безропотно повалилась мокрая от росы трава, стали ронять упругие головы полевые цветы. Плотнo ложиться поляк – самая твердая и сытная полевая трава, которая почти не усыхает и является любимым кормом животных.

- Коси, коса, пока роса, - скажет он еще одну фразу, оглянувшись назад и увидев, что Аполка идет следом в нескольких саженьях от него, и уже тоже набрал подходящий ритм.

И за ними потянулись два длинных и ровных прокоса, к которым будут прибавляться новые и новые. Доведя прокос до конца, они будут неторопко возвращаться назад и начинать очередные, успев за это время немного отдохнуть и сбить дыхание. И так до самого обеда, пока не станет жарко и не высохнет роса. А косьба без нее – мука, а не работа, особенно если трава густая и твердая. А про осоку и говорить нечего – даже острая сталь от нее отскакивает, как от резины. Поэтому обычно ждут

до вечера, когда станет прохладней и начнет выпадать роса или пройдет дождь.

А тем временем в таборе давно прошла побудка. Арина приготовила для всех настоящих завтрак и подняла сына Васятку, а также женщин-поденщиц, которые нанимались к другим во время сенокоса, жатвы и молотьбы хлеба.

Они не торопились на работу, ждали, пока сойдет роса, чтобы начать грести, свозить и сметать в копны или стога протряхнутое сено. Стирали потное белье и одежду в болотце, слегка причесывались, покрывали головы платками и, наконец, брались за работу. Одни сгребали граблями сено, другие вилами наваливали волокуши и свозили в одно место. Третьи метали деревянными трехрожковыми вилами, подавая ровные навильники на стог, где принимающий орудовал граблями или вилами, ровно укладывая сено по всей ширине, тщательно утаптывая, чтобы не промочили затяжные осенние дожди. Тут в основном орудовали хозяйка и ее сын Василий, умеющий не только косить, но и ловко метать стога, укладывать сено в воз, который получался широким и крепким. И Арина часто и незаметно любовалась им со стороны. Такой же голубоглазый, как родители, высокий, длиннорукий и стройный, с русым кудрявым чубом, он больше походил на интеллигентного горожанина, чем на крестьянина, хотя сельских работ не боялся. В школе учился хорошо и мечтал поступить в технический колледж в городе Златоусте. Матери, конечно, было жалко отпускать от себя любимого сына, но уж если он задумал чего, то отговаривать или переубеждать его бесполезно. А может, и к лучшему. Ему хочется работать на железной дороге, от которой был без ума, быть чиновником, а не хлеборобом, носить галстук и шляпу. А почему бы и нет? Разве лучше жизнь в станице, где нужно зимой и летом ломить, как коренная лошадь, рассуждала она про себя. Живут же и в городе люди, ездят на ямщицких ходках, не перелопачивают тонны назёма, не парятся до потери сознания на жатве и молотьбе. Или мы, как проклятые, будем всю жизнь

вкалывать, пока не вытянем ноги на травниковском кладбище?

А солнце припекало все больше и больше. От высыхающей травы неслись различные запахи, от которых то приятно щекотало в носу, то першило, то тянуло чем-то очень похожим на легкие духи, отчего волновалась душа и даже хотелось запеть, что они нередко и делали. В скошенной траве попадались начавшая засыхать полевая клубника, разносящая вокруг теплый ароматный запах, гроздь еще не увядшей костяники, облепившей куст, словно икринки красной рыбы. И они сами тянулись в рот и такими были желанными и сладкими, будто никогда и не пробовали такого. И невольно вспоминалась зима, пироги из сушеной клубники или настой из костяники, брусники, только что поднятый из погреба.

А стожки росли и росли, радовали душу. Люди работали легко, весело, с песнями, шутками и прибаутками.

- Василёк, ты что-то больно маленькие навильники кидаешь, наверно, во сне видел городскую неписаную красавицу, ухажером был? - спрашивала остроглазая Лизка Вязьмина.

- Какой он тебе ухажер, он – еще маленький? - заступалась мать.

- Хорош маленький, что корень в оглоблю! - не сдавалась настырная Лизка.

- Будет тебе глупости-то буровить, коза-дереза, язык без костей, что ли?

- А станичных красавиц и не замечает, - не отставала та.

Василий молчал, стыдливо отворачивая лицо и с еще большим рвением наваливаясь на вилы. Пот заливал его глаза, щеки, загорелую спину. Быстрее бы обед, тогда и в болотце можно искупаться, вода в нем была холодная и светлая, невесело думал он, не прерывая работы.

Родители, как и большинство жителей Травников, были на покосе. До него верст пятнадцать, если не больше, и ночевать домой они не ездили. Все дела по хозяйству легли на семилетнюю малышку Манюшку. А дел на ее хрупкие плечи навалилось много. Ранним утром и вечером нужно подоить коров, отправить в стадо и встретить после его возвращения. Загнать в стайку, прибрать телят. Дважды покормить кур, гусей, уток, пригнать с реки, закрыть в загон. Простирнуть одежонку, вытрясти домотканые половики, подмести и протереть сырой вехоткой полы. Не забыть огород, полить огурцы на навозной гряде. Пополоть траву. Сварить что-либо на обед. Присмотреть за младшей сестренкой Таиской. А уж если с чем не справлялась или что-то было не понятно, тогда советовали обратиться к соседской старухе Кузиковой.

Дел выше головы. Но девочка была подвижной, исполнительской, не отчаивалась и целый день кружилась по избе и двору, боясь что-нибудь забыть. Вот и сейчас, схватив бадейку и мурлыча какую-то мелодию, она направилась к колодцу. За ней увязалась Таська, которой шел только третий год. Погода была жаркой. На небе ни тучки, ни облачка. А солнце расплылось в сплошную оранжевую массу. Дорога покрылась толстым слоем горячей пыли, обжигающей ступни детских ног, и сестры старались быстрее оторвать их от земли, достичь тени огороженного досками колодца.

Наконец они юркнули под его спасительную крышу. Манюшка сняла со сруба большую кованую бадью с закрепленной на душке цепью. Думала налить воды в большую колоду для водопоя скота, а также отнести домой для хозяйственных нужд. Крутанула рукоять, и она быстро замелькала перед глазами, угрожая ударить по голове. Девочка предусмотрительно отошла в сторону, чтобы случайно не пострадать. Услышала удар металла об воду, решила остановить рукоять, тормозя ладонью отполированный от времени и сбавляющий обороты валёк. Загляну-

ла за высокий сруб, подергала за цепь, чтобы посудина утонула и зачерпнула воды, и взялась двумя руками крутить упругую ручку. Делать это в ее возрасте было опасно и нелегко. Не дай бог, она вырвется из рук и ударит! Но Манюшка не первый раз ходила на колодец. Особенно было опасно зимой, когда нужно подтягивать полную бадью к себе, а сруб и все вокруг него было покрыто льдом. Чуть поскользнулся, и упадешь, обольешь себя водой и примерзнешь ко льду. Лед время от времени мужики по очереди скалывали пешней и топорами. Но он быстро сковывал колодец и его горловину своим крепким панцирем и все больше разрастался, ибо воду набирали часто, и она нередко попадала мимо ведер, а бадья с трудом пролазила в горловину.

Но сейчас на дворе стояло лето, и опасность была не столь большой, как холодной зимой. И все равно Манюшка старалась быть осторожной, позаботилась и о сестренке, заметив:

- Отойди подальше, а то поцелует по загривку!

Наконец тяжелая бадья выплыла из жерла колодца, и девочка взялась за душку, чтобы подтянуть ее ближе и поставить на край сруба. Но вокруг колодца было налито, она поскользнулась и не успела моргнуть глазом, как тяжелая посудина перетянула ее и полетела вместе с Манюшкой в леденящую душу глубину колодца. Девочка летела вниз головой, пересчитывая ногами мокрые ряды сруба. Ударившись головой о воду и уйдя на немалую глубину, она каким-то невероятным усилием перевернулась вверх головой и всплыла, хотя и плавать-то толком не умела. Правда, летом ходила с подружками на плотину. Там они, держась ручонками за шлюзы, плескались в небольших потоках воды, протекающей сквозь щели. А вниз, куда она стекала, образуя широкую и глубокую впадину, заплывать боялись. По весне не удержалась за деревянный шлюз Поля Кузикова, и ее утащило в глубь. Утонула.

Смертельно испугавшись, Манюшка вынырнула из воды и поначалу ничего не могла рассмотреть в глубоком мраке. Руки и ноги испуганно дрожали. Но она стала хвататься за ряды бре-

вен сруба. Они были скользкие, как только что вытащенная из реки рыба, покрыты зеленым мхом, как старые щуки, и к ним было боязно прикасаться. Но в столь трагический момент об этом почти не думалось. Ледяная колодезная вода, казалось, сковывала не только тело, но и мысли. Она нервно билась руками и ногами, пока из мрака не выплыли серо-зеленые кольца сруба. Не нащупав бадьи, которая ушла на дно, и, не догадавшись, что можно ухватиться за цепь, она пошарила рукой по срубам и нащупала там щель, куда пролазили пальцы, потом другую. Ухватившись за дерево, она с боязнью и надеждой посмотрела вверх, где должна быть Таська. Боялась, чтобы та сама не свалилась в колодец или не убежала с перепугу.

- Ка-ак отсю-уда вылезти-и?- с трудом протолкнула она сквозь дрожащие зубы и губы несколько слов.

И поняла своим детским умом, что вылезти невозможно. Остается надеяться на то, что кто-то придет за водой. Но кто может прийти, когда все на покосе? Эта мысль привела ее еще в больший ужас. Она лихорадочно цеплялась за любую надежду. Думала попробовать вылезти, упираясь ногами в ряды сруба. Но они были очень скользкие и почти плотно прилегали друг к другу. Ноги и руки скользили на них, не могли зацепиться и удержаться. А про висящую рядом цепь она совершенно забыла и не догадывалась, что можно попробовать по ней подняться. Да и разве осилить маленькой девочке такой подъем по цепи на самый верх?

- Но что делать, что делать?! - спрашивала она себя, не находя ответа. - Только ждать счастливого случая, что кто-то придет за водой.

И тут она вспомнила про соседскую старуху Кузичиху. Конечно, она была в больших годах, ходила тихо, переваливалась с боку на бок, как жирная осенняя утка. Да к тому же изрядно глухая. Но утопающий ловится и за соломинку, а тут других вариантов может и не быть.

- Та-ася, Та-ась, - позвала она сестренку, задрав голову. -

Небось, убежала с перепугу. Та-ась...

- Тут я, Маруся, - через время донесся слабый детский голосок. И она увидела, как из-за сруба показалась волосатая головка сестренки.

- Я в колодец упала... Беги к Кузиковым, зови бабу Дарью, мол, тону я. Пусть идет выручать.

- Бабу Кузю? - переспросила малышка.

- Кузю, Кузю!- с надеждой подхватила Манюшка, по-лягушечьи взбрыкнув ногами и сильнее ухватившись за бревна.

- Беги бегом, а то утопну!

- Ща-ас, - донеслось сверху, и голова сестренки исчезла из виду.

Догадается ли она, такая карапузка, думала со страхом Манюшка. Найдет ли бабу Дарью?

А Таиска топала босыми ножонками по горячей пыли. Свернула к калитке Кузиковых. Вошла во двор. Она знала, что по двору бегал большой и лохматый пес Тузик. Страшный и злой, который драл всех соседских собак. И она его очень боялась. А он, услышав щелчок запора калитки, лениво вылез из конуры, посмотрел свысока, кто там тревожит покой короля травниковских псов? Мол, я его одним щелчком челюстей перекушу пополам!

Но на него повеял знакомый запах безобидной соседской девочки, которая нередко крутилась тут с кузиковскими ребятишками.

- Р-ры, - тихо, но недовольно рыкнул он, дескать, тут еще всякая мелюзга не дает покоя в такой полуденной зной. Почесал лохматой лапой бок, подняв небольшую пыль на вытопанной у конуры земле. Он глянул на нее хищным взглядом, но вдруг прочел на ее кислом лице недетскую озабоченность и испуг. И понял: что-то стряслось неладное.

Дружелюбно помотав мохнатым, в репьях, хвостом, мол, не бойся и проходи, он лениво залез в конуру и вывалил из нее мясистый красный язык. Боязливо оглядываясь на него, Таис-

ка мышонком прошмыгнула в сени и вошла в открытую дверь кути, где сидела с распаренным лицом бабка Дарья и пила из красивого блюдечка горячий чай. Другое блюдечко было наполовину залито свежим медом. И она макала в него куском пшеничного калача.

- Баба Кузя, баба Кузя! - взяла с места в карьер девчушка.

- Чо ты тараторишь, касатка? Сперва садись да чайку с медком попей, недавно колоду качали.

- Баба Кузя, Манятка тонет в колодце! - попыталась докричаться и объяснить гостя.

- Чо те, муки? - не понимала глухая старуха.

- Манятка тонет в колодце! - объясняла старательно та и крутила рукой подразумеваемую рукоять.

- Жернова нужны? - допытывалась старуха, поняв что-то неладное.

А девочка, лопоча что-то непонятное, уже подошла к ней близко, схватила дряблую руку и потянула на улицу.

- На вот дак, чо там стряслось? - произнесла удивленно Кузичиха, поднимаясь с лавки и шаря рукой кривой березовой костыль.

Таиска вывела ее за ворота и повела в сторону колодца. Баба Дарья спешила, но ее когда-то неутомимые ноги уже плохо слушались и запинаясь за бугорки и камушки, поднимая густую пыль.

- Шибче, баба, шибче! - подгоняла ее юная спутница.

Наконец дошли до колодца, и девчонка показала пальцем в его горло. Дарья начала понимать, что тут случилось. Взявшись вялой рукой за стойку, она попыталась заглянуть внутрь, откуда пахло неприятным холодком. Подслеповато всматривалась в настороженную темноту, не зная, что оттуда может появиться.

- Ба-абушка Да-арья, ба-абушка! - донесся оттуда глухой голос Манятки, и тут старуха осознала всю трагедию случившегося.

Много времени миновало после ухода Таиски. Не меньше

пятнадцати – двадцати минут. Этого могло с лихвой хватить, чтобы тело переохладилось, чтобы его сковали судороги и пальцы сами отпустили края бревешек сруба, за которые держались. Пострадавшей же эти минуты показались вечностью. Она пробовала отвлечь свои мысли, считать и досчитала несколько раз до тысячи, сбивалась и начинала снова:

- Раз, два, три...

Потом пыталась что-то запеть, но голос уже почти не слушался ее. Тело все больше и больше наливалось и сковывало холодом, руки и ноги отказывались подчиняться. «А если я утопну, и никто не узнает, где я пропала? Ни мама, ни тятя, ни Вася,- печально думала она.- И люди будут брать из колодца воду? А что станут делать, если узнают, что я утонула в колодце? Будут ведрами выкачивать всю воду, чистить колодец? Сколько труда затратят!»

Ее зубы и конечности сводило все сильнее, сильнее. Она уже не чувствовала пальцев, которые вот-вот могут разжаться. И все будет кончено с ее молодой жизнью. Придет смерть, и она, как Поинка Кузикова, больше не увидит мать с отцом, своих близких и знакомых. Не увидит теплого солнышка и ясного небушка, извилину Коелги, не пойдет в школу, в которую так хотелось и в которую собиралась пойти этой осенью.

Не чувствуя пальцев, она уже не знала, держится ими или нет, на плаву она или уже ушла на холодное дно?

- Все-все, - еле шептала она губами.- Все ушло и закончилось...

И она бессильно закрыла глаза.

- Кто та-ам? - вдруг донесся до нее скрипучий старческий голос. А может, просто показало, ведь замерзающим людям, слышала она, всегда что-то видится или кажется.- Есть кто, откликнись,- осеняя крестом колодезную глубину, настороженно спросила Кузичиха.

- Это я, Ма-аня! - собрав последние силы, выкрикнула девочка.

- Свят, свят, Господь с тобой! - вскрикивала ее соседка. - Держись, Манюшка, и залазь в бадью.

Она потихоньку стала крутить валец, пока не услышала всплеска воды.

- Значит, бадью вытянула из глубины, - сама с собой рассуждала она. - Берись за цепь и залазь в нее. Так надежней. Не бойся и крепче держись, а я попытаюсь тебя поднять.

От доносившихся слов старухи у Манюшки, как ей показалось, прибыло сил. Она попробовала оторвать одну руку от стенки и ухватиться ею за натянутую бадьей цепь. К счастью, получилось, и она оторвала вторую, кое-как закинула ноги в широкую посудину и даже попробовала присесть на кромку.

- Гото-ова? - спросила вскоре Дарья.

- Гот-т-това, - стуча зубами, откликнулась девочка.

- А ты не нечистая сила? - усомнилась старуха.

- Дев-вочка я, Ильина, - ответила та.

- Тогда с Богом! - с надеждой вымолвила спасительница и со всей силой налегла на рукоять. И когда та находилась в нижнем положении, маленькая Таиска пыталась помочь и подтолкнуть ее вверх. Но Дарья предупредительно отгоняла:

- Брысь отсюда, а то вырвется из рук и выхлещет последние зубенки. Чем сухари будешь грызть?

Бадью раскачивало в разные стороны, и Маруся то и дело торкалась спиной о холодные и скользкие стенки сруба. Ей казалось, что никогда не будет конца этому страшному подъему, что у бабушки Дарьи не хватит сил, и она больше не увидит ласкового солнечного света. Девочка с нетерпением всматривалась в серое пятно вверху, пока не увидела крутящую из последних сил вороток бабу Дарью. Наконец сруб остался ниже ее, и перед взглядом девочки выплыли испуганные лица близких людей. Она отпустила цепь, кинулась из последних силенок навстречу деревянной стойке, ухватилась за нее так крепко, что спасительница еле оторвала ее.

- Ну, все, отпускай руки. Ты уже наверху, - успокаивала старуха.

Та обхватила ее руками, прижалась всем телом и не хотела отпускать. Наверно, в этот момент ее и невозможно было оторвать никакими силами, ведь у страха глаза велики.

- Успокойся, милая, успокойся. Господь с нами. Щас побежим домо-ой,- ворковала ей на ухо соседка, согревая своим последним и уходящим теплом.

Доведя до дому, она уложила ее на деревянную кровать, укрыла стежонным одеялом. Потом согрела самовар, напоила чаем с медом и вновь уложила в постель. Девочку все еще трясло, будто ехала на разбитом шарабане, и Дарья чуяла, что может случиться беда. Нужно что-то делать.

- Ты вот чо, милая, полежи тут, погрейся в тепле. До костей ить продрогла. А я схожу к дежурному казаку в правление. Пусть оповестит мать с отцом. А к вечеру истоплю баню. Пусть Арина тебя хорошо прогреет, пропарит, чтобы простуда и всякая лихоманка не прилипли. А ты, Таиска, пригляди за хворой сестрицей. В случае чего – сообщай мене.

3

Манюшку сильно знобило. Она куталась с головой под недавно сшитое матерью стежонное одеяло, но все равно не могла согреться, хотя чувствовала, что по шее, груди потекли капли холодного пота. Временами даже закладывало уши и пропадал слух. Хотя она услышала быстрый стук подков по их улице, по Уфимскому тракту. Это, наверно, поскакал галопом вестовой из казачьего правления либо посланный им мальчишка-казачок, чтобы сообщить ее родителям о несчастье.

Узнав нерадостную весть, косари взволновались.

- Ехать домой надо, Алеша, беда там! - заговорила первой Арина.

- Надо, Оря, надо, - безропотно согласился муж.- Я тебе запрягу пару, и скачи во весь мах.

Так и сделали. В корень запрягли Гнедка, а в пристяжные

молодую кобылу Майку. Выехав на проселок, Арина поднялась во весь рост, по-мужицки широко расставила ноги, намотала на одну руку вожжи, а в другой сжала ручку ременного кнута, который то и дело свистел в воздухе и тонким концом обрушивался на упитанные конские холки. И кони летели стремглав, не обращая внимания на кочки и впадинки на дороге. И только горячий ветер свистел в ушах разгоряченной казачки и разметывал ее светлые косы. Дай ей сейчас шашку в руки вместо кнута и направь на неприятельские ряды, и не удержались бы на плечах многие буйные головы от ее стремительного напора.

- Поше-ол, поше-ол! - только и вскрикивала Арина, цепким взглядом всматриваясь в дорогу.

Она домчалась быстро, большие ворота уже кто-то предусмотрительно распахнул. И она чуть не на полном скаку влетела в широкий двор, аж врассыпную кинулись с криком куры. Бросила на спину Гнедка вожжи и бегом направилась на высокие ступеньки крыльца.

Ворвавшись в комнату, как вихрь, она подскочила к кровати, где увидела в комок собранное одеяло, под которым, подтянув ноги к подбородку, лежала ее старшая дочь. Она дрожала всем телом, тяжело и со свистом дышала и даже слегка повизгивала, как слепой кутенок. Глаза ее были закрыты, а ресницы слегка подрагивали. Мать протянула руку, пощупала головку, грудь и чуть не отдернула от неожиданности.

- Горит огнем, бедняга, - произнесла с болью в голосе. - Господи, помоги ей, ведь это моя помощница и надежда.

Перекрестив дочку и накрыв с головой одеялом, она вышла во двор и собралась забежать к Кузиковым, но навстречу ей бросились голодные куры. Утки и гуси еще были на реке, а коровы в стаде. В пристройке к стайке визжал и хрюкал поросенок, просил корма. И она пошла в амбар, зачерпнула плицу зерна и тонким слоем высыпала недалеко на землю. Со всех ног куры бросились к ней и начали жадно клевать, время от времени награждая клювом досаждающих и бойких соседок,

подбирающих зерна из-под самого их носа.

Потом Арина побежала в куть. Надо было накормить поросенка. Возле печки увидела корчагу с отрубями. Значит, Манюшка успела их приготовить.

- Вот хозяйка-то, все умеет! - заочно похвалила дочку.

Вывалив отруби в лоханку, Арина разбавила их водой, помяла и добавила вареной картошки, размешала и понесла Борьке. Он уже был довольно крупным и прожорливым. И чуть не набрасывался на деревянную лоханку, хватал зубами, готовый откусить хозяйкину руку, лез ногами в колоду, но быстро успокоился и начал смачно чавкать, благодарно косясь на хозяйку кровавым глазом.

- Жри, Борька, жри, нагуливай жирок, - с легкой нежностью похлопала его по колючей щетинистой шее, захлопнула дверь и закрыла задвижку.

А у ворот гремела цепью и мела хвостом землю Пальма, рвалась к хозяйке и радостно скулила.

- Соскучилась, милая, тоже не кормлена? - приласкала она суку. Та была палевого цвета с длинными и сильными лапами, похожая на русскую гончую. - Несчастье у нас, Пальма. Манюшка чуть не утопла. Вся скотина не кормлена. А Таюшка, наверно, набегалась и спит. Не догадывается, что мамка приехала.

Она снова заглянула в куть, потянула руку к полке, достала ржаной каравай, отрезала солидный кусок и бросила суке. Добавила воды в черепушку. Не обошла и птиц. И тут услышала скрипучий голос соседки:

- Ты дома, Аринка?

- Дома, дома, заходи, баба Даша! - выбежала та навстречу гостю. Кузикова была подруга Ариной свекрови-покойницы Варвары Емельяновны, ушедшей в лучший мир года два назад. Бывало, по воскресным вечерам они нередко встречались и судачили на лавочке о том и сем, рассказывали станичные новости, перебивали землякам косточки. А то и играли в карты.

Причем азартно. Похоже, немного шулеровали, уж больно хотелось оставить в дурачках заводную и высокомерную соседку.

- Ты чо кроешь винями, когда надо трефями?! - прикрикивали одна на другую и обжигали недовольным взглядом.

- А как ты бубей кроешь червями?

- Да мои-то черви дороже твоих козырей.

- С какой это стати?

- В общем, не умеешь в воде пукать – не пугай рыбу.

- Ты больно умеешь. Весь порядок запукала. Принимай и раздавай, давай работай руками, ежели котелок не шурупит.

- У тебя больно шурупит, едрит твою мать! То-то корову вместо пошла брагой чуть не напоила.

- А не твой ли сынок вместо вина квасу хлебнул и запьянел?

И пошло, поехало.

- Больше сроду не сяду с тобой играть, - поднималась гостья.

- Ну и проваливай по холодку, пока собака не покусала.

- Ты сама почище собаки кусаешь. И пойду! И ноги моей тут больше сроду не будет...

В пух и прах разругивались надменные и неугомонные старухи, будто лютыми врагами становились друг дружке. А на другой день, как ни в чем не бывало, мирно сидели на лавочке, беззаботно щелкали семечки или снова резались в карты.

- Заходи, Дарья Селиверстовна, заходи! - от всей души пригласила хозяйка. - Большое спасибо и низкий поклон тебе за спасение Манюшки. Дай Бог тебе доброго здоровья и долгих лет.

- Дело житейское, чего там, - простодушно отмахнулась старуха. - Таську благодари, это она, вошкарка, не сробела и меня, старую клушу, вовремя привела.

- В долгу не останусь, - пообещала хозяйка.

- Да Бог с тобой, милая, какой долг за малого дитятку да среди соседей? Помру, так поможешь обмыть, посидишь у до-

мовины, обед на поминки сготовишь. Да разве тебе об этом наказывать?

- Рано тебе, еще дебелия, боевая, - успокаивала ее Арина.
- А случись чего, разве бросим.

- Я ее, Манюшку-то, чаем с медом напоила. Баню истопила. Небось, знобит ее, пропарить надо хорошо, веником постегать. Если будет кашлять, хреном или горчицей грудь намазать...

- Спасибо тебе, Селиверстовна. Пойдем-ка в избу, я тебе кусок ситца дам и рыбки сушеной, Алешка поймал.

- Храни вас Бог - подарков не берем, - гордо проронила старуха и направилась к воротам. - Разве мало вы нам делали добра?

* * *

Сенокос уже подходил к концу, и на лугах, близ небольших и редких березовых колков, выросли десятки копен и стожков. Копны клались такие, чтобы можно было всю сразу скинуть на телегу и отвезти в свой станичный двор, сметать в большие зароды и по осени этим сеном кормить скотину. Стога в основном уже вывозили по снегу и на санях. Раскладывали широко, усердно утаптывали, чтобы воз не завалился на ходу на ухабистой дороге. Особенно на телеге. Таким же макарком возили и солому. Правда, она была привередливой, короткой и скользкой. И такой воз, как из сена, из нее не сложишь, если не хочешь развалить по дороге. И в обоих случаях не забудь про бастрык. Такое длинное березовое бревешко с зарубиной для веревки, которое клали поверх воза и крепко стягивали спереди и сзади.

Их посевы были недалеко от сенокоса, и скоро придется собираться на жатву. Там была и заимка, где жили хлеборобы во время посевной и жатвы. Но сейчас жить на заимке было жарко, беспокоили мошкара и блохи, недаром говорилось: «Блошка, да мошка, да третья вошка – а упокою нет».

Поэтому во время сенокоса чаще спали в шалаше, а то и на телеге, под телегой. С вечера разводили костерок, варили

ужин и поддерживали до утра, подбрасывая старые трухлявые березовые и осиновые пеньки, чтобы дольше шаяли и дымили, отпугивали комаров и мошку.

Скоро косари и гребцы возвратятся домой, и Арине можно было уже не ехать на покос. Да и куда поедешь от больного ребенка, не бросишь же его на погибель? Надо было его срочно спасать. И Арина побежала в баню. Достала с чердака свежий березовый веник, сунула в котел с горячей водой, чтобы хорошо распарился и размяк, чтобы не стегал по нежному тельцу больной девочки, а ласково обнимал его и каждую пору кожи наполнял живительным теплом, умягчал каждую косточку, ноготок, чтобы они набирали сил и становились не только гибкими, но и упругими, крепкими. Нет ничего лучше для простуженного человека русской бани. Горячий веник равномерно пропаривал все тело. А жар из каменки и пар прогревали даже все нутро, горло, бронхи, легкие, чтобы выгнать из них до последней капли простуду и мокроту. Чтобы вместе с кашлем, чиханием не вылетали ее скользкие и противные кусочки.

Сколько народу за почти тысячелетнее существование Руси спасла русская баня! Не сосчитать. Как звезд на небе, не меньше. Поэтому лишь на нее и надеялись люди, особенно сельские, да еще и зимой, ведь в большинстве их селений, деревень, станиц, хуторов не только не было врачей, но и даже фельдшеров. Только повивальные бабки да знахарки, которые смыслили далеко не во всем и не раз ошибались в диагнозах и лечении, были виновниками преждевременной смерти.

Конечно, к ним шли, ибо больше было не к кому идти, надеялись на лучшее. Но и сами старались познать доступные методы лечения. Например, при простуде не только парили в бане, но и сажали над чугуном с горячей картошкой, накрыв сверху шалью или дерюжкой, заставляя полной грудью вдыхать горячий пар. Или таким же способом прогревали ноги. Не только мазали грудь хреном или горчицей, но и давали выпить горячего чаю с вином, пунша. А то и ложку противного керо-

сина, который заедали кусочком сахара или медом. Потребляли и горячий бараний жир. От обморожения натирали гусиным жиром. А при серьезной болезни легких пили и барсучий жир. В каждом селении, к счастью, находились охотники, которые нелегким трудом добывали хитрых и злобных при защите барсуков. Раскапывали многочисленные ходы и выходы в норах, посылали туда специально обученных собак, ибо не каждая возьмет этого зубастого зверя. Случалось, что и барсуки рвали, а то и задирали собак.

Добыв барсука, охотники топили в печке его жир и продавали нуждающимся, которые всегда находились, а то и заранее давали наказ, ведь тогда всю гуляла по селениям проклятая чахотка, называемая по-научному туберкулезом. Это была страшная и почти неизлечимая, разрушительная болезнь. Больные ею люди дико маялись, худели, выделяли при кашле опасные бактерии, которые заражали родных, близких и окружающих их людей.

Перепуганная Арина многое передумала, перебрала в мыслях все опасные последствия и болезни. Вспомнила и о страшной чахотке, которая, не дай Бог, привяжется к дочке и изломает всю ее судьбу.

- Не-ет, надо действовать, надо лечить и спасать бедняжку, которая столько время провела в колодце! Взрослый такого не выдержал бы, замерз насмерть, а тут беспомощный ребенок.

Видя, что баня готова, она побежала в дом. Достала из комода чистую детскую рубашку и направилась к Маняшке. Та, раскутав лицо, тяжело и с хрипом дышала. Пот катился по ее лбу, болезненно порозовевшим щекам и шее, мочил наволочку подушки.

- Моя маленькая Машенька, - зашептала мать, наклоняясь к ней.

И та услышала ее шепот, почувствовала чье-то присутствие, открыла глаза и непонимающе смотрела на нее. Арина была сильной и проворной, почти сорокалетней казачкой. Про

таких говорят: крепкая, как лошадь, баба. Она немало видела детских смертей и болезней, но при виде хворой, обессиленной дочери она не выдержала, залилась слезами.

Наконец Маруся пришла в себя, долго всматривалась в знакомые черты лица, пока не узнала ее.

- Не плачь, мама, я живая, - успокаивала девочку, протягивая навстречу ручки. - Не собиралась тебе говорить, да ты сама узнала. Баба Даша с Тасей меня спасли...

Вдруг губы ее задрожали, и она расплакалась, потом заревела навзрыд, трясясь всем тельцем. Не выдержала и Арина. Прижав ее сильно к себе, она сама разрыдалась то ли от радости, то ли от неожиданно обрушившегося горя, не замечая, как промокла юбка от потной рубашки дочери. Потом нежно гладила ее шершавой от сельской работы рукой по головке, спине, приговаривая сквозь слезы:

- Не плачь, моё дитяtko. Селиверстовна жарко натопила нам баньку, я приготовила веник. Сейчас пойдем париться и прогревать тебя, всю хворь выгонять, чтобы завтра стала, как огурчик...

- Поправля-ать, - охотно и с надеждой соглашалась дочь. - Как огу-урчик...

Мать на руках отнесла ее в баню, раздела, положила на полок, облила из ковша, взяла веник, плеснула шайку холодной воды на каменку и стала сперва потихоньку, нежно, потом все сильнее опускать на нее распаренный веник, аж от него пошли горячие парные потоки. Не забывала плескать на каменку.

- Хватит, хочу на пол, - стонала и просилась дочка.

- Потерпи, маленькая, еще немножечко. Вон в уголке осталась еще простудка, и ее, окаянную, надо выгнать, ишь, где пригнездилась,- уговаривала ласково мать, у которой самой уже начинала кружиться голова. И она боялась, что они могут обе угореть от свежего жара и тем самым не помочь, а навредить делу.

Наконец, отбросив веник и распахнув настежь дверь, она завернула Манюшку в одеяло и неуверенной походкой поспешила в дом.

Много дней дочь приходила в себя. Показать бы ее хорошему врачу, мечтала Арина, но где его возьмешь в такой глуши? Только разве везти в Челябину, Миасс или Златоуст? На какие вши повезешь, ведь надо добираться еще до «железки», ехать поездом в город. И еще платить доктору. А платить нечем. Хлеб еще не убрали, скотину летом не колют. Да и кто поедет с ней? Сама Арина там никого и ничего не знает. Алексею не до поездок: то сенокос, то уборочная. Да и он такой же знахарь, как она. Василек еще молоденький. К фельдшеру разве сводить или знахарок позвать?

Смотрели и знахарки. Зелья всякого готовили, поили им. Молитвы читали, и заговоры шептали, жженой травой дымили, брызгали чем-то. Успокаивали полушепотом:

- Радуйся, Ариша, на поправку пошло.

Она за это от души благодарила, кому муки полпуда, кому шмат соленого сала сунет или фунта три коровьего масла, сбитого своими руками, а то платок или косынку на голову, мол, за труды ваши и участие. Носите на здоровье. Для хороших людей добра не жалко.

А дела-то складывались не шибко хорошими. У Маши долго не проходил шок. В теле стоял жар, особенно под вечер. Ее знобило и трясло, как в лихорадке. Она часто надсадно кашляла и чихала. Глаза ее слезились, а ночью и после сна слипались, гноились, и мать их промывала чаем. Почти ничего не ела. Сколько дней и ночей проплакала Арина у постели больной! Все лучшие и худшие варианты передумала, перебрала в уме, пропустила через свое крепкое сердце!

- Ты хоть поднимись, поешь, - умоляла она. - Вот сливки, сметанка, собственные огурчики, грибы жареные и соленые.

- Не хочу я, мама, тошнит чего-то, - отвергала она, и у матери начинала ныть душа.

- Может, супчик с мясом, лапшой или бульон? Или курочку пожарить?

Но однажды утром девочка позвала мать и попросила:

- Хочу парного молочка и яичка...

Бедная мать не поверила ее словам, переспросила. Сильно топая по половицам босыми ногами, побежала в куть, что-то второпях уронила на пол, не сердито вскрикнула: «Вот похоружая!»! Налила кружку парного молока, взяла три только что сваренных в самоваре яйца, отломил от еще теплого каравая ломоть и понесла дочери. Помогала чистить яички, посыпала их солью и радостно подавала. Это было ее самым большим счастьем за последние годы.

4

Выздоровление было длительным, затяжным, но все-таки на радость родителям оно наступило. Стал спадать, а потом и совсем исчез жар. Ее перестало знобить и трясти, как в лихорадке. Глаза очистились, и взгляд посвежел. Она уже начала садиться в постели, даже играть с Таиской, а потом и вставать. Правда, ее еще покачивало из стороны в сторону от долгого лежания. Но она уже все чаще прохаживалась по комнате, выходила во двор, держась за стенки. Но там было все еще жарко. Немилосердно пылало солнце, и у Манюшки начинала кружиться голова.

Ни она сама, ни мать поначалу не заметили, что одна ножка не совсем слушается хозяйки, и она как бы слегка подтаскивала ее. А когда заметили, то подумали, что это от ушиба, со временем пройдет. Но ножка не проходила, и девочку повезли к фельдшеру.

- Так не больно? А так? - долго крутил и ощупывал ногу пожилой фельдшер. - А ну-ка присядь, подпрыгни. Здесь не болит? А здесь? Да у тебя не паралич ли, девонька? - испуганно проговорил он, сильно сомневаясь в своем диагнозе. - По толщине ножки одинаковые, может, еще шок не прошел или

последствия не успели сказаться? Покрути-ка ручками вот так, - показал он своими кистями.- Подними вверх, разведи в стороны, хлопни в ладоши. Руки нормальные, а с ногой, Арина Алексеевна, надо обращаться в город к специалисту. Если поедешь, напишу направление. А ехать необходимо - девочка может стать инвалидом.

Фельдшер был подслеповатым и внимательно разглядывал больную белесыми глазами. Потом переводил взгляд на ее мать и старался убедить ее.

- Надо ехать, - соглашалась Арина, - да на что и как поедешь в такую даль, когда через день – два начнется уборочная страда, когда каждая пара рук дорога? За сотню верст везти ее – не баран чихнул.

Так же рассудил и отец.

- Когда и кому разъезжать по городам, когда хлеба надо валить да убирать? - недовольно проворчал он. - Может, это еще с горяча, может, само со временем пройдет, а мы тут паникуем? Вот уберем урожай, обмолотим зерно, засыплем в амбары и продадим хоть часть, тогда можно и съездить. Да и за лобогрейку надо сперва рассчитаться.

На этом и остановились. Предполагала мать, что так и опоздать можно, запустить болезнь, да ведь все в Божьих руках, его и надо просить. И она каждую ночь молила его, боясь, что грехи земные им помешают.

- Господи, пронеси и помилуй это маленькое дитя! Дай ей здравия и рассудка. А мы уж будем молиться и трудом отрабатывать свои грехи и твое милосердие.

А тут подошла пора жатвы – одна из самых ответственных на селе. К ней, как всегда, готовились. Той осенью подготовка была особенно тщательной, ведь в прошлом году Алексей Ильин, подсобрав денег, купил в кредит в товариществе «Саламандра» лобогрейку. Надоело ему косою валить пшеницу и рожь. Работа необычайно тяжелая, изнурительная и медленная. Выматывала все силы. И вот, посоветовавшись со знающими

людьми, женой, он накопил денег, продав лошадь, две коровы, зерно, и получил этот долгожданный агрегат. Даже опробовал прошлой осенью. К счастью, получалось неплохо. И душа его пела от избытка радостных чувств. Теперь ему не страшны эти чертовы десятины, как и положено, полученные на себя и сына.

Вот и в конце этого августа выкатили с Аполкой ее из сарая-завозни. Вытерли пыль и грязь, смазали ходовую и рабочую части, не забыли мотовило и другие детали, поточили ножи. Проверили и починили конскую сбрую, телеги. И, наконец, выехали на заимку всем табором. Выпрягли и отпустили пастись лошадей. Стаскали в сарай овес для корма коней, брезент, занесли в избушку еду, постели, одежду, посуду. Развернули лобогрейку и телеги, направив оглоблями в сторону выезда с заимки. Отбили косы. Приготовили вилы и грабли, закрутку снопов.

Все предусмотрел заботливый хозяин, чтобы завтра с утра выехать на поле. Он не вытерпел и сходил к нему, прошелся вдоль посевов, порадовался жирным хлебам. Сорвал несколько колосков, размяв в ладонях, понюхал зерна, полюбовался их золотым наливом и полнотой, пожевал, засунул остатки в карман, чтобы зря не пропали, и почувствовал, как в груди стало зарождаться и разливаться приятное тепло. Аж пот от оптимистичного ожидания выступил на лбу, и легкую улыбку стали излучать его голубые глаза, похожие на чистое весеннее небо.

Вернувшись на заимку, он долго еще ходил по двору и избушке, спрашивал то и дело:

- Сала-то взяли?
- А сушеного мяса?
- А яиц не забыли?
- И брюкву?
- А нитки с иголками?

Слава Богу, вроде ничего из самого необходимого не забыли. Тогда можно сходить и нарубить дров. А ночью ему не спалось. Было жарко, жужжали и кусали надоедливые комары. Но не

спалось не от них, а от дум, обуявших его давно нестриженую голову. Как пройдет первый прокос и пойдет дело дальше? Не откажет ли этот бездушный левиафан-лобогрейка? Не сломается не вовремя? А погода не подведет, не нагонит сильного ветра, от которого могут полечь хлеба? Не исхлещет безжалостно их неумолимым градом? Не навалится ли затяжное ненастье, не испортит все дело, не погноит зерно?

Вопросов и испуга было очень много, а ответов почти никаких, ведь Алексей – не Господь Бог, не кудесник или какой-нибудь колдун, чтобы править делами природы. Он простой смертный, раб этой самой природы и грешник, как и все окружающие его люди, хлеборобы, скотоводы, богачи и бедняки, хозяева и работники. А простым смертным и прочему трудовому люду она, к сожалению, не подчиняется. Он и не мечтал о заоблачной цифре, но неплохо бы, думалось, пудов по сто с гаком собрать зерна с десятины на круг. И себе бы с лихвой хватило, и на продажу пошло. А там и тети-мети заведутся, мебелишку, одежонку какую прикупить жене и детям. А в первую голову долг за лобогрейку отдать. Уж больно он в должниках не любил ходить. Шубы новые справить, тулупчик дорожный, у старого совсем шерсть на полах выносила. Да и дочку докторам показать, если не пройдет хромота.

До самого рассвета пролежал в полузабытьи и разных неотвязных, как цыганки, думах.

И так вот всегда в первую ночь. Утром при жатве нужно подниматься выспавшимся, бодрым, чтобы хватило на целый день. А он поднимался вялым, недоспавшим, сердитым.

Еще в полусне стал надевать штаны задом наперёд. И завозился с ними до злости:

- У-у, мать твою за ногу, какой бес шаровары запутал! - ругнулся он, запутавшись в штанинах и чуть не упав.

Побежал к рукомойнику, плеснув на лицо воды и слегка пройдясь по нему холстяной тряпкой, висящей вместо полотенца на суку березы. Сел за стол, съел кусок свиного сала с огур-

цом, выпил чаю, заваренного на ветках смородины, и побежал к лошадям.

- Аполка, давай запрягать! - крикнул на ходу работнику, который толком еще не успел продрать глаз. - Все бы дрых, осиновый пенек, язвить тебя!

Крикнул не со зла, больше для порядка, чтобы не только работник, но и остальные поторапливались. Время не ждет. И погода тоже. А пока она была теплой, солнечной, для уборочной страды лучшего и желать не надо.

Наконец они подъехали к самому началу поля. И оно показалось не полем, а целым морем пшеницы. Хозяин обвел его радостным и трепетным взглядом, троекратно перекрестился и произнес:

- Ну, с Богом... Включай рычаги, Аполка!

Он дернул вожжами, и пара коней уверенно двинулась с места, увлекая за собою жнейку. Она сначала нервно дернулась, легонько затарахтела, пощелкивая ножами и рычагами: чок-чок, чок-чок...

И срезанные с колосьями стебли безвольно повалились на специальную площадку. Стали сбрасываться на ощетинившееся жнивьем поле. Их подбором занимались специальные люди, которые вязали снопы. Руководил ими ильинский сосед Петр Сорока. В станице их было два брата – Иван и Петр. Оба жили по соседству с Ильиными. Были похожи друг на друга лицом, но имели совершенно разные характеры и привычки. Старший, Иван, считался несусветным вралем и болтуном. Не успеют ему что-либо сказать, как тут же знала вся станица.

- У Ваньки и вода в заднице не удержится, - говорили про него станичники. - Потому и зовут Сорокой.

И уж никто толком не помнил, то ли фамилия у него такая, то ли кличка: «Сорока» да «Сорока», - звали его. А попутно с ним и младшего брата Петра, человека сдержанного, доброго и не очень разговорчивого.

- Собака лает – ветер носит, - говорил он про брата, безна-

дежно махнув рукой. - Он ведь появился на свет вперед ногами, а не головой. Вот у него все наоборот и получается. Дурь-то вперед него родилась. Как тряпишная баба, треплется.

Нелестно отзывался и тот о Петре.

- В детстве Петька без штанов бегал и занозил конец колючкой татарника. Там для него оказалась подходящая почва. И вырос красноголовый татарник. Он шибко колется, и никто не может вытерпеть его. А бабы и одной ночи не выдерживают. Как скаковые лошади, драпают от него по утрам. Двадцать седьмую уже заездил, ага, - не моргнув глазом, утверждал Ванька. - На-смерть за...ездил.

- Мели, Емеля, твоя неделя, - возражали некоторые ему. - Язык-то без костей.

- Язык-то без костей, - беззлобно соглашался Сорока, - только у Петьки там такая кость, что не приведи Господь. И ишачка не выдержит.

Конечно, мало, кто верил ему. И все-таки некоторые начинали задумываться. Может, правда, что-то неладно у Петра? Вроде даже находились те, что видели убегающих по утру от его двора баб. Вот и Нюрка Ключина перла однажды, как угорелая, держась руками за пах.

- Да и Хавронья, первая-то жена, от болезни этой штуки преставилась! - подливали масла в огонь и от души хохотали. - Кто же выдержит колючую голову татарника, кобыла даже не в состоянии вынести такую шмараковку.

- Дела-а! - судачили за углами, притворно ахая и вздыхая.

И почему-то чаще вспоминали о Петре, когда в станице долго не появлялось свежих новостей. Видно, уж очень хотелось кому-то почесать злые языки, которые не зря назвал Александр Грибоедов хуже пистолетов. И никто не догадывался, что после кончины его больной жены к нему липли девки-перестарки и вдовушки, и даже те, кто был готов пойти на ораву ребятишек. И, чтобы отделаться от таких навязчивых, Петр раза два даже брался за кнут. Не порол им, конечно, а лишь для острастки,

чтобы припугнуть. Один из таких случаев видел и Алексей Васильевич, когда тот прогонял со двора вдову-выпивоху Лапиху. Но было это вовсе не утром, а вечером, когда начинало смеркаться. И совсем не порол он ее, а просто потряс кнутовищем, приговаривая:

- Чего удумала, бесстыдница! У меня детишек трое, а ты готова завалиться со мной на сеновале, - отчитывал он Лапиху. - Тут не знаешь, как с хозяйством убраться, а у тебя на работу спина болит...

И Ильин никому не рассказывал об этом, а вот ведь как-то разнеслись слухи. Может, еще кто видел? Зная, что Петр работающий, Алексей, когда не хватало рук, приглашал его помочь. Правда, и сам не отказывал ему, ибо долг платежом красен. И с оплатой за труд не торговался и не скупился. Да ведь детишки у соседа, которых надо на ноги поднимать.

Постепенно втягиваясь в работу, они целый день ходили круг за кругом, слыша, как лобогрейка, будто часовой механизм, отмечала их каждый шаг: чок-чок, чок-чок... А снопы прибавлялись и прибавлялись. И Васятка правил за ними лошадь с телегой, осторожно складывал, чтобы не вытрясти из колосьев зерна. И куча снопов в овине все росла и росла, превращаясь в стожок.

- С хлебушком будем! - радовался паренек, укладывая последний сноп и рысью направляя лошадь на поле.

* * *

За эти горячие дни, что жали, уставали смертельно. Возвращались на заимку поздно, уже на закате. Распрягали и пускали пастись коней. Ужинали, наливая полные чашки лапши, накладывая овсяной каши, запивая простоквашей, квасом или душистым лесным чаем. И валились спать, как убитые.

С утра начиналось все сначала. И снова до самого вечера. Все однотонно и привычно. Хорошо, что была сухая погода. Люди сильно уставали, нервничали, а порой и ругались, в ос-

новном, конечно, по мелочам. Супонь развяжется или чересседельник съедет с места и трет холку.

- Ты сухорукий, что ли, Аполка? - кричали на него.

Муха попадет в суп – снова не довольны:

- Эй, стряпуха, вместо мяса мух кладешь?

- Ты, Витька, опять в ночном проспал, чуть коней не пропас? - придирались к сыну Петра Сороки.

- Прайбогу не спал, только задумался чудок, - оправдывался тот.

- Задумался он чудок, да распустил гудок. Лошадей-то и распугал. А мы их собирай. А если волки?

Но как ни уставали, ни серчали друг на друга, работа все-таки подошла к концу. И нужно было переходить на поля Петра Сороки. Они были рядом с ильинскими, за небольшим леском, и переезд туда не составил труда. А спать даже многие приходили на заимку Алексея Васильевича. И снова потянулись нескончаемые трудовые будни. Но на то, видать, и рожден сельский человек, чтобы трудиться в поту лица своего, как писалось в Библии, добывать хлеб насущный, кормить и растить детей. В конце концов, умирать и давать дорогу другим поколениям. Из века в век, из тысячелетия в тысячелетие. Так, видно, заведено законами природы и самим Богом. А людская задача – выполнять его заветы.

Слава Богу, справились и с жатвой хлебов Петра Сороки. Поблагодарив друг друга за помощь, разошлись по своим овинам. Смотрели состояние зерна в снопах: не сырое ли, не пересушено ли? Тут важно момент поймать, чтобы не высыпались колосья и не были влажными.

Урожай сняли хороший. Молотили дружно, кто по старинке, цепами, а кто и молотилкой. Сперва ручной, потом и конной. Затем зерно провеивали. Кто вручную, зачерпывал плицами и помаленьку сбрасывал на потоке ветра, чтобы относил остатки соломы и примеси. Кто на машине-веялке, отделяющей зерно от вороха, полученного после обмолота хлебов. Его по-

давали пудовками в засыпной ковш. Крутили вручную агрегат, берясь по двое за рукоятку. И его детали дрыгались, гремели. Начинали работать вентилятор и решёта. Отделялись из вороха мякина и солома, а также колосья, солома, сорняки, комочки земли. Работа считалась очень тяжелой, как и сама хлеборобская жизнь. На нее отбирались люди крепкие, дюжие. Самую тяжелую, конечно, выполняли мужчины. А с ними на равных брали и Арину. И платили ей, как мужчине. Да она и цепами была, и барабан вертела, словно лошадь, не зная устали.

А за стол сядет – ест если не за троих, то за двоих точно. Только ложка свистит. Смотрит, бывало, на ее волчий аппетит свекровь, Варвара Емельяновна, и ее рябое от оспы лицо наливается злостью. Она была старухой экономной, прижимистой. Ни копейка, ни зернышко у такой не пропадут напрасно. Она и работникам чашки с супом не доливала, мол, нечего лодырей повозжать, по труду и корм. И на дебелую сноху смотрела с нескрываемым сожалением. Смолотит две чашки супа, кашу с добавкой и даже не охнет. Молока выдует кринку. Да разве напасешься на такую лоханку?

Не выдержит, бывало, старуха, подбежит к невестке, вырвет из рук большую деревянную ложку и бросит в угол с ненавистью.

- У-у, сука краснорожая, все не нажрешься! - закричит громко.

Обида брала Арину, но помнила наказ родителей: «Что ни скажет свекровь, все за благо принимай, не перечь, слушай и исполняй». И она, скрепя сердце, наступала обиде на горло, приказывала не литься горючим слезам, а улыбаться, шла и поднимала ложку, вытирала передником и с улыбкой протяжно произносила:

- Ах ты, ложечка без мяса, ты откуда – из Миасса?

- Она, холера, еще и лыбится, как майская роза...

Большая обида появлялась в душе у Арины. Она, казалось, как червяк, шевелилась там и просилась выплеснуться наружу.

Хотелось грубо ответить несдержанной старухе или осерчать, разрыдаться, выскочить из-за стола и уйти в спальню или сарай, а то и веревку на шею накинуть, чтобы больше не видеть и не слышать этой Салтычихи. Но нельзя ей не только кончать с собой, ведь детки останутся, но и обижаться, нельзя высказать старухе обиду, плакать и оставаться без обеда, кто тогда будет ломить на этих бесконечных работах, кто так станет пластаться, словно ломовая лошадь, как нелюбимая сноха Аришка? А за что нелюбимая? За то, что с хорошим приданым пришла, за то, что сил больше, чем у иных мужиков, что щеки румянятся, что кровь в ней с молоком, как говорится? А если бы хилой была, тогда свекровка бы заклевала, как цыплята и куры заклеывают насмерть своих хилых и хворых товарок, сестер и братишек.

- Нет, Аришка, нельзя тебе быть слабой. Нужно стоически нести свой женский и материнский крест. Поддерживать в себе силы и шагать твердо, уверенно по дорогам и переулкам жизни.

Она никому не жаловалась на Варвару Емельяновну, не желала ей лиха или смерти. Только крестилась с надеждой да вздыхала со словами:

- Дай Бог ей здоровья...

5

Два года было Ванюшке, когда он остался без матери. Она сильно маялась животом. Жаловалась на нестерпимые боли. Ее муж Аверьян, Ванькин отец, ходил к старухе Колосовой, чтобы помогла бедняге. Та не отказывала, готовила какое-то зелье, поила разведенными в воде каплями соляной кислоты, нередко помогающими от подобных болей. Та брала дрожащей рукой кружку, заранее морщила лицо и пила это кислое пойло. Потом падала на постель, закатывала глаза и ждала, когда полегчает. Легчало далеко не всегда. Тогда она с трудом поднималась, залазила по невысокой лестнице на широкую русскую печку, ло-

жилаась больным животом на горячие кирпичи и ждала, когда боли исчезнут или хотя бы ослабнут.

Если это не помогало, женщина садилась на край печи, обхватывала обеими руками живот и качалась туда-сюда, словно маятник. Ее похудевшее лицо в это время казалось зелено-матовым. Черные глаза выражали такую боль и страдания, что было больно на нее смотреть. Было заметно, что жизнь в ней угасала.

Поначалу, когда приступы быстро отступали, она выходила во двор, поила скотину, доила корову. Топила очаг или печь, пекла оладьи или пирожки, если был праздник. Кормила вставшего уже на ноги Ванюшку, темноглазого и черноглазого мальчугана. Мыла пол, стирала, выполняла другие многочисленные хозяйские дела.

А в последнее время ей и это было не под силу. И Аверьян старался подсобить ей, неуклюже топтался по дому. Топил печь, варил кашу, кипятил молоко, чтобы на нем была жирная коричневая пенка. И быстро понял, что из него получится никудышная хозяйка. А жене становилось все хуже и хуже. Она все реже поднималась с постели. Подбежал к ней однажды Ванюшка, топая по полу босыми ножонками.

- Ма-ама... ма-ама, - впервые заговорил он. И от его первых слов сердце матери так заволновалось, что, казалось, вот-вот выскочит из груди.

- Иди ко мне, мой маленький зайчик, мое небесное солнышко! - ласково подозвала она и крепко обняла малыша. - Полежи на прощание со мной. Как ты останешься тут без меня сироткой? Моя радость, мой солнечный лучик!

Она положила его рядом, долго обнимала, целовала холодеющими губами и ласкала почти обессиленными руками. Плакала. А он, будто предчувствуя беду, смотрел на нее недетским взглядом и почти не узнавал. «Мама – не мама?»- спрашивал себя еще несмышленный мальчик.

- Помоги ему, Господи! - крестила она малыша.

Она умерла ночью, когда Ванюшка спал крепким сном, а Аверьян дежурил в казначьем правлении. Она с трудом привстала на постели, попила воды из кружки, стоящей на табуретке. Посмотрела прощальным взглядом на лежащего рядом, на желтой широкой лавке, сладко спавшего Ванюшку. Медленно завалилась на деревянную кровать и замолкла.

Когда вернулся с дежурства муж, увидел нерадостную картину. Жена лежала на боку с открытыми и немигающими глазами. На лице ее застыла такая мука, будто она все еще чувствовала невыносимую боль. А возле кровати стоял проснувшийся сын и плакал, теребил ее за холодную руку, хотел, чтобы она поднялась, и еле понятно лопотал:

- Мама, вай...

Аверьян бросился к жене, схватил ее остывшую кисть и понял, что случилась большая и непоправимая беда. Он дрожащей рукой закрыл ей глаза, сел рядом, посадил на колени сына и беззвучно заплакал.

- Нет, Ивашка, больше у нас мамки! - сквозь слезы проговорил он и целовал его мокрыми от слез губами.

Ее хоронили, когда трещал свирепый январский мороз. Земля на погосте промерзла почти на сажень. И ее долго долбили соседские мужики, разводили на ней костер, чтобы оттаяла, и было легче копать. Поэтому похороны затянулись, с отпеванием не торопились. И когда под вечер гроб с телом умершей привезли на кладбище, копатели еле успели выбросить последнюю лопату земли и расчистить от нее подход к могиле.

Провожающие недолго постояли у гроба с мрачными лицами, боясь, чтобы не замерзла земля. Аверьян, не сдержав рыданий, упал на гроб и в последний раз целовал свою спутницу жизни. Совместной жизни, которая оказалась непростительно короткой, как горение лучины, и неудачной, ведь остаться вдовцом с двухлетним ребенком, с хозяйством, скотом, который хочет жрать, доиться, пастись на лугу, - это большое горе. И никто не знал, что их ждало впереди.

Отиздевались зимние морозы, от которых трещал лед в водоемах и реках и лопались, громко бухая, стволы деревьев. Отбушевали долгие бураны и затяжные вьюги, заметающие с головой не только плетни и заборы селян, но и крыши домов. Не щадящие заплутавших в дороге путников, нередко сковывающие и заметающие их до весны сугробами. В начале марта солнышко подобрело, стало ласковее и теплее. В полдень заметно пригревало. И закапали с крыш капли, забулькали в проклянутых лунках слежавшегося за зиму снега, разбрызгивая в стороны радужной искрящиеся на солнце капли. Началось дружное половодье. Ручьи ширились почти с самого утра, дружно текли по ложбинам, врываются в улицы, как бесшабашные салаватовские башкиры, - ни пройти, ни проехать. И сметали со своего пути навозные кучи, клочки сена, неубранные нерадивыми хозяевами дрова.

И в душе Аверьяна Степановича не то радостно, не то тоскливо защипало, заныло., как это бывает каждую весну у хлеборобов. Весеннее половодье быстро пройдет, и не успеешь оглянуться, как просохнут поля и наступит горячая пора пахоты. Он выходил во двор, внимательно осматривал сабан, борону, ладил сбрую. Заворачивал в амбар, пристально смотрел на зерно, засовывая в него поглубже ладонь, и доставал горсть: не сырое ли, не прелое? Не точит ли его вредная моль-букашка? Каждый день делал такой обход. Не забывал и осмотреть коней. Не лягнул ли кто случайно, не загнило ли между копытами от случайно попавшегося гвоздя, не болтаются ли подковы?

Но еще больше его беспокоил маленький Ванюшка. Если зимой при надобности и оставлял его у соседей, то весной на кого оставишь, когда все на полях, пашут, боронят, сеют? Какие старушонки и оставались дома, так нередко сами были немощными и требовали чужого догляда. Да и домашнее хозяйство как и на кого бросишь? Тут все будет рёвом реветь и базлать на все голоса, как нескладный духовой оркестр. Весь двор рас-

курочат и разбегутся. Всех соседей перепугают. Так хорошие хозяева не поступают. Но как им стать, хорошим, когда остался вдовцом, когда на руках малое дитя? А сердобольные соседи, видя его неустройство, то и дело советовали:

- Ты женись, Аверьян, сколько маяться можно?

- Жени-ись... Не так-то это просто. Взять жену на сиротинку сына? Не каждая согласится, - прикидывал в голове и возражал он. - Может пасынка невзлюбить, со свету сживать. А ведь жена – не лапоть, с ноги потом не сбросишь, коль под венец поведешь. И завоешь, как на кладбище Митрофановском отец дочку свою закопал.

Говорил он резонно и вел себя сдержанно. Это соседи видели. Переживал за сиротку. Но и жалко было казака, который совсем извелся. Жалко сына Ваньку, что неприкаянно таскался по соседям или отвозился к деду с бабкой. Но они уже были старенькие, небось, за самими требовался уход, и им самим нужно помогать? Надо отвезти Ваньку к ним. Хотя бы на время посева. А потом уж думать о женитьбе, решил Аверьян, надевая синюю косоворотку с вышитым воротом и шелковым поясом, пущенную поверх нешироких штанов, сапоги с голенищами гармошкой, фуражку с ярким околышем. Запряг в ходок лошадь, посадил радостного от поездки сына и направился к старикам.

Петропавловка была немаленькая, дворов 600. Да еще изрядно раскидана по холмам и низинам. Недалеко начинались казачьи хутора Оренбургского казачьего войска, к которому она относилась. В одном из них и проживали родители Аверьяна. Их дом уже был довольно старым, но еще впечатляющим и вместительным, теплым, рубленным из ровной строевой сосны. Подворье огорожено когда-то крепким деревянным забором, рубленным, как сруб дома, где ряд от ряда разделен стойками с пазами, куда заправлялись нетолстые бревна, и похожим на крепость, закрывающую усадьбу со всех сторон. Да и было от кого закрываться. Теперь он местами слегка подгнил. В стыках стала сыпаться труха. Он позеленел в пазах от неумолимого

времени и дождей, почернел, будто прошелся по нему огонь.

Аверьян остановил ходок возле тесовых ворот, отстроенных не так давно на месте старых, скрипучих и ветхих. Над ними, как у большинства примерных хозяев, была сделана со стеклом на две стороны крутая железная крыша. Рядом с широкими воротами, как и водится, стояла такая же крепкая тесовая калитка для прохода людей и скота, запираемая железной защелкой. А на ночь или при надобности калитка и ворота запирались крепким деревянным брусом, который закладывался в железные скобы. И открыть их с улицы практически было невозможно.

Хуторок этот появился еще с допугачевских времен, когда кругом крепко пошаливали живущие недалеко кыргызы и калмыки. Да и башкиры с татарами порой были не прочь угнать косячок лошадей или отару овец. А уж про пугачевскую вольность во время бунта и говорить нечего: сегодня они твои друзья, а завтра волокут на виселицу. Не дал сена, овса их голодным коням, как будто на всю Россию запасал, и можешь испытать немилость царя Петра Третьего или его беспардонной братии. А иные умные при нем и в старшины пролезли. Верховодили вместе с Емельяном Ивановичем. Которые из них впоследствии на виселицу попали, на вешалку, как ее звали оренбуржцы и южноуральцы. А которые были похитрее и предали тятку, да все равно были вздернуты правительственными войсками или попали на плаху.

- Это было чудовищное истребление казачества и народа!
- говорили непримиримые старики, участники и сторонние наблюдатели бунта.

В просторном дворе были удобно размещены и конюшня, хлев, овечий загон, амбар, овин, баня по-черному. По двору бегала на крепкой цепи белая, с пятнами по шее и бокам, собака, похожая на среднеазиатскую овчарку. Подозрительно рассматривала каждого вошедшего и приюхивалась ко всем. Чужие ее боялись, как огня. Но она не кидалась на Аверьяна и Иванку, даже радостно повизгивала при их появлении и приветливо

крутила хвостом. Не собака – зверь. Да и вокруг жили - бродили не всегда люди. А она была способна остудить горячие и любопытные души и любителей легкой наживы.

- А, Аверя с внуком! - без шапки вышел им навстречу Степан Петрович. На нем был накинута зипун из пониток, а на ногах – опорки от старых сапог, в которых было удобно и без канители выбежать во двор. - Заходите, дорогие гостеньки! Как раз к горячему самовару подоспели.

Он даже попытался взять на руки внука, и это у него, хотя и с трудом, получилось, ведь Иванка был крепеньким и упитанным малышом. Он обнял хозяина за шею и смотрел на седого деда с любопытством.

- Милости просим, гости дорогие! - вышла навстречу им, раскинув широко руки, дородная Анна Митрофановна.

Их быстро усадили за стол, подали самовар, шанег с творогом и капустой, комовой сахар. И они начали чаевничать и время от времени перекидываться фразами.

- Как вы там?

- Да вот колотимся, - невесело ответил Аверьян. - Весенние работы подходят, а я связан по рукам и ногам. Не знаю, что делать?

- Не женился еще?

- Да нет.

- Хозяйка тебе нужна. И в доме помощь, и за ребенчишком пригляд.

- На дороге-то жены не валяются.

- Знамо дело, - с понятием соглашался Степан Петрович. - А на примете никого подходящего нет? У моего кума в Учалах дочь овдовела. Может, съездим?

Аверьян молчал, тихо жевал, видно, что-то напряженно обдумывал. Потом проронил неохотно:

- Учалинские-то бабы привередливые да непослушные, как уросливые кобылы. Намаешься с такой. У моего соседа жёнка учалинская, так оторви да брось...

- Знамо, силой мил не будешь. Но у меня есть армейский дружок в Оренбурге, подпоручик по кличке Аронькин. У него, кажись, семь дочерей по лавкам. Может, бумагу отписать да полюбопытствовать между делом?

- В Оренбурге-то вся пугачевская рвань осталась.

- А чо Пугачев? Думаешь, если злодей и бунтарь, как его царица да дворяне представили, так худой человек? А для нас, казаков и бедного люда, он был спасителем и отцом. Мой дед Овчинников воевал вместе с ним. И никакой он был вовсе не Овчинников, а казак Кожевников. Прятал когда-то Емелю на своем хуторе, за что позже и ноздри у него были выдраны, как у пугачевского полковника Хлопуши. Хлопушу, баял старик, не раз на каторгу сажали, а он убегал. Они были знакомы с моим дедом. За это участие дед и фамилию поменял на Овчинникова, чтобы не преследовали. И место жительства сменил, следы путал.

Его слушали с большим вниманием, ведь долго прожил и много видел. Да и откровенничал далеко не всегда. Но он вдруг замолчал, подставил под самоварный краник фарфоровую чашку, налил кипятку, добавил густой заварки и перевел разговор на другую тему, решив, видимо, что сказал лишнего.

- Аронькину-то написать бумагу? И быстро скатаем. У меня вон тройка раньше до Троицка за три часа добежала. Это верст сто двадцать! А до Пласта и того быстрее.

- Да обожди маленько. Может, сам я разберусь с этим. Есть на примете вдова, правда, бабенка тоже с ребенком. Может, чо сладится к осени. А пока не примете ли вы Ванюшку на время полевых работ?

Старик тоже слушал со вниманием. Потом долгим взглядом из-под густых бровей посмотрел на старуху и заговорил.

- Пусть будет так. Внучка мы, конечно, возьмем. Справишься, Митрофановна, с нянченьем мальчика?

- Куда денешься, - согласилась та сразу, - хоть и спина хвоя, ноги уже не те. Да как-нибудь осилим всем гамазом.

И Аверьян вернулся домой один. Всю весну, лето и осень не знал он покоя, трудился в поле. И когда скосили рожь и обмолотили зерно, привел в дом вдову Агафью Смородину, жившую на окраине Петропавловки в старой завалюхе. А с ней и пришла четырехлетняя дочь Фрося, один глаз которой немного косил.

У Аверьяна дом хотя и рубленый из бревен, а тоже не дворец. Но на четверых его должно хватить, с надеждой думал вдовец.

- Бог даст, как-нибудь сживемся, сладимся, - наивно мечтал он. - И этим, и Ванюшке места хватит. Тогда и горевать нечего.

6

Рассветы на хуторе были удивительными. Не успеет край солнечного диска выползти из-за холмов и деревьев, как начинает проявляться голубизна бездонного неба, в которое любил упирать взор малец. По нему пролетали одинокие птицы, и целые караваны казары, журавлей тянули на север. В нем парили степные орлы, прилетающие из киргизских земель, и местные коршуны, разметающие в стороны широкие крылья, которые Ванюшке казались ветками акаций или березок. Они нервно трепетали на ветру, и ему казалось, что вот-вот оторвутся от туловища и упадут к его ногам, а он их подберет и приладит к своим узеньким плечам. А потом взмоет в небо, выше орлов и коршунов, и будет искать свою добрую маму, которая, по рассказам старших, где-то летает высоко и ищет свой приют, свое пристанище. А может, и его, Ванюшку. Да только не может найти. Видно, глазоньки ее не видят, ушки ее, болезной, не слышат. И он бы сам к ней устремился навстречу и привел ее в отцовский дом. И выгнал бы из него чужую тетку, мачеху, с ее косенькой и капризной дочерью Фроськой, где еще совсем недавно им, троим, было хорошо без них.

Но орлы, коршуны, покружив в высоте и не увидев добычи, улетали дальше. А Ванюшка оставался один. От солнца уже

становилось тепло. И он шел к коням. Больше всего он любил их. Часами крутился возле. То погладит мерина Сивку. То кобылу Струнку – коней смирных и ласковых. Потом покосится на жеребца Орлика. Тот высок в холке, длинношей, строптивый и гордый, с характером, как говорил дед Степан. Мог и зашибить ненароком, если не понравиться вдруг. И мальчишка чувствовал нутром, что к нему подходить еще рано, мал он ростом и возрастом.

Не очень доверчивым был и жеребенок от Струнки – Воронок. Не раз подходил к нему мальчик, пробовал погладить по холке, причесать маленькую гриву. Но тот долго был недоверчивым, сучил тонкими стройными ногами и не стоял на месте, смотрел пугливо-удивленным карим глазом на маленького человечка. Вспугнутый им, он обходил или оббегал мать с другой стороны, тыкался в ее теплую морду, будто хотел пожаловаться ей. Но она была спокойна, тихо жевала траву или сено, словно хотела успокоить и его. И даже лезла мордой к голове Ванюшки и беззлобно фыркала, словно доказывая жеребенку, что мальчик для них не опасен.

И жеребенок все ближе подпускал Ванюшку, все больше доверял. А человек, даже не человек еще, а человечек, платил за это искренней детской любовью. Порой ему самому хотелось стать маленьким жеребенком и ускакать с матерью в дикую степь, где никто его не обидит, не назовет жалостливо сироткой. Видя такую привязанность и увлеченность, Степан Петрович не мешал контактам ребенка с лошадьми. Очарованный ими, тот забывал все на свете, лез к ним в поле и конюшне, ходил между ними, будто был из их конского рода. Старался принести клоч сена или протянуть пригоршню овса. И они доверительно и осторожно ели с его пухлых ладоней. От необыкновенной радости мальчишка повизгивал, как щенок у материнского брюха, обнимал их за головы и тихим шепотом, чтобы никто не слышал, признавался:

- Кони, я вас шибко люблю...

И старый казак, сам, считай, выросший в стойле с лошадьми, от души дивился такой привязанности.

- Вот, ястрить тебя, какая любовь! Этот любого непокорного скакуна обуздает.

Не раз он поднимал мальчишку, которому поначалу не было и трех годков, на спину Сивке или Струнке. Они были смирными, не противились, даже, как казалось Овчинникову, радовались такому обороту дела. И старались тихо, чтобы не уронить, прокатить этого дорогого и доброго седока, поддерживаемого хозяином.

А вечером, когда Анна Митрофановна укладывала его спать на старом широком сундуке, стоящем рядом с теплой печкой, внук просяще спрашивал:

- Баба, а сказку будешь сказывать?

- Если будешь послушным, буду сказывать.

- Про кого, про орла однокрылого или про горлицу-певунью?

- Про кого хошь. Давай хоть с орла начнем. Про него сам Пугач любил слушать.

Она поплотнее накрывала его стареньким полушубком, подсовывала края под бока, чтобы не поддувало, и начинала низким скрипучим, но еще понятным мальцу голосом.

- В краях соседних с нами кыргызов жил горный степной орел. Размах крыльев – аршина по три.

- По три аршина?- привставая с постели, восхищенно спрашивал взволнованный внук.

- По три-и, ежели не по целых четыре, - утвердительно кивала седой головой в старом чепце старуха.- Дак вот. Летал он, летал по небу, задевал упругими крыльями по облакам и тучам. Откалывал от них ледяные края, и они обрушивались на землю сокрушительным ливнем да градом. Таскал он пасущихся по степи баранов, жеребят да сонливых телят, а то и волжских да оленбургских калмыков, вес у которых не больше теленка. И это ему, ненасытному, было по силам. Но все мало, собаке.

- И собака с ним была? - подскакивал внук.

- Да нет, это я для красного словца украсила его, кровопийцу. Царем на земле возомнил себя. Заметил он как-то юную красавицу Аятлы. Стройная, как молодая тростинка, быстрая, как неувливаемая лань. И пугливая, словно косуля.

При виде красавицы не раз хищный орел камнем падал на землю.

- Ка-амнем?- вновь переспрашивал мальчишка, распахнув во всю ширь глаза.

- Ка-амнем, мерзавец,- с напором выговаривала Анна Митрофановна, почти смежив веки не то от сказочного удовольствия, не то от начинающейся дремоты.- Но красавица привидением исчезала. То ли в земную щель, то ли в высокую юрту с торчащей сверху жердью, на которую, как на пику, мог напороться этот разбойник. Сбежавшиеся люди закричали ему: «Нельзя жить дикой птице с девушкой!» И бросали в него камнями, пускали стрелы из луков. Но с него, как с гуся вода. Поднявшись в небо без добычи, он унижающе смеялся над ними и хохотал злорадно, аж страшный голос его разносился по всем степям и ущельям, словно самый сильный небесный гром.

И снова на землю немилосердно обрушились град, снег, ливень, выбивая посевы, живность, разрушая юрты, убивая людей. И тогда они собрали все племя и решили пойти на хитрость. В очередной его прилет заявили:

- Мы отдадим тебе красавицу Аятлы, если ты сядешь с миром на землю и обнимешь своими крылами девушку и ее любимую кобылицу Айю и если покинешь нас навсегда.

- Это я одним ма-ахом!- стал он хвастать и клекотать со смехом.- Аятлы заберу и кобылку.

И стал бесстрашно и довольно опускаться на землю. И не успел распахнуть во всю ширь крылья, как подбежал смелый джигит, жених красавицы, и выменянной у казаков за скакуна пашкой отрубил ему одно крыло.

- Отруби-ил?- как всегда в этом месте, переспрашивал лю-

бопытный внук, отбрасывая в сторону полушубок.

- Отсё-ок!- с нескрываемой радостью сообщала старуха. Ей самой с детства нравилась эта сказка.- Он долго бился об землю, сметал оставшимся крылом юрты, постройки и все, что попадалось под крыло. А из обрубка от другого крыла хлестала жёлтая кровь, кровь завистника, убийцы и крохобора.

- Жё-олтая?

- Жё-олтая. Какой же ей ишло быть? Обессилел он. Упал на землю и пустил жалобные слезы. А люди посадили его на собачью цепь, как бешеного пса, заставили каяться и сторожить их добро, сказав ему:

- Нельзя птице, даже самому орлу, быть царем над людьми и над всей землей.

- Нельзя-а,- соглашался внук. Он был рад такому исходу сказки, и ресницы его глаз потихоньку смежались.

* * *

Ванюшка любил своих стариков, и домой ему не хотелось. Вернее, хотелось, но только к отцу. А мачеха Агафья ему казалась неприветливой и даже злой. Когда он появлялся в Петропавловке, отец его обнимал стыдливо, неприятно косясь на новую жену и стараясь узнать по неулыбчивому лицу ее настроение. А сама Агафья, сердито осмотрев его с ног до головы, выходила во двор, будто были неотложные дела. Ребенок это понимал и считал себя лишним в доме родителя. Еще больше понимал угнетенный такой жизнью Аверьян Степанович. У них почти каждый год рождались уже совместные дети. И Иван все больше становился им лишним и чужим. Поэтому он выдерживал у них не более недели, как бы отбывая неприятную повинность, и просился к бабушке с бабушкой. И его отвозили, а то и уходил пешком и долго добирался до неблизкого хутора, с боязнью оглядываясь в сторону леса, откуда могут нагрянуть худые люди или непрошенные волки.

Он и сам уже был чем-то похож на загнанного волчонка.

Юркий, с лохматой шевелюрой, боязливо озирающийся по сторонам, он брал в руки увесистую палку и нес ее, как пику, готовый в любую секунду пустить в ход, чтобы отстоять свою жизнь. И однажды, когда уже подходил к родному хутору, почти нос в нос столкнулся со старой волчицей. Ее тут давно знали. Она пакостила безнаказанно, то овец задерет, то теленка, но ее никто не мог ни поймать в капкан, ни подстрелить из ружья. Всегда вовремя уходила.

На улице уже смеркалось. Но он увидел ее горящие ненавистью глаза, глаза зверя, беспощадного охотника, и сильнее сжал палку. Из ее черно-серых боков торчали клочки старой шерсти. Видно, уставшая была и голодная. А может, получила рану от хуторских собак, а то и от самого дедушкиного пса.

Опустив низко голову, волчица следила за мальчиком исподлобья, не решаясь напасть или кинуться в сторону. У Ивана первый испуг прошел, и он стал надеяться на чью-либо помощь. Может, дедушка с бабушкой почуют беду и поспешат навстречу ему? И, собрав все силы и сжав в руках палку, крикнул во все горло:

- Вон с дороги! Де-еда! Бура-ан!

Где-то хлопнули ворота, послышались людские голоса, недовольный собачий лай, и зверь метнулся с дороги в кусты и мгновенно пропал за деревьями. Ванюшка даже не поверил своим глазам. И тут же заметил, как навстречу ему несутся крупный дедушкин пес.

- Спасибо, Буранка!- радостно вымолвил он, вытирая сырые глаза и хватая в объятия спасительницу овчарку.

Старики любили внука, и каждый по-своему хотел сделать ему добро. Бабушка старалась послаще накормить, рассказать сказку. Уложить в теплую постель. А дедушка учил его казачьей жизни, труду. К десяти годам мальчик не только мог лихо гарцевать на лошади, пахать, боронить землю, косить и грести сено, но и метать его в копны и воз, широко раскладывая и хорошо утаптывая. Он стал незаменимым помощником и правой

рукой все больше устающего от жизни и слабеющего Степана Петровича. Конечно, надо бы ему учиться в школе, да не было ее на хуторе, а в станицу, к отцу и мачехе, он не хотел уезжать. Зимой, кроме выполнения хозяйских работ, он катался по накатанной саними дороге на коньках. Они были самодельными, деревянными и обшитыми по низу жестяными полосками. Их еще смог смастерить ему Степан Петрович.

- Что дается с дедом?- наивно удивлялась Анна Митрофановна.- Раньше был, как огонь, горяч, как кострище, и силен! Его все вокруг боялись. Даже в казачьем полку, когда служил. А тут – местный люд. Угнали однажды башкирцы пяток овец со степи. Погнали в аул. Но он тут же хватился, сел на жеребца с шашкой и берданкой. Догнал их в самом ауле и не только своих воротил, но и полдюжины чужих прихватил, чтобы вперед не пакостили казаку. Еще по-божески поступил, дурные башки не отсек. Я спрашиваю его: «Зачем чужих овец отбил, ты же не бандит с большой дороги, что о тебе могут подумать?»- «В темноте да суете не разглядел»,- рассмеялся он». – «Они вот тебе отомстят».- «Пусть благодарят своего аллаха, что я смилоствовался над ними»,- ответил со смехом.

В армии он служил лет двадцать пять. Офицером был, сперва хорунжим, потом до есаула дослужился. Как наступала весна, так его забирали на все лето. А я тут одна с ребяташками да хозяйством управлялась. Правда, он кое-какое жалование получал, и я когда и работников нанимала. Тяжело самим-то. Да ишшо, смотря какой год. А год бывал то засушливым, то дождливым. И все больше самой приходилось...

А Степан Петрович не раз вспоминал добрым словом и похвалял свою супругу.

- Бывало, все лето пропадаю с эскадром. А Анна Митрофановна тут сама хлесталась с полевыми работами и скотиной. Не смотри, что она щас стала старенькой и ходит, как уточка. Сама управлялась со всем хозяйством. Я-то уж только зимой помогал. Дом, правда, сам ставил, сараи, конюшни, амбары.

Жисть такая была. Строгая. Шагу в сторонку не сделай. Да и деньжата еще кой-какие платили. Но и на войне не раз побывал. Цари-то посылали оренбургских и уральских казаков на разные распри и побоища. Мы как будто несли вину за вольность батьки Емельяна Иванныча Пугачева, царство ему небесное. Не любили нас царишки, но побаивались. Мы ведь сразу можем задом в зад повернуться. Не зря ведь всю жизнь воли искали. А когда с победами возвращались, называли в честь взятых в Европе городов свои поселения то Парижем, то Берлином, то Варной, то еще какими мерзкими вражескими именами. Это были вехи наших побед. Француза, немца, шведа били. И турка не обошли, Среднюю Азию. Вместе с Белым генералом инфантерии Скобелевым. За что-то ж мне дали шашку с бриллиантом, что над кроватью висит! А с Ермаком Тимофеичем и Сибирь открывали, сколько земли прирезали к матушке России! Степану Разину помогли, екатерининские войска хлестали с Емельян Иваннычем. Аж самого Александру Суворова натравили на нас. Потому что нет царишкам и прочим князькам-помещикам веры. Вот и боятся они нашего брата-казака, боятся власть потерять, за что нас вешают и плоты пускают с виселицами по Волге да Уралу, ноздри рвут, как моему покойному деду Кожевникову – Овчинникову. На усмирение своего же русского народа натравляют. А чо он бунтует-то? Да ведь жизни нет от этих правителей – крохоборов.

Вот и восстает казак. Пусть нередко проигрывает, но хоть каких-то послаблений добивается. Пускай дрожат, как осиновые листочки, знают, что не перевелись Разины, Булавины, Некрасовы, Пугачевы, о которых до сих пор ходят сказки и легенды.

- А откуда взялись казаки?- интересовался внук, наивно заглядывая в его насмешливые глаза.

- Давно они появились,- слегка подумав, продолжал старик.- Это люди вольные, бежавшие от помещиков и царей. А они их под себя хотели подмять, править ими, как несознатель-

ными лошадьми. И хотели, чтобы мы окраины России защищали. Исторически казаки появились вроде бы в 14 – 17 веках. А Оренбургское казачество во времена основания Оренбурга, в 1734 – 1735 году. Как баяли старики, сюда были переселены исетские, уфимские, самарские и другие казаки. А в 1755 году образован Оренбургский казачий корпус, или войско из двух тысяч казаков. После участия их в Крестьянской войне под началом Пугачева в Оренбургское казачество были включены все поселения Южного Урала, кроме уральских казаков. В общем, намешали все, как в окрошку, и с Дона, и с Волги, и других мест. И Родина наша – сама матушка Россия. Ей мы и служили. И вы будете верой и правдой служить. И ваши дети.

Так рассказывал оренбургский казак, живущий на этом свете девятый десяток лет. А Ванюшка заворуженно слушал его и не очень ясно представлял поведанную ему картину.

7

Когда управились с уборкой и молотью хлеба, когда ссыпали зерно в амбарные закрома и сусеки, а часть даже успели продать, работ стало значительно меньше. И люди начали приходить в себя после утомительных летних трудов. И хотя приходилось возиться со скотом, привозить сено, солому для корма ему, кормить, доить коров и вывозить навоз, это уже был не тот труд, который летом доводил до изнеможения хлебороба. Зимний труд крестьянам казался почти отдыхом. Ну что стоило съездить на гумно или поле за возом соломы? Или проехаться по свежему скрипучему снежку на нескольких подводах на зимку за сеном? Легкая прогулка, и не больше!

Дрова были заготовлены на всю зиму, напилены, наколоты, сложены в поленницы, только успевай подтаскивать да жарко топить печь. Дочь Мария пошла в церковно-приходскую школу. Сын Василий поступил учиться не то в технический колледж, не то в училище, родители в этом не очень разбирались, а нахо-

дился он аж в уездном городке Златоусте, больше ста верст от Травников.

А кто остался дома, мог лежать на печи или полатах, упираться ногами в потолок, грызть семечки и отдыхать в свое крестьянское удовольствие, дышать полной грудью.

Правда, с наступлением холодов надо было убирать снег, резать скот, заготавливать на зиму и продажу мясо. Но это считалось приятным занятием. Поутру выводили на задний двор бычка, телку, а то и двух – трех овечек. Заваливали на бок, острым ножом умело перерезали животине горло, подставляли тазик под хлещущую фонтаном еще живую и горячую кровь, чтобы запечь ее к обеду. Потом подвешивали на перекладину сарая тушу, и Алексей Васильевич, еще раз попробовав большим пальцем лезвие длинного, самим же наточенного ножа, начинал разделку туши. Ему помогали жена и работник. Тут же толпились дети, с любопытством глядя на процедуру разделки, ибо скоро им самим пригодится приобретенное в детстве мастерство.

При разделке внутренностей Алексей то и дело обрезал какие-то небольшие кусочки или концы кишок и бросал котам и собакам, всегда дружно сопровождающим эту приятную процедуру.

И вот уже снята мохнатая шкура, вынуты и свалены в корыто еще теплые внутренности, с которых вскоре будет снят и перетоплен жир. Кишки вычистят от содержимого и промоют, часть бросят собакам и кошкам, мелкие крошки мяса бросят отдельно, чтобы полакомились божьи синички-мяснички, как их звали в станице. Такие зелененькие птички, лучше собак чужавшие, где колют скот и может перепасть мяска. Часть кишок пойдет на изготовление домашней колбасы. А естественные отбросы – на удобрение в огород. На перекладину за ребристую горловую кишку, вырезав желчь, повесят осердие, куда войдут легкие, сердце и печень, от которого еще валит пар и которое пойдет на пирожки. Их Арина будет печь по выходным дням и

праздникам. И их очень любят не только дети, но и взрослые. Она вытаскивала их из печки горячими и шкворчащими, ставила на стол, а едоки, достав и надкусив желанный пирожок, ложкой наливали в отверстие растопленный в чашке горячий жир. Потом с аппетитом ели, ведь это было чертовски вкусно и сытно, недаром возле их ног легко сновали гибкие кошки и с мяуканьем просили себе. И вокруг стола веяло таким неповторимым и аппетитным запахом, который потом оставался в памяти на всю жизнь.

Голова и ножки клались отдельно. Они пойдут на холодец. Затем Алексей Васильевич станет делать вырезки то с одного, то с другого места. Отрубит и реберной части. Их на очажной плите уже ожидал большой, почти ведерный чугунок, в котором будет вариться суп – скороварка. Донские и кубанские казаки его называли шулюном или шулюмом. А оренбургские – скороваркой, ибо он быстро варился на жарком огне. В варево каждый на свой вкус добавляли картошки, лаврушки, перца, и в нем было большое количество мяса. Это считалось вкуснейшим блюдом, и любили его все – от мала до велика.

Резанье скотины – это не только всеобщий праздник, но и особый ритуал, священнодействие, которым должен обладать каждый казак. От того, как он справится с этой работой, как порубит мясо, зависит его товарный вид, предназначение на то или иное блюдо. И на рынке внешний вид мяса – не последнее дело. Надо уметь отделить желчь и неприглядные места туши. Обработать шкуру, чтобы пошла на шубу, шапку, зимние штаны или ночной коврик у кровати, чтобы, спустившиеся с мягкой и теплой постели ноги человека, особенно ребенка или женщины, не сразу ощутили холод.

Нередко в день, когда режут скотину, приходили в гости родственники и близкие. И все с нескрываемым удовольствием ели вкусное горячее мясо. Взрослые нередко пили самогон, купленное в лавке белое вино или брагу. Радовались.

В целый многодневный праздник превращалось это со-

бытие у уральских татар и башкир. Они могли целую неделю варить мясо, которое называли маханом, подавать на широком подносе, наложив горой. Сидеть вокруг него, поджав ноги калачиком, засучив рукава, брать из общего блюда куски, с которых капали крупные капли жира, нередко попадали на колени, аж они от этого блестели, гонять по кругу две или четыре чашки, как у них принято, с самодельным напитком из пшеницы или брагой. Пить бузу. Веселиться, пока не съедят всего коня. Зато с гордостью скажут потом любимую присказку: «Раз сладко ашал – долго помнил». Выскакивать раздетыми на улицу и бороться, чтобы выявить настоящего батыра-богатыря. И все это под громкие крики, смех и оглушительный хохот.

- Эй, давай, Ислям,!

- Кидай через башка, Шакир!

К концу недели съедят лошадь или теленка. Разъезжаются по аулам и вскоре едут в гости к другим, очередным хозяевам, кто собирается резать скот.

Вот и к Ильиным приехали гости. Аринин племянник Николай с женой Стешей, краснощекой и дебелой казачкой, из соседнего села Шапина и детьми на паре добрых коней. Пока обнимались, целовались, Алексей Васильевич шепнул Аполке:

- Как почеломкаемся и уйдем в избу, их коней поставь в стойла с левого края конюшни да овса дай.

- Будет сделано, хозяин!- тут же отрапортовал тот, словно давно ждал такого указания.

Управившись со скотом, Алексей Васильевич вошел в дом. Там в большой комнате уже был накрыт широкий праздничный стол. Разложены чашки, ложки, соленые огурцы из бочки и грузди. Большая коврига испеченного утром хлеба издавала такой аппетитный запах, что у него засосало в желудке, защемило за ушами. А от духа кипящей на плите скороварки даже свело скулы. Это было знакомое ощущение, когда целый день работаешь и возвращаешься в дом очень уставшим и голодным.

А жена уже разносит полные чашки желанного варева, от

которого исходили клубы жирного пара, так приятно щекотавшие в носу и во рту.

- Милости просим за стол,- пригласила мягким голосом собравшихся, и они, помолившись на стоящие в углу образа, дружно уселись на табуретки и венские стулья, купленные в прошлом году в Чебаркуле.

- В честь праздника – по рюмочке христовой,- предложил находящийся в хорошем расположении духа хозяин и поднял первым.

- Пусть хлеба и мяса будет всегда полно в вашем доме, и чтобы челядь хорошая попадалась, не вороватая и работящая, как вы сами,- поддержал его гость Николай.- Пусть хворь и беда обходят вас стороной.

Опростав рюмки, они дружно навалились на еду, только стучали большие ложки. Зацепляли куски мяса, обсасывали вкусные ребрышки, складывая в кучки. И они быстро росли, уносились хозяйкой куда-то, чтобы потом их вывалили Пальме. А Арина все подливала и подливала скороварки. И Алексей не забывал о рюмках. Произносили короткие тосты и высказывали пожелания, звонко чокались рюмками. Их лица все больше краснели, потели, а разговор становился оживленнее, громче.

- Рыбу-то берешь из реки, Николаша?- спрашивал дядька.

- Беру-у,- не без гордости отвечал племянник.- Летом бреднем, а зимой мордами. Без ухи и рыбных пирогов не живем.

- Молоде-ец, так и надо! Подножный корм.

- А вы?

- Тоже зря дома штаны не протираем, когда выдается свободная минута,- отвечал довольно Алексей Васильевич, несколько отвалившись от стола и тяжело дыша.- Фу-ух, объелся с непривычки. А на охоту ходишь?

- Хожу, а как же, ведь волка ноги кормят! Осенью уток бил, косачей. Зимой на зайца, козла пойду.

- Правильно, это старый казачий промысел. Им и промышляли первые казаки. А потом уж скот разводили, сеять начали.

С краю за столом сидел и Аполка, ел со всеми вместе. В семье Ильиных всегда так было заведено, что работники ели вместе с хозяевами, которые не кичились своим положением, сами трудились вместе с работниками, а нередко больше и лучше них.

Наевшись до отвала, от души наговорившись, перебрав все новости, хозяева и гости засобирались спать.

- Ворота, конюшню, амбары все запер?- спросил Алексей Васильевич Аполку.

- Все, Васильич, все! Всё проверил,- скороговоркой ответил работник, преданно заглядывая в глаза.

Взгляд его показался хозяину плутоватым, но он привык верить на слово и, попрощавшись с гостями, пошел в спальню.

* * *

Сперва ему долго не спалось. Приходили какие-то неожиданные думы. Вроде что-то гремело на ветру во дворе, казалось, что кто-то крался по нему. Но потом на казака навалился крепкий сон, словно тяжелый медведь, и он, разметав руки, захрапел со свистом и переливами, будто пела жалейка, уводя его все дальше и дальше в дебри крепкого сна.

Арина, тоже намаявшись за день, не толкала его рукой, как иногда бывало с ним после хорошей выпивки.

Ранним утром Алексей проснулся как-то сразу, будто и не ложился. На душе и в мыслях его стало почему-то тревожно, не случилось ли чего, подумалось ему. Пожара вроде бы не было, а что еще могло стрястись нехорошего? Может, чего со скотиной? И вдруг спохватился:

- Кони?!

Быстро вскочил, надернул шаровары, теплушку прямо на рубашку, сапоги и побежал на улицу. Направился к конюшне, быстро открыл засов, глянул внутрь и ахнул:

- Царица небесная! Куда кони делись? Где Колькина лошадь? А где Птица, Коршун? О-о... А где Гнедко?!- нечелове-

ческим голосом завопил он.- Гнедка, Гнедка увели, собаки! Он ведь был вместо сына!

Обежал все стойла, выскочил во двор. Направился к большим воротам. Увидел: они на задвижке. Бросился с надеждой к малым. Тоже на запоре. И Пальма вылезла из конуры, стала ласкаться к хозяину и виновато взлаивать.

- Как же ты, дармоедка, тудыт твою за ногу, сторожила, что четверых коней увели?

На крик выскочили Арина, ее племянник Николай, работник Аполка. Вид у него был испуганный. Пальцы подрагивали.

- Беда у нас, ребята, лошадей украли! Ты сплавил, сукин сын?- набросился он на Аполку.- Татарская морда! Признавайся, а то перепояшу по спине.

Он вскинул кнут, и работник трусливо упал на колени, стал испуганно креститься.

- Сей Васич, праибогу, не сплавлял, не трогал! Вот тебе крест! Да чо я враг вам, что ли, или камбулатский злодей?

- Хуже злодея! Они сами ушли, что ли? Перелетели через забор на крыльях или открыли все запоры, задвижки, ворота и ушли преспокойно через малые ворота, чтобы не тревожить сон вашего величества? И Пальма ни разу не взлаяла. Значит, был тут свой человек, подсоблял конокрадам?

- Праибогу, не виноват!- испуганно вскрикивал Аполка, ползая перед хозяином на коленях.

- Разорил, мерзавец, по миру пустил. Еще и Николашину лошадь увели. Позор-то какой, беда-а... Это ты все с татарами якшался. Им и ворота открыл, и закрыл, и продал коней!

Долго ругался хозяин, бегал петухом вокруг трясущегося Аполки, хлестал себя кнутом по голенищу сапога, пугал, но того все же не тронул.

- Дядя Алексей,- обратился к нему растерянный племянник.- Следы-то за малые ворота ведут. По свежей пороше видать их. Может, сядем верхами да вдогонку кинемся?

- На кого садиться-то?- ахал обессиленный от горя хозя-

ин, из которого и хмель мгновенно выскочил.- На хрену верхом ехать, когда всю тягу покрали?

- Ну, есть же еще в конюшне. Моя кобыла вон, Серко топчется, не стоит на месте.

Судили-рядили. Тут и Петро Сорока подошел, сочувственно посмотрел.

- Следы к плотине ведут. Давай поедем догонять. Я сейчас заседлаю Карьку. И вы собирайтесь,- предложил он твердым голосом, уверенный в своей правоте. Да и жалко стало соседей, с которыми жили душа в душу. Растерялись они, и кто-то должен в этот момент верховодить.

- Собери чего в дорогу пошамать!- крикнул Арине муж, быстрым шагом направляясь в конюшню.

Там нашел в дальнем углу старенькое седло, хорошие-то тоже сперли. Занес в стойло Серка, заседлал его. Племянник сел на свою молодую кобылку, а Петро вывел со своего двора пегого мерина Карьку. Алексей Васильевич забежал в дом, надернул вместо сапог пимы, надел белый полушубок. Прицепил на пояс казачью шашку и револьвер, всегда висящие на стене у кровати. А Николаю вынес ружье с патронташем.

- Возьми на всякий случай, может, сгодится,- сказал тому и умелым движением бросил свое немалое тело в седло.- Ну, с Богом...

- С Богом!- ответили Арина и жена Николая, сильно расстроенные и заплаканные, тихо помотав кистями рук вслед.- Счастливой дороги.

По улице, похоже, еще никто не проезжал, и они ехали по незатоптаным и незаметным следам угнанных коней. Внимательно всматривались в эти следы, приведшие их на плотину. Но оттуда они побежали дальше, к лесу камбулатской дороги.

- В Камбулат ведут,- констатировал немногословный Петр Сорока, не отрывая от следов взгляда. Они были то короткими друг от друга, то вдруг удлинялись, видно, с шага коней переводили на рысь и галоп.

- Махом погнали, тараканы запешные!- горячился Николай.- Найдем – мокрого места не оставим!

- Сам всажу весь барабан или башки поотрублю!- подде- рживал Ильин, хватаясь в горячке за ручку шашки.

На камбулатских улицах следы были уже затоптаны людь- ми, лошадьми с санями. И они в растерянности остановились.

- Куда ехать, что делать?

- Нужно людей спрашивать, может, видели.

- Давай спрашивать.

Заметили идущую за водой пожилую женщину, спешились с надеждой.

- Уважаемая хозяйшюка, не видели тут четырех коней с се- доками?

- Нет, не видела,- ответила та, уступив незнакомцам дорогу, чтобы не пересечь ее перед ними.

- Не к добру – баба с пустыми ведрами,- заметил гость.

Вновь спросили у встречного. Потом еще. Но никто не ви- дел ни коней, ни верховых.

- Черт ее вынес навстречу, эту бабу!- плевался Николай, от- ведя голову в сторону от ветра.

- А ты, отец, не видел ли коней?

- Видел, когда только светало. Четыре лошади и три седо- ка. Туда поскакали, в сторону Маскайки или Кундравов. Вроде татары или башкирцы. В свои края потянули. А что ваших уг- нали? За этими шайтанами глаз да глаз нужен.

- Моих и племяша,- с грустью бросил Алексей, переходя на рысь.- Давай, ребята, поспешать!

И они торопились. За селом следы вновь появились, и пре- следователи, придерживаясь их, погнались коней галопом, может быть, еще долго придется скакать и распутывать эти проклятые следы. А они тянулись не только по дороге, но и сворачивали в поле, объезжали холмы и болота, продирались через густые бе- резовые колки и обходили буераки. Видать, угонщики спрямля- ли путь или путали следы, чтобы сбить с толку и пути погоню.

Порой даже делали бессмысленные круги и дуги, как пугливые зайцы, или возвращались по своим следам.

Это поняли казаки и внимательно вглядывались, распутывали, аж на глаза наплывали непрошенная пелена и слезы.

А после полудня появилась еще одна неприятность и преграда: начиналась легкая поземка. Она поднимала свежий, выпавший ночью снежок и тащила по земле широкие и длинные полосы-шлейфы, похожие на бесконечные белые ковры, сотканые из лебяжьего пуха. И следы заматались, особенно в низинах. И преследователи растерянно останавливались, беспомощно крутились на месте, возвращались саженной на двести – триста, а то и на целую версту, ведь они могли просмотреть поворот. И вновь кружили, разъезжаясь друг от друга в разные стороны и на разное расстояние, чтобы взять площадь пошире. Искали следы, забыв в азарте и спешке даже перекусить.

Алексею Васильевичу было до боли жалко коней. Ведь только они с Ариной заткнули все экономические и хозяйственные дыры, как стряслась эта беда. Как вырваться из нее, выжить, поднять на ноги детей? Но особенно ему было жаль жеребца – любимца Гнедка.. Сотню рублей предлагали ему за него. А это очень немалые деньги. Простые рабочие кони стоили пятнадцать – двадцать целковых. А за этого – сотню! Не отдал, люб больно был он хозяину. И в телегу, и под седло шел. Универсал. И кровей хороших, и собой видный, гнедой, да еще над копытами белые чулочки. Как он мог позволить посторонним людям вывести себя из стойла? И не заржал, не заматался дико на улице, выходя со двора? Как будто одурманили его, опоили? Значит, был рядом свой человек, близкий, смогший успокоить. И этим человеком мог оказаться только безответственный и ветреный Аполка. Бить его надо, мерзавца, как сидорову козу. Хлестать вожжами на конюшне и учить уму-разуму, все больше убеждал себя Ильин. Отдать полицейскому, он из него дурь-то живо выбьет.

Вновь заметив следы, они снова направились по дороге в

Маскайку. Спрашивали с надеждой встречных:

- Не видали коней?

- Нет, не видали,- сочувственно отвечали те, понимая чужую беду, хотя им об этом и не говорили, ведь остаться хлеборобу без лошадей, значит, остаться безо всего. Без хлеба, без денег, без достатка.

- Васильич, вроде вправо свернули, в сторону Кундратов или немирных аулов!- оторвав взгляд от дороги, выпалил разгоряченный Николай.

- Вроде они,- подтвердил охрипший от горя и криков Ильин.- Давай свернем.

От долгой дневной скачки в них заметно убывали силы, но еще теплилась надежда на то, что догонят и накажут злодеев, у которых хватило совести на такую мерзость, поднялась рука на то, чтобы семью трудолюбивых казаков столкнуть в пропасть бедности и горя. Да они и жизни их самих не пожалеют, если догонят. Чего щадить воров и конокрадов? Так думали Петро Сорока и Николай, да и сам Алексей Васильевич был недалек от этих дум.

На улице уже стало сереть. Скоро зимний вечер покроет землю, села и хутора туманной мглой. А потом и навалится на все живое и мертвое беспросветная ночь. А следы, еле видимые уже и размытые, привели в густой и высокий лес, продраться через который в темноте и на конях невозможно. А потом и совсем исчезли, как будто кто-то тут напаятнал специально, чтобы заманить глупых путников, и куда-то исчез. Может, тут и орудует, и обитает?

- Следы-то совсем пропали, Васильич!

- Куда ехать, уже ночь на дворе? Еще угодим в логово бандитов, пострадаем из-за скотины,- как по команде, заговорили его спутники. И он понял, что дальнейшие поиски бессмысленны.

Они повернули коней. С трудом добрались до маскайской дороги, поехали на Травники. Уставшие за день и голодные ло-

шади еле плелись. И домой они вернулись за полночь.

- Полицейскому надо заявить,- посоветовал сосед.

- Спасибо, Петро,- только и вымолвил на прощание Ильин, заводя во двор Серка.

Он вкратце рассказал Арине и гостье об их тщетном поиске и, не ужиная, со слезами на глазах завалился в постель.

8

Чувствуя скорую кончину, Степан Петрович все больше времени уделял внуку. Учил, как правильно запрягать коней, надевать и затягивать сбрую, чтобы не натерла до крови, не набила мозолей, не хлябала в пути, не скрипела. Учил, как чинить телегу, колеса, оглобли, накладывать правильно воз, закреплять сено и дрова, чтобы не съехали на косогоре, не развалились дорогой. Не дай Бог съедет набок или перевернется воз сена! Оно смешается в одну кучу, взъершится, и его трудно будет брать вилами, укладывать на телегу или сани. И любой казак, даже ребенок или подросток должен знать эти крестьянские тонкости, как свои пять пальцев. Научиться косить траву и запрягать коней, кормить в конюшне и выгонять на поле, в степь, в ночное. Сторожить от хищных зверей и вороватых людей. От затяжных беспощадных метелей и града. Не загонять до смерти и не поить сразу после долгой скачки, чтобы не запалить животное, чтобы не «село» оно телом, не обезножило.

И Ванюшка, будто чувствуя скорую разлуку, хватал на лету. Запрягал любую повозку. Пахал, по-взрослому умело управляясь с плугом-сабаном, хотя силенок и массы тела еще не хватало, то налегая на ручки, чтобы нож уходил глубже, то ослабляя. И в это же время мог управлять вожжами. А про боронование, подвозку волокуш, укладку копен и возов и говорить нечего. Даже отбивал литовку и пробовал научиться подковывать коней у закопченного и черного, как грач, кузнеца Митрия. Часто

вертелся возле него, то заводил в станок лошадь, то подавал молоток или квадратные гвозди.

А скакать верхом – мальчика и хлебом не корми. Мог заскочить на конскую спину с разбегу, ухватившись за гриву или недоуздок, мчаться во весь опор, только ноги хлестали скакуна по жарким бокам да непослушные волосенки на темной голове трепались на ветру, будто хотели сделать голову то большой и лохматой, то вытянувшейся назад по бегу лошади.

Дед, бывший в молодости лихим наездником, учил его, как правильно держаться в седле, ложиться при надобности на гриву коня или, притворяясь убитым, заваливаться спиной на круп. Увертываться в сторону от сабли и пролазить под брюхом. Джигитовать, работать на скаку пикой и шашкой.

- Держи конец пики не очень низко и не шибко высоко, а то в землю вгонишь или ветром поднимет!- кричал с земли Степан Петрович.- А шашкой руби с потягом, во время удара тяни на себя, чтобы не только рубила, но и резала, как литовка.

И мальчишка удачно постигал казачьи науки. Сперва махал на скаку деревянной шашкой, потом дед достал из-под стрехи сарая старую зазубренную и ржавую от долгих лет и влаги шашку времен пугачевского бунта, которой уже и сухой ветки не перерубишь и которую, видать, специально хранил для этой цели, и подал мальчишке.

- А ну, будущий казачий полковник, порассекай-ка воздух, поджигитуй, только ногу себе не оттяпай да коня не порань!

И мальчишка старался до седьмого пота. А дед кричал наставительно:

- Налево - коли, направо - руби!

И тот «колол» и «рубил», туда-сюда мотался на коне по поляне, пока его не оставляли силенки, пока шашка не вываливалась из рук.

- Ну, бу-удет!- успокаивал наконец разгоряченного «боем» внука Степан Петрович.- На завтра оставь. А ты знаешь, что

должно быть в переметных сумках, подсумке и прочих торопах?

- Нет,- отвечал без стеснения внук, надеясь, что дед объяснит.

- Однажды мой сослуживец Пашка Симонов из Учалов в переметную сумку засунул полчетверти самогона. А тут неожиданно объявили смотр. Построили нас в ряд, и давай проверять. Вывалили весь багаж из сумок, а он и прицепился к Пате, как мы его дразнили:

- Что за жидкость? Что за гадость? Позвать урядника!

- Это конячий доктор приписал жеребца лечить, чтобы в бою про кобыл не мечтал, в сторону морду не воротил,- не растерялся тот.

- А не в бою?

- И не в бою чтобы не шибко косился на них, беспутных. Да не запрыгивал.

- А кто тогда жеребят будет строгать, ты, что ли?- взъелся на Патю проверяющий.

- Ну, дык, ежели по святейшему приказу отца-командира, а не самовольно, когда кому взбредет в голову...

- А если ты станешь на слабый пол заглядывать без святейшего приказа?

- Ну, дык ентова зелью чекулдыкну...

- Я вот тебе чекулдыкну! Урядник! Выбей-ка дурь из учалинского барсука. А вместе с ним и из его приятелей, кто вместо жеребцов эту пакость хлещет да на кобыл скачет. Думает, я не знаю...

И грохнул эскадрон хохотом.

- Вот чтобы не получилось так с тобой, ты должен непременно знать, что возить в сумках. А это уйма всякой всячины: шило, и иголка, и дратва, и нитки, и гвозди, и вар, и сапожный ножик, и мыло... В общем, все, что может пригодиться в пути и жизни. Два косых десятка предметов, ежели все перечислять. И ты это должен знать на зубок. И возить с собой. И показать

ишло на станичном смотре перед отправкой на службу, где будут проверять не только атаман, но и уважаемые старики. А эти гнилые пеньки, прости меня Господи, не только въедливые, как смола, но и неподкупные, как евнухи. Мотай на ус.

И Ванюшка слушал с открытым ртом и, похоже, «мотал». Набирался казачьего ума-разума и смекалки, небось, пригодятся в жизни.

И дед был довольным, что потомок внимательно слушает, ведь он дурному не научит, а тому это обязательно пригодится, ведь это жизнью проверено. Он не раз рассказывал ему какие-то интересные случаи, вспоминал жаркие баталии.

- Вот когда штурмовали Плевну, наш эскадрон входил в состав казачьей бригады, которой командовал сам генерал Скобелев, уса́тый красавец с белой окладистой бородищей. Михал Дмитрич был отчаяюгой и везунчиком. За ним пехота и казаки шли безоговорочно. Готовы были хоть и на смерть. «Мы умрем за Россию с радостью,- говорил он,- лишь бы не срамили ее, лишь бы высоко держали ее знамя! Хорошо умереть за свою Родину... Нет смерти лучше ее...» Запомни эти слова. И на Шипке бывали. Холодище, ветер. Но мы-то, уральцы, к ним привычны, не то, что донцы или кубанцы. Только горы большие, неловко как-то нам там воевать. Считай, болгар освободили от турок. Помню, схлестнулся я с одним янычаром. Не успел уложить его, как еще двое подоспели со своими кривыми ятаганами. Плохо дело, думаю. Спасибо Симонову Пате, помог. Вдвоем-то их посекали.

А Скобелев со своим войском к самому Истамбулу подошел, у ворот его стоял, которые турки собирались распахнуть перед ним. И занял бы он вражье логово, ждал приказа царя Алексашки Третьего. А тот, дурошлѐп, велел отойти назад. Отозвал домой. Разве это умно? Взяли бы – и конец османам, больше б руки их не чесались, не нападали на Россию и других, не делали людям пакости. А позже он и Туркмению брал, командовал Ахалтекинской экспедицией. Русскую славу добывал. И нет

на свете армии лучше русской!- весело вскидывал дед вверх сжатый морщинистый кулак, и его темные глаза покрывались влажной пеленой.

* * *

Несмотря на преклонный возраст, Анна Митрофановна сама управлялась по кухне. Готовила не только кулагу, кашу, варила супы, но и пекла хлеб, к Пасхе – куличи и подавала крашенные яйца. К Рождеству Христову – сырчики. Это изделия в виде пряников, только из творога, со сметаной и сахаром. Их выносили на мороз, и они замерзали, как ледышки. Ванюшка любил их постепенно обгрызать и сосать, особенно, когда в избе было жарко от топящейся печи. Масленица была красна блинами и оладьями. Мясоед славился мясом, маслом, сметаной, жиром и другими скоромными блюдами. А пирожки с осердием, творогом, картошкой, яйцами, грибами, сушеной клубникой, урюком – почти в каждое воскресенье. А летом еще и добавлялась окрошка, куда шло все, как в суп из солдатского топора.

Бабушка была не только хорошей хозяйкой, но и кухаркой. И когда у них жил Ванюшка, она особенно старалась, стряпала и пекла, жарила и варила, чтобы понравилось внуку. Им-то с дедом можно было сготовить и чего-нибудь попроще. И по дому носились такие запахи приготавливаемой снеди, что начинало приятно сосать в желудке. Никогда до этого мальчишка не едал такой вкуснятины. А еще – варенье, печенье, пряники и конфеты с чаем! О лучшей жизни сирота и не мечтал. И будущее ему виделось сытным. И работы его ожидали немалые да желанные, ведь дедушка с бабушкой постепенно старели.

Но всему, к сожалению, приходит конец. Заболела неожиданно бабушка и слегла.

- Под левой лопаткой колет, и голова нестерпимо болит, жаловалась она.

Напуганный этим, Степан Петрович настаивал какие-то

травы, поил утром и вечером. Привозил даже фельдшера из станицы. Но и он не помог.

- Похоже, сердце, а с ним шутки плохи. Поите вот валерьянкой,- заключил он после осмотра больной и протянул пузырек с лекарством. - И покой, тишина.

А вскоре бабушки не стало, и ее отвезли на погост. Она была Ванюшке вместо матери. Что теперь его ожидает? Только на деда надежда. Тот тоже сильно переживал. Иногда даже стонал и вздыхал горестно, давая в глазах горячие слезы. Он стал тихим, неразговорчивым и медлительным. Подолгу молча сидел в старом чекмене, уставив тяжелый взгляд в одну точку. Видать, думал о чем-то важном и вспоминал былое.

- Деда, не сиди так, попей хоть чайку. Вон до чего довел себя, похудел!- просил его Ваня и тянул в куть.

- Спасибо, внучёк мой заботливый, только пошто-то не хочу я.

Внуку было до боли в душе, до слез жалко любимого дедушку, и он печально смотрел на него скорбными глазами и не знал, как помочь старику? Чуть не плача, выходил во двор, выгонял на поляну пастись скот, поил водой, чистил в конюшне и стайке, кормил и ласкал между делом прожорливого Бурана. Пес, видно, тоже чуял людское горе. Не рвался с цепи, не лаил радостно, увидев хозяйского внука. А как-то скорбно поскуливал, будто выражал свое, псиное, сочувствие.

Ванюшка подходил к нему, гладил по голове, спине и обнимал за шею.

- Горе у нас, Буранка, горе! Бабушка померла, добрая, милая, самая родная в жизни.

И ему вдруг вспомнилась не раз слышанная от нее сказка.

- В некотором царстве, в небогатом государстве,- тихим бархатным голосом начинала она, поглаживая его по головке,- жил престарелый царь Парамон Игнатъич. Человек мирный, в жизни никого не обидел. Только его обижали соседи – воители, готовые в любую минуту оттяпать от государства хорошие

земли да угоды. А подчиненных его сделать своими рабами. А он старался все дела решать мирно. Только не всегда это удавалось. Не все завоеватели соглашались с ним. И уменьшалось его царство. Остался лишь один царский дворец, и тот приходил в упадок и ветхость. Не вынося такого, царица сильно горевала и заболела. А еще у них не было детей, и некому было поддержать в трудную минуту.

- За что нас Боженька наказывает?- молилась она со слезами.- Не дал нам деток. Разрешает разбойникам грабить царство.

- Успокойся, государыня,- уговаривал ее Парамон Игнатьич.- Послушай нашу горлицу-певунью. Все нас бросили, а она одна осталась преданной нам. Баско воркует да поет под окошком. Грусть-кручину гонит вон. Сердце радуется и душу надеждой полнит. Сдается мне, что она не простая птица, а божья. От бед нас выручит и нищеты-позора оборонит.

И из-за окна слышалось веселое воркование горлицы: «Вырл-вырл». А им казалось: «Выручу, выручу». И царь с царицей надеялись на лучшее, а что им оставалось? И на душе становилось спокойней.

Но тут снова напал на царство беспощадный скиф Хасан Колченогий.

- Нечего у нас больше брать,- говорил ему Парамон Игнатьич.

- Тогда птичку-перепеличку давай!- потребовал завоеватель Хасан, подтаскивая за собой хроющую ногу.- Слышал, она ласково поет и богатство приносит.

- Много она богатства мне принесла?- возразил смиренный царь.- Просто поет и помирать не дает моей дорогой супруге и мне. Да и улетит она от тебя, разбойника. Возьми вон дворец. Больше ничего у меня нет.

- Дворец, говоришь? Больно дремуч он, как и ты со своей жёнкой. Но с дохлой овцы хоть шерсти клок. Чтобы к завтрашнему утру убрался отсюда вместе со своей хворой царицкой!

- И за то спасибо,- поблагодарил старый царь и пошел собираться.

А что ему собирать, когда только рваный камзол остался да хворая жёнка? Спал он тревожно всю ночь, то и дело вскакивал, чтобы вовремя покинуть семейный дворец, увести больную супругу. А как стало светать, поднялся на ноги и не узнал ни почивальни, ни себя, ни дворца. Он был совершенно новым, богато убранным. А рядом с ним почивала дражайшая царица в полном расцвете сил. В соседних палатах отдыхали сыновья да дочки, краснощекие и счастливые. Глянул в зеркало на себя и не узнал. И дорогой кафтан государев на нем, и корона усыпана бриллиантами да рубинами. На поясе инкрустированный драгоценностями кинжал, а в руке высокий скипетр, эмблема монаршей власти.

- Не сон ли это?- растерянно спросил Парамон Игнатьич, не поверив увиденному.

- Не сон, а явь!- радостно заворковала за окном горлиця-певунья. Запела божественным голосом, какой появлялся у нее в минуты благостные и ответственные.- Это подарок тебе за то, что до конца был верен и предан мне, как предан своему царству и царице! А Колченогий Хасан пусть будет у тебя погонщиком лошадей да быков.

- Вот и сказке конец,- радостно заключала бабушка и осеняла его на прощание крестом, чтобы спалось ему хорошо, чтобы мохнатый шалун Буканушка не навалился на него ночью, не давил своим тяжелым телом.

Вспомнив эту сказку и любимую бабушку, Ванюшка беззвучно заплакал и сильнее прижал к себе Бурана. И его чистые детские слезы падали на крутую голову пса.

- Царство тебе небесное, милая бабушка!- тихо шептал он, не расставаясь с Бураном.- Вот бы мне такую горлиця-певунью! Я бы вернул бабушку домой.

После потери лошадей сам не свой ходил Алексей Васильевич. Не мог найти себе места. Выйдет во двор – вспомнит про них, и его потянет в конюшню, глянуть по стойлам, может, вся эта беда ему привиделась во сне, померещилась? И хотя знал, что коней нет в конюшне, медленно открывал ворота, заходил за них, и его обдавал с детства знакомый запах теплого конского навоза. Были там животные, да не те.

- Лучших-то увели, зимогоры,- тяжело вздыхал казак и сильно бил кулаком одной руки о ладонь другой.- Не тешь себя сказками, как дите!

Уходил в избу или лежал на кровати – вдруг слышал знакомое ржанье. Тут же вскакивал и бежал сломя голову на улицу, аж в стороны шарахались испуганные куры, утки, выскакивала из конуры встревоженная Пальма, подозрительно глядящая по сторонам – не идет ли злой человек, тихо взлаивающая на всякий случай. Наверно, хотела показать расстроенному хозяину, что она постоянно в дозоре и держит ухо востро. Она видела, что в последние дни он не доволен ее службой. Практически она проспала коней, даже не взлаяла, дура, не рвалась яростно с цепи, как бывало раньше и как положено верной собаке. Видать, зажралась или постарела. А щенков каждый год таскать – не постарела! Алексей-то Васильевич быстро другую суку или кобеля приведет, а Пальмину шкуру пустит на рукавицы-шубенки или шапку. Изведет ее, как ненужный элемент, дармоедку и лодырюгу.

Чуя вину, сука по-собачьи заискивала перед ним, ползала на брюхе, мела хвостом землю, будто двор подметала вместо Аполки.

- Ку-урва ты безголовая! Предала хозяев!- не раз укорял он, сердито зыря на нее полными слез глазами.- С котла тебя исключу, с довольствия. Разве для этого мы держим собак, чтобы дрыхли, как осиновые чурбаки?..

И Пальма еще ниже опускала голову и унизительно ползла

к его ногам, как метлой, разгоняя хвостом снег. Но когда во дворе появлялся работник, она вдруг набрасывалась на него с лаем, готовая порвать полушубок, аж Ильин удивлялся. Видно, чувствует вора, догадывался он, с ненавистью с головы до пят осматривая Аполку. Чего не работалось ему? На полном довольствии, сыт, обут, платят за работу, подарки к праздникам и дню ангела? Не мог этого понять в общем-то нестрогий и не скупой Алексей Васильевич.

И, чувствуя недовольство Ильина, Аполка тоже, как догадывался хозяин, юлил хвостом.

- Сей Вас, я в стайке вычистил, может, по сенцо съездить? - спрашивал он заискивающе, преданно заглядывая в глаза.

- Без тебя съезды, ездюля хренов нашелся! - неприязненно отмахивался Ильин и уходил. - Ты, курва, угнал лошадей, больше некому! Не зря Пальма на тебя лает. Пойду к уряднику, пусть допросит, может, и найдет пропажу?

Урядник Роговский жил в конце станицы на верхней улице. А принимал недалеко от продуктовой лавки. Николай Арсентьевич был мужик лет сорока, высокого роста и с длинными, как оглобли, мускулистыми руками. И не позавидуешь тем, кто попадет в них в недобрую минуту. Да и кулаки у него костистые, с длинными кривыми пальцами. А глаза серо-зеленые, да еще с какой-то примесью, хищные, как у голодной кошки. По взгляду не поймешь ни цвета их, ни желания их хозяина.

Он представлял полицейскую власть не только в станице, но и в соседних селах и хуторах. Когда он ехал в кошёвке, напавив папаху с красным верхом, от него не только люди, но и куры, гуси, утки шарахались в разные стороны, как от чумы. А индюки, сами чем-то похожие на полицейских, уважительно замирали и звонко тянули какие-то свои индюшачьи речи или приветствия: Чви-чви-чви-чви...

- Тихо, звери, власть едет,- успокаивал он их резким взмахом волосатой руки и степенно продолжал путь.

Про него говорили, что он был строгим и честным до глу-

пости. Иногда во время утомительного допроса не сдерживался и бил подозреваемого или преступника по спине ладонью, похожей на широкую доску. Выколачивал показания. Своим ударом он мог выбить из него даже внутренности, не только какие-то там показания. И этих ударов преступный люд боялся, как огня, хотя награждал он ими не так уж часто, когда вопросы его не доходили до слуха и сознания допрашиваемого. Да и редко в станице и селах происходили кражи и прочие нарушения. А еще у него была любимая фраза:

- Все выкладывай, марафонец, иначе душу выну!

И тот выкладывал, что было и чего не было, лишь бы только потрафить Николаю Арсентьевичу, лишь бы наказующий перст отвел Господь в сторону.

Когда трясущийся от страха Аполка зашел к нему, Николай Арсентьевич, набычившись, как семилетний бугай на соперника, стоял у служебного стола. Его широко разведенные руки упирались ладонями в кромки длинного, похожего на учебный казачий плац, двухтумбового стола, накрытого зеленой байкой, ворс которой изрядно стерся и местами блестел масляными пятнами. Увидев их, Аполка еще больше перепугался и подумал, что это выжимали масло из таких же нарушителей, как он.

Обведя вошедшего строгим коршуньим взглядом, от которого по спине Аполки поползли колючие мурашки, Косовский традиционно пробасил:

- Все выкладывай, марафонец, как на духу. Как спроворил коней примерного казака Алексея Васильича Ильина и его племянника? Четыре головы. Лет по десять за каждую припаяют каторги. Это тебе не блины с маслом у хозяйки Арины есть! Будешь камень рушить в Хребтовской каменоломне. Да блатняки станут издеваться каждый день, а то и лупить, как сидорову козу. Зубы-то быстро выхлещут, да и заднее место не обидят.

Душа в пятки ушла у Аполки от нарисованной полицейским перспективы. Париться сорок лет?! Да кто может вынести такое? Вот тебе и сорвал куш, стал купцом, как обещали те

смутьяны. Зачем послушал их, дурачина, волю на неволю саморучно променял, казнил ильинский работник. Выкручиваться надо, как ужу, убеждал он себя, иначе будут кранты.

- Я не виноватый. Хозяин напоил вином, и я спал без гачей.

- И быстро смылся на этих гачах с места преступления? Сонным претворился?

- Не виноватый я, ей-Богу! Не кра-ал...

- Крал, не крал, это суд выяснит. А ворота и конюшню ты открыл вора. И собаку прикормил и придержал. Так бы она никого не пустила, лай бы на весь край подняла,- возразил Николай Арсентьевич.- Без тебя, марафонца, тут никак не обошлось. Все равно узнаю. Как говорится, завали правду золотом, затопчи в грязь – все наружу выйдет. И эту правду не скроешь, Господь не допустит.

- Праи-Богу, господин урядник, не открывал я,- изо всех сил держался и не сознавался Аполка.

- Ладно, негодяй, презымка!- взбугрился над столом всем телом урядник.- Хочешь, чтобы я свою методу пустил в ход? В твое полное удовольствие. А как ты с Рамазаном шептался – договаривался, тоже забыл?

От этих слов душа в пятки ускочила у Аполки. Все знает Косовский, догадался он. Изворачиваться бесполезно. Еще и кулачищами метелить начнет. Башку-то с петель быстро своротит. Нужно чистосердечно признаться, пока не зашло далеко. Может, хоть скостят чего. Так он решил и уже открыл рот:

- Это Рамазан меня...

Но в эту самую минуту у ворот появился всадник, мальчишка-посыльный, и быстро вбежал в двери.

- Господин урядник, вас срочно требует станичный атаман. Какой-то сбор,- сообщил с захлебом запыхавшийся мальчик.

- Сей минут!- согласно ответил Косовский.- А ты, татарский прихвостень, пока посидишь в сарае. Чудок остынешь на морозе и мысли приведешь в порядок.

Он надел шинель, вывел Аполку во двор, затолкал в сарай, набросил ржавый крюк на петлю запора. И даже не подумал, что тот осмелится убежать, ведь такого не было сроду. Через щель Аполка увидел, что урядник, поскрипывая снегом, направился в казачье правление, до которого было рукой подать. Он присел в растерянности на холодные дрова, сжал дрожащими ладонями горячие виски и горько заплакал.

- Почему так жестока судьба – индейка? – сквозь слезы выдавливал он слова. – Законопатят меня, как последнего проходимца, как известного Хлопушу! Ну, тот хоть людей убивал, кровь напрасно пускал. А тебя-то за что, за каких-то драных конишек, за которых дал тебе Рамазан три целковых? Разбогател ты на них, стал купцом первой гильдии? Как бы ни так! Голью безлошадной и остался. А Рамазана выдашь – можешь с другой стороны пострадать. Хоть так плохо, хоть этак не хорошо!

Так сидел и мерёкал он. Но рассуждать особенно было некогда. Кто знает, когда вернется господин урядник? Может, через полчаса, а может и через пять минут.

- Удирать надо, Аполка, рвать когти, пока башку не потерял...

Он быстро поднялся, торкнулся в дверь – закрыта снаружи. Увидел лопату, лихорадочно взял в руки. Летом можно было подкопать под стеной землю и пролезть. Но зимой земля застыла, и лопатой ее не возьмешь, догадался он и стал обшаривать полутемный сарай. В одном месте была подгнившая и хлябающая доска. В другом через соломенную крышу был виден край неба. Не долго думая, он набросал кучу полешек, поднялся на них, расширил дыру и вылез наружу.

Прислонившись к стенке и осмотревшись, он не заметил ни одной живой души. И пошел огородами вверх, за ближние к ним деревья.

* * *

Беда одна не приходит, мрачно думал Ильин. Мягкотелым

он оказался. Не надавил вовремя на работника, не отстегал ремненными вожжами или кнутом. Надо было на первых порах хорошенько прижать и выбить из него признания, а заодно и дурь. Но поскромничал, пожалел, вроде как по-людски хотел. А он по-людски поступил, паскуда, когда четверых хороших коней умыкнул? И Косовский, длиннобудылая орясина, тоже хорош! Где так вон какой боевой, умный да неприступный, а тут опростоволосился, простой дубиной оказался. Запер жулика в худую сараюшку. Еще бы меринка ему запряг в дорогу да харчей собрал и мешок овса!

Ждал он новой беды, нутром чуял. Но сколько ни чуй, ни предвидь, жизнь-то продолжается и идет своей колеей, порой очень кривой колеей. И надо жить. Может, Бог даст, и пропажа разыщется, может, со временем подкупит лошадей, да и жеребята подойдут. В общем, умирать собирайся, а рожь сей. И нечего убиваться, все равно слезами горю не поможешь. Да и не так уж плохая штука эта жизнь.

А тут и срок очередной оплаты за взятую в кредит лобогрейку подospel. Деньжонок подкопили, у Петра Сороки немного заняли. И повезла его Арина в хорошей кошёвке на станцию Мисяш, где ходили поезда. С ветерком ехали, только комья твердого снега летели в седоков из-под конских копыт, били в лицо, попадали за отвороты одежды. А кошёвка красивая, как игрушка, чебаркульским мастерам заказывал. Одеты они были в шубы, да еще и сверху набросили тулупы, чтобы холодный зимний ветер не пробирался до тела, чтобы дольше сохранялось тепло. Казалось, не в санках ехали они, а на теплой перине полулежали. Даже глупости какие-то болтали, словно зеленая молодежь, мечтали о хорошей жизни, которая давно предвиделась, да никак не приходила, будто где-то замерзла или заметена бураном у Александровской сопки или горы Таганая, переходя южно-уральский хребет.

Даже приобнялись, как совсем молодые, влюбленные или молодожены. И хорошо как-то стало, словно все заботы ос-

тались дома, а впереди ждала сплошная нирвана или райская жизнь. И не страшны им беды и невзгоды. Чего отчаиваться, когда и половину жизни еще не прожили?

- Дай-ка я тебя поцелую, Арина Алексеевна, на морозе, как бывало в девках!- потянулся он к ней и крепко обнял.- Хорошая ты была, любя казаку.

- И я тебя расцелую, Алёша, любимый мой муженек!- пода-лась она навстречу, румяная и дебелая, кровью с молоком называют таких, аж что-то затрещало в одежде.

Они крепко расцеловались в губы, а потом троекратно в щеки. Аж вечно нетактичные сороки, сидящие на берегах вдоль Уфимского тракта, весело затрещали хриплыми голосами, словно одобряли человеческие нежности и по-сорочьи желали счастья. И так хорошо стало у них на душе, что ни о чем плохом не хотелось и думать. Все это мелочи жизни, суета сует и томление духа, как говорил Экклезиаст. Нужно жить и радоваться жизни, природе, деткам, которыми Господь не обижал. А что еще нужно простому человеку, казаку?

- Будь аккуратней, Алеша,- просила она на прощанье.- Жу-лья стерегись. А я завтра вечером приеду тебя встречать.

- Будь спокойна, Ариша, за мной, как за каменной стеной, ни беды, ни горечка не будешь знать!

Простились они с хорошим настроением. Он зашел в здание вокзала, купил билет до Миасса. А вскоре и подкатил поезд. Паровоз заносчиво пыхтел и выбрасывал в воздух вместе с крошками угля клубы дыма и отработанный пар, будто их домашний, чрезмерно раскопегаренный ведерный самовар. Он словно предупреждал, чтобы все бежали вон с железнодорожного полотна, а то негаданно сомнет, изувечит и даже лишит жизни. Не паровоз, а неизвестное начало новой эпохи, которой ожидали целые народы и государства. Она притягивала чем-то прекрасным и незнакомым, чего они не встречали в прошлом, и пугала этим незнакомым: во благо или вред оно обернется? Вон и война недавно с японцем была, с которой не вернулось

в станицу несколько казаков. А если по всей России посчитать, то скольких жизней это будет стоить, в какую цифру выльется?! Сколько сирот осталось без отцов! А тут еще и про баталии с немцем вещают.

А ежели по-доброму, то новый век нес и прогресс. Вот и Алексей приобрел сельскохозяйственную машину – лобогрейку. Как она облегчила труд хлебороба! А тут и паровозы подросли, целые железные дороги. Вот бы старики-то поднялись да подивились! Значит, машины и другие агрегаты заменят со временем лошадей. Возьмут весь груз на свои стальные плечи. Не надо будет держать и кормить лошадей, косить сено и чистить конюшню. Паровоз может увезти на край света до самого Тихого океана. Садись и езжай в тепле и светле, пей горячий чаек, поданный расторопным кондуктором. Упри ноги в потолок и спи, или мечтай, или посматривай в открытое окошко, как за ним мелькают незнакомые ранее дали, озера и реки, тайга и степи. Так радостно думал травниковский казак, встречая подкатывающий к перрону состав и недовольно пыхтящий паровоз. От него тянулась веревка до самого последнего вагона, очевидно, чтобы не потерялся в пути, догадывался пассажир и в душе даже похвалил себя за догадливость.

Он медленно шел по проходу и осматривал взглядом сидящих в купе без дверей пассажиров. В одном ехали раскормленные мужики в дубленых полушубках и с красными лоснящимися лицами. Наверно, торговый люд, купцы, смекнул Алексей Васильевич. Дальше сидели такие же сытые женщины в цветастых платках, с ребятишками и няньками. Господа или купчихи, решил казак. Морды-то шире зада, с похмелья не обгадишь. В следующем сидели молодые ребята и девушки, модно и по-городскому одетые. Никак студенты. Веселые и задорные, смеются на весь вагон.

И только в одном из последних купе ехали люди, похожие на разночинцев, мелких служащих, лавочников. Одни из них говорили о ценах.

- Нет, милейший Спиридон Вениаминович, конь за сто или двести рублей – это дорого,- утверждал сутуловатый мужчина в барашковой шапке и желтом шарфе.

- Тогда ездите на пятирублевом одре. Кто тебя примет за человека?

У столика два невзрачных мужичка играли в карты, в очко, вроде бы ни на кого не обращая внимания.

- Двадцать восемь – половину сбросим,- с улыбкой объявлял банкующий о своем переборе, кидал деньги в банк, и беззлобно улыбался.

- И телеги дорогие,- говорили те, первые.

- Так зато на каком ходу! На резиновом, рессорах. Не трясет, лишь мягко покачивает.

Эти, пожалуй, были ближе других Алексею. И он подсел рядом. Послушал, о чем бают умные люди. А картежники все посмеивались, будто придуривались, пошучивали.

- Раз, раз – тузиком до вас!

- Хватит,- наконец сказал один из них вроде бы с легкостью или с шуткой.- Я, кажется, остался без денег. Да не они нас, а мы их наживаем.

- А у меня еще кое-что осталось. Кто хочет попытать счастья и сгладить томительную поездку? Выиграть целое состояние?- тоже вроде бы шутя заявил его бывший соперник?- Мы будем шутя, по копеечке для приличия.

И эти двое, что говорили о лошадях, посмотрев друг на друга, подвинулись ближе, готовые внести положенный взнос.

- А ты, служивый?- вежливо обратились к Ильину.- Чего зря скучать?

- У меня нет свободных денег. Я долги за лобогрейку везу,- простодушно признался Алексей Васильевич.

- Да мы по сопельке, по грошику,- сладко пели те.

Ильин сперва молчал, напряженно думал, боясь проиграть. Но уж больно день казался удачным, веселым. И игришки, как ему показалось, так себе, мелюзга. В Травниках самые за-

худальные казачишки посильнее играют. А Алёха-черт, как его звали за мастерскую игру не только в подкидного дурака, шестьдесят шесть, но и в двадцать одно, и того лучше. Да он этих губошлепов-разночинцев в два счета облапошит!

- Ладно, копейка – не деньги,- произнес он, махнув отрешенно рукой.- Много не проиграешь.

А про себя с надеждой подумал: а вдруг повезет? Тогда можно весь оставшийся долг заплатить сразу и не вожжаться с ним больше. Да, может, и на маломальскую лошаденку выиграть? Вот Арина-то обрадуется!

Дошла очередь до него. Банкующий, подав одну карту, внимательно посмотрел на казака.

- Давай на половину банка,- решил тот, перекрестившись в душе.

- Даю карту. Раз, раз – тузиком до вас...

- Очко!- чуть не вскочил с места Алексей Васильевич и отсчитал половину суммы в банке.

В следующем кону он снял целый банк. И еще. И еще.

- Чертовски везет тебе, паря! Это твой день, твой шанс!- подзуживал его проигравшийся перед этим мужик.- Не упусти шанса, добавь ставку!

А по вагону понесли чай.

- А мерзавчик можно для сугрева?- спросил один из играющих.- Тогда принеси для пятерых. Я плачу. У меня была выгодная сделка нынче. А ты чего, казак?- сочувственно спросил он, когда все потянулись за выпивкой.

И Алексею Васильевичу показалось неловко обидеть добрых людей. Он поднял рюмку и произнес от души:

- Благодарствуем. Ваше здоровьице.

А потом и сам попросил принести белого, уж больно не любил оставаться в должниках.

- Принеси еще! Принеси!- кидал он деньги на поднос лакея, будто екатеринбургский купец.

И замелькали перед его глазами руки, карты, деньги. От не-

давно выигранного уже ничего не осталось, и он нервно полез во вторые штаны, где хранились деньги на лобогрейку. Конечно, как и всякий проигравшийся, думал отыграться и лихорадочно следил за каждым движением раздающего карты и игроков. Пиковый король, на которого он ни разу не выиграл, уже казался ему страшным государем Николаем Александровичем. Он был в куцей черной накидке, с усами и походил на неумолимого демона. И Алексей, когда приходила эта карта, проигрывал. А счастливый червовый король, похожий на помещика Мохирёва, славного дядюшку Арины, не стал появляться, будто устыдился игры племянника в карты.

- Иди на весь банк! Положи полсотню сверху, и те испекутся!- горячо советовал и с жаром шептал ему в ухо, как неотступный черт, проигравшийся мужичок.- У тебя же двадцать очков...

- Раз, раз – тузиком до вас...

- А-а, была - не была, повидала!- тряхнул патлатой головой Ильин, бросая последние деньги и крестясь про себя.

- Раз, раз – тузиком до вас!- приговаривал банкующий, вытаскивая из-под низа колоды и раскрывая карту.- Вот и тузик! И ваша бита. И чаша не ваша...

Он отработанным приемом подтянул к себе банк и быстренько сгреб в карман, чтобы не вызвать у игроков зависти и злости, что может обернуться плачевными последствиями. Такое уже с ним бывало. А этот казак на вид очень даже не хилый. Бросится в драку – дел натворит. И полиция сбежится сразу.

Он торопливо вышел в тамбур, крикнув напоследок:

- Карта – не лошадь, под вечер повезет!

За ним потянулись остальные игроки. Они с улыбками вышли на перрон, некоторые даже обнялись за плечи и дружной компанией скрылись за зданием вокзала. А травниковский казак, растерявшись, как ребенок, смотрел то в окно, то на пустой столик и никак не мог понять, что произошло? Как он мог проиграть все денежки, намеченные на покрытие кредита? И на

душе так стало тоскливо и горько, что ему хотелось заплакать. Что он скажет Арине, ломящей все работы за двоих и слепо верившей ему?

- Не-ет, надо разобраться с ними! Они же шулеры, миасское жулье! Облапошивают нашего брата-разиню. Жаль, револьвер или шашку не взял.

Он, будто очнувшись после глубокого сна, кинулся в тамбур, минуя ступеньки, спрыгнул на перрон и бросился во весь дух по очищенной от снега дорожке за здание вокзала. Но там уже никого не было. Последний экипаж заворачивал за угол большого купеческого дома. Он вернулся в вагон, чтобы забрать оставшийся сидорок, бессильно опустил на лавку и тихо заплакал.

10

- Господа приехавшие, освобождайте вагон. Поезд скоро тронется,- проходя по коридору с веником и совком в руках,- объявил проводник.

На вид ему дашь лет сорок пять – пятьдесят. На нем была форменная одежда, шапка с железнодорожной кокардой. По небольшой, ухоженной бородке заметно прошла седина, похожая на куржак, что мороз оставляет на ветвях деревьев и кустарников. Увидев Алексея Васильевича, он остановился рядом, осмотрел с ног до головы и все понял. Присел на минуту, участливо спросил:

- Ну что, казачок, продулся?

Тот, подняв отяжелевшую голову, посмотрел с надеждой и согласно кивнул головой.

- Да рази можно садиться играть с такими шулерами и прощельгами? Они самого черта объегорят, пусть ему даже двадцать одно придет, не только деревенского пентюха. Играют целой компанией на одного банкомета. И винцом задарма угостят, и подскажут, как банк снять, только не тебе, а ему. А вы и

уши развесили, деревня. Да и антиллигенты клюют на ихнюю удочку. Все хотят на дурняка разбогатеть. На дурняка и соловей соловушке не вскружит головушку. Надо изрядно попотеть, попеть с утра до ночи, погорланить и почирикать. А она, соловьиная бабенка, привередливая не хуже человеческой, еще посмотрит: этот лучше заливается или соседский?

- Грешен, грешен я! Вот дремучий дурак, деревенский лапоть!- обзывал и бил себя в грудь костистым кулаком Ильин, не сдерживая слез.

- Их и из вагона не вытуришь. С билетами едут, как купцы. Все чин чинарём.

Чаёк заказывают, вином балуются, соседей потчуют. А у самих в городе игральный дом. И полиция куплена. Целая компания налажена. Я тебе не раз моргал и кивал головой, чтобы вышел да послушал меня. Дак ты ведь, как необъезженный жеребец, закусил удила, не смотришь по сторонам и рвешься с расстегнутым воротом, чтобы тебя побыстрее ободрали, как худую овечку.

- Какую беду я сотворил, брат! Что дома скажу? Деньги на лобогрейку спустил. Позор-то какой! Чо скажут Арина, дети?

- Раньше надо было думать. А то, как медведь, сначала сломает дерево, а потом подумает – зачем?

- Все! И назад не на что ехать. Портсигар вот только остался, что на смотре за джигитовку и выправку войсковой атаман подарил...

- За джигитовку! Всыпать бы тебе за нынешнюю джигитовку чересседельником вдоль хребта, да ведь уж седина в бороде, а бес лезет в ребро. Тебе надо незрелых учить уму-разуму, а ты сам не научен. Богач нашелся. Еще рюмки им заказывал,- ворчал проводник.- Ладно, завтра мы поедем обратно – заходи в мой вагон. Как-нибудь до Мисяша довезу зайцем.

- Спасибо тебе, добрая душа,- поклонился Иван, собрав свой тощий узелок и направляясь в тамбур. Весь оставшийся день промучился Ильин, не находя себе места. Он узнал расписание

поездов, несколько раз подходил к дежурному и переспрашивал вновь, чтобы удостовериться, не ошибся ли тот прежде, не ослышался ли сам? Десятки раз выходил на улицу. Осматривал горы и сопки, поросшие хвойными деревьями, в прогалинах которых лежал глубокий снег. Весь город был окружен горами, которые защищали его и людей от ветров и метелей, а когда-то и от чужеземных завоевателей, норовивших напасть неожиданно и захватить богатые земли.

А они, действительно, были очень богаты. В их недрах находились залежи золота, недаром государь император Александр, когда приезжал на открытие железной дороги, спускался в забой, ударил кайлом и откопал двухпудовый самородок! А сколько разных минералов, самоцветов, алмазов и других богатств! И прекрасный строевой лес. И великолепные озера вокруг.

На одно из них, на Ильмень, Алексей Васильевич ходил несколько раз. Оно находилось внизу за железнодорожной линией в глубокой впадине. Окружено горными вершинами и высокими сопками, тоже поросшими лесом. Летом здесь необыкновенная красота. На озерной глади, то тут, то там, плавали лодки, с которых ставили сети и забрасывали другие снасти местные рыбаки. У берегов загорали и купались люди. Особенно много было детей и подростков.

Зимой величественный и сказочный Ильмень был скован толстым панцирем льда, сквозь который просматривалась вода и плавающие в ней рыбы. А на мелких местах виделось даже дно и водяная растительность. Зимой по льду катались на коньках ребятишки. А когда ледяную гладь заметало снегом, бегали вдоль и поперек озера на лыжах.

А в лесах много дичи, медведи, волки, лисы, зайцы, глухари, тетерева, рябчики. На водоемах в летнее время – косяки уток, гусей. По берегам бегают быстроногие кулики, чибисы, авдоски и прочая живность, кормящаяся от воды. А в полях – куропатки, перепелки и другие птицы, которых в богатых до-

мах и ресторациях подавали к столу. Море ягод, грибов.

Вблизи Миасса масса больших и малых озер. Самые крупные и красивые – Тургояк и Кисегач. Они тоже окружены сопками и густыми лесами. В Тургояке, как гласит легенда, войско самого Емельяна Пугачева спрятали в водных глубинах золотой клад, который любители легкой наживы ищут уже более века, но никак не найдут. Бают, у Тургояка двойное дно. И бочки с золотом, алмазами, серебром, деньгами, другими ценностями ушли на второе дно. Предназначались они, как гласит легенда, на содержание пугачевского воинства и будущих бунтарей России, которые станут бороться против кровожадных царей и помещиков-живоглотов, жадно сосущих кровь из бедного люда.

Говорят, американцы и англичане предлагали за эти места большие деньги. Слышал Ильин, что даже какую-то гору уже продали им, а жителям Миасса выдали за это по три рубля.

Он нервно бродил по берегу Ильменя, но ему было не до любования красотами горного пейзажа. Несчастливая лобогрейка и проигрыш в карты захватили все его сознание и не давали мыслям не только простора, но и переключиться на другое.

- Утопиться, что ли?- буровил вслух Алексей Васильевич.- Дак ведь озеро-то застыло метровым льдом. Разве башкой его прошибешь, даже если она такая дурная и чугунная, как у тебя?

Наступал вечер, и где-то нужно было искать приют на ночь. В дом приезжих ему с пустыми карманами идти не за чем. И в ночлежке нечего делать. И он в который раз побрел на вокзал. Он был внушительным, темно-серого цвета, сложен из пилевого камня-гранита. Наверно, был крепким, как тюрьма, и долговечным. Сколько счастливых и горьких судеб прошло через него, нерадостно думал Ильин. Вот и еще одна затеряется тут на ночь, ища ночлега и душевного покоя. Только обретешь ли его? Он нашел место в дальнем уголке, скромно присел, навалился на свой узелок, даже не достав из него пищи, ведь ему сейчас не до еды.

В помещение вокзала то и дело заглядывал дежурный полицейский, тихим шагом обходящий ряды дремлющих пассажиров и подозрительно осматривающий всех. Подошел он и к Ильину.

- Куда едем, господин казак?- спросил негромким, но каким-то проникновенным голосом.

- Домой, господин пристав, в станицу Травниковскую.

- Зачем сюда пожаловали?

- Деньги за лобогрейку привозил,- замогильным тоном ответил Ильин.

- С деньгами будьте начеку, вместе с мощной вырежут миасские щипачи,- посоветовал он и повернул обратно, крутя головой то направо, то налево.

Всю ночь проворочался без сна казак. То думал про неоплаченный долг за лобогрейку, то щупал свой сидорок, не увели его воришки? Хотя что там было брать? А карманы пусты со вчерашнего дня. Мучился он утром и днем, пока на второй путь не подошел пассажирский поезд.

Алексей Васильевич, закинув за плечи сидорок с ляжками, побежал вдоль вагонов, внимательно вглядываясь в суровые лица проводников. Не дай Бог просмотришь или он не возьмет тебя! Придется топтать пешком по шпалам да по морозу десятки верст. А там неожиданный буран может замести в сугроб или волки слопать и пимов не оставить, сверлила голову навязчивая мысль. И все из-за твоей дури, травниковский осел!

- Жив, станичный шулер?- радостно встретил его первым увидевший с высоты тамбурной площадки знакомый проводник.- Портки-то не сняли? Тут все могут. Залезешь, как дадут отправление. Спрячу тебя в печное отделение. Станешь временным кочегаром. Или в собачий ящик пойдешь?

- Не-ет, не надо в собачий, человек ведь,- испуганно замотал головой Алексей Васильевич. Он был и за печное отделение благодарен, там хоть не в уюте, но в тепле доберешься, не на крыше от колотуна замерзать и не в собачьем ящике. Надо

же, даже для собак удобства придумали, а человек хоть погибай. Да еще специально картежников нанимают, чтобы обирали бедных пассажиров. Суки, ругался казак. Но ему лишь бы благополучно доехать, лишь бы полиция не сняла с поезда. А в родном доме и кручина станет не страшна, и на душе полегчает, надеялся он. И долго слушал колесный стук на рельсовых стыках.

Иногда к нему заглядывал проводник.

- Не замерз?- спрашивал со снисходительной улыбкой.- Печку-то кочегаришь?

- Кочега-арю, как же?..

- Ну-ну, кочегарь. Отрабатывай свою картежную дурь. Да морду-то потом вытри вон паклей, в саже вся, как у паровозного кочегара.

На станции, как и договаривались, его ждала жена Арина. Её пухлые щеки от мороза стали ярко-розовыми. И вся она дышала силой и благоденствием, даже нескрываемой радостью. Казалось, запряги ее сейчас вместо мерина в оглобли кошевки, да она в лепешку разобьется, но быстрее коня домчит любимого муженька до станицы и, как вкопанная, замрет у родных ворот. И ни снег, ни мороз не страшны этой русской бабе! Это она им страшна, ведь душа ее в радости и счастье может быть жарче весеннего солнца и растопит любые льды и сугробы.

«Да Бог с ней, с лобогрейкой,- уже веселее думал Ильин, будто перенявший у нее энергии и оптимизма.- Можно запрячь Аришку и самому в пристяжку, да мы любые хлеба свалим и обмолотим. Сломаем любую жатву!»

Как выехали за Мисяша, Арина придвинулась к нему вплотную. Стала наивно заглядывать в глаза. Видно, шибко соскучилась. И он, боясь выдать себя с головой, прогоняя из тела предательскую дрожь, приобнял ее и чмокнул в щеку, отчего та еще больше зарделась, запольхала, словно огонь, хоть прикуривай от нее.

- Ну, как там, Алеша, деньги-то заплатил?- с нескрываемым волнением спросила жена.

- Заплати-ил, Оренька, заплати-ил, а как же?!- ловко соврал он, не моргнув глазом и не отводя от нее преданного взгляда.

- Ну и, слава Богу,- успокоилась женщина, склонив на его плечо голову и передав вожжи.- Теперь заживё-ом! На сколько легче нам станет.

Жизнь потянулась своим чередом. Алексей Васильевич отходил душой от поездки в Миасс. С каждым днем она все больше забывалась. Дети его радовали. Маруся в школе была почти отличницей. Тася тоже под стать ей. Подрастал и сын-последыш Вениамин. А старший, Василий, уже учился в Златоусте, чтобы стать чиновником железной дороги. Не захотел он идти отцовским путем и родительской казачьей судьбой, как ни уговаривал Алексей Васильевич. Пусть Бог ему будет судьей. Да и что хорошего, если честно, в казачьей жизни? Даже если у тебя много сыновей и ты получил немало земли, живешь зажиточно или в среднем достатке, на самом деле не лучше наемного работника, батрака.

День и ночь мантулишь на свое хозяйство, аж передохнуть некогда. Пашешь землю и убираешь, молотишь хлеб, косишь сено, кормишь скотину, чистишь навоз в стайках. Всю жизнь вкальываешь, как прокаженный. А станет Васятка чиновником, будет ходить в костюме-тройке, белой рубашке, перехваченной у ворота галстуком-бабочкой. Таким подвижным и бойким – вот-вот взлетит в небеса, и никто за ним не сможет угнаться, не сможет его догнать. А это уже не земное, не поле оборонить да колоть дрова! Не косой и цепом будешь махать и бить, а интеллигентно поматывать тонкой тросточкой, как циркач, покуривать сигарку, пописывать легким пёрышком по красивой гербовой бумаге. И поездки в фээтоне на пикники, и балы-вечера, и танцы, объѣтыя с богатыми, образованными дамами, которые, наверно, чистые, как богини, и даже нужду не справляют!

- Да ведь это рай, а не жизнь!- сам себя убеждал отец, все больше соглашаясь в душе с выбором сына.

Вот и Василий приехал на каникулы. Стройный, подтяну-

тый, как офицер, ростом вытянулся выше отца. Глаза хотя и голубые, мягкие, как кажется, а взгляд пронзительный. Такому только в сенаторах или прокурорах ходить. Обнялись с ним, говорили весь вечер – не могли наговориться. И отец все больше стал понимать сына.

- Плохо, тятенька, мы живем. Наша нация самая нищая в Европе. Довели нас цари да бояре до веселой жизни, до последней черты. А мы вместо того, чтобы постоять за себя, как Степан Разин, Емельян Пугачев, потакаем им. Все больше влезает в ярмо рабства.

- Ну, ты уж прямо против царя-батюшки попёр. Крамолой, што ли, это называется?- забеспокоился отец.- За такие речи недолго и в сибирскую каторгу угодить. На самый край земли, где Макар телят не пас.

- Да ведь оболванивают они со всех сторон мужика и рабского,- не соглашался принципиальный сын.- Совершенно не трудясь, живут припеваючи, процветают, накапливают на нашем труде и горе миллионы. Катаются по курортам и заграницам. А что видит трудовой народ? Разве перед Богом мы не все равны?

Не совсем понятно, но очень смело говорил сынок. Видно, красиво выражаться его научили. Но так недолго и до беды договориться. Хотя было в его словах что-то пронзительно справедливое, признавался в душе Ильин-старший. Ведь если по чести, то мы самые последние батраки и рабы, сотни лет не видящие белого света. Поэтому и бежали из центральных губерний на окрайки России, становились вольными казаками. А какие же мы теперь вольные, когда пашем землю, служим царю при своих конях и сбруе, охраняем рубежи державы, кормим всю эту праздную свору?

Голова шла кругом у Алексея Васильевича. А в душу проникла тревога за сына, умного, начитанного, настроенного против державных порядков. Это город его так быстро переделал. А ну-ка дознаются власти да упекут!

А с другой стороны, правду бает студент. За адской и нескончаемой работой простолюдину некогда пошевелить мозгами, подумать хорошенько о своей судьбе, своих детях, их будущем. Чем же они хуже дворянских и цесаревичей? Неужели Маруська, Таська, Венка тоже всю жизнь будут вкалывать на поле, пока не упадут, как старые мерины, в борозду и не отдадут Богу душу?

- Понять это не по нашим способностям, хотя и в школе учены,- пришел к выводу травниковский казак. Но он все больше стал прислушиваться к высказываниям сына. Иные его мысли даже были до боли знакомы отцу, будто Василий случайно прочитал и высказал их!

- Не знаю, до чего мы доживем – докатимся,- невесело говорил он себе.

А вскоре почтарь принес письмо на государственной бумаге. Находящийся дома Василий вскрыл и прочитал его. И растерянно уставился на отца. Тот же, почуяв неладное, тихо опустил голову.

- А что, тятя, ты разве не рассчитался за лобогрейку? Контора вот сообщает...

- Виноват я, ребята. Христом-Богом прошу отпустить душу на покаяние. Простите меня, дурака. Проиграл я денежки в карты. Думал, как лучше, а получилось, как хуже,- откровенно признался казак и отвел в сторону взгляд.

11

Зимой дни были короткие. Темнеть начинало в четыре часа. Хозяева таскали корм в конюшню и стайку, накидывали в ясли сена, соломы, чтобы лошади, коровы, овцы съели их перед сном, а потом до утра отдыхали. А кто был жвачным, те пережевывали корм. Днем скот выгоняли в огород. Там же он кормился сеном и оставлял после себя удобрения, которые весной перепаживались и перемешивались с почвой, повышали

урожай. Навоз из стаяк тоже вывозили в огород, только складывали в одну кучу, из которой потом делали высокие огуречные гряды, чтобы хранили тепло, высыпая в каждую лунку по ведру – два чернозема.

Загнав на ночь скот, Степан Петрович и Ванюшка заходили в избу, затопляли очаг, варили ужин. Потом долго чаевничали, ведь торопиться им было некуда, ночь впереди ожидала длинная. Бабушки не стало, и им приходилось самим чинить варежки, рукавицы, шаровары, рубахи, полушубки. И Ивану пришлось срочно постигать и это ремесло. Да еще и пимы подшивать, сапоги чинить, что раньше делал дед Степан. Вот только вязать носки, варежки они оба не умели, поэтому приходилось просить соседских старух.

А вот сбивать масло в ладке внук научился сызмальства. Он видел, как бабушка в печке варила сметану на масло, творог из простокваши. Как заквашивала эту простоквашу и делала топленое молоко, а потом и квашеное. И он начал сам этим заниматься, хотя нередко спрашивал совета дедушки.

А уж сливочное-то масло он сбивать умел. Выливал готовую массу в большую ладку или корчагу, брал отполированную от долгого применения мутовку и долго накручивал круги. Наконец масло сбивалось в кучу по центру корчаги, а жидкая пахта болталась вокруг него. А из сливочного масла мальчишка умел делать и топленое. Научился даже резать скот и обдирать шкуру.

После ужина и посильных домашних работ Степан Петрович с кряхтением залезал на печь, грел свои старые кости, продутые на холодных зимних ветрах и замороженные долгими морозами. У него ломило поясницу, скрипело в суставах локтей и плечей, плохо гнулись натруженные за долгие годы руки.

- Ревматизм, собака, шалит,- нередко ворчал он, стараясь запустить за спину плохо слушающуюся руку. Потом бросал это бесполезное занятие, подвигался к углу чувала и чесал об него лопатку.

- Ты чувал-то не свали, деда,- с улыбкой подшучивал внук.-
А то нарушишь печку, и останемся морозной зимой без тепла.

- Этот чувал еще нас переживет, кто клал-то его?!

- Знамо, ты.

- Ну, дак чо тогда? Учись все работы делать надежно, чтобы век служили людям. Тогда и самому будет приятно, и память об тебе будет долго жить. Вон как живет о Павле Петровиче Аносове, златоустовском железоделателе. Утерянную тайну изготовления булата открыл. Какие клинки стали делать из него, шашки! Сколько вражьих голов посекали ими оренбургские да яицкие казаки! Целые проходы прорубали во вражьих рядах, как просеки в лесу.

- Деда, расскажи ишо что-нибудь интересное,- поднявшись на печь, растолкав в стороны сушившиеся пимы, портянки и примостившись рядом, просил любознательный Иванка.

- Ярар, как говорят татары, ладно. Были мы один год в летних лагерях в кыргызских степях. Постигали мастерство верховой езды, технику владения оружием, строительства укреплений, пикетов, дозорных вышек. А дружок мой, Патя Симонов, мужик оторви да брось. Не мог кому-нибудь не нашкодить, не нагадить, не стибрить что-нибудь, что плохо лежит. Порой и не нужно оно ему, а душа огнем горит, так ей хочется нашкодить и напаскудить. Отец Пати вроде бы приходился незаконным сыном полковнику Симонову, умиряющему войско Пугачева. А Пашка такой отчаюга, просто срам сказать.

Недалеко от лагеря в небольшой долине жили степняки. Улус, по-ихнему называется. И была там в семье чабана девушка Фатима. Тело гибкое, как резиновое, гнулось. Резкая, прыгучая, что барс или азиатская тигра. Как обезьяна, запрыгивала на скачущего низкорослого коня. Без узды гнала по степи галопом. Навстречу волкам выезжала. У нее и конь-то такой бесшабашный был, не боялся этих зверей.

Не раз мы подъезжали к ее отаре, будто отдохнуть, водички

попить. Десятки голодных мужских глаз ощупывали ее с ног до головы. Офицеры предлагали ей свою руку и сердце, а она только посмеивалась да поматывала неумолимым кнутиком, была черенком по сарыку, обутка такая вроде сапога.

- Моя твой не понимай, и ты суда не гулай,- бросала она с издевкой, запрыгивая на коня. И он птицей нес ее по песчаной степи, только пыль столбом.- Догоня-ай мала-мала!- кричала она издали.

Пока казаки отвязывали лошадей да взбирались в седла, ее и след простывал.

- Вот шельма!- недовольно вскрикивали они и понуро отправлялись восвояси.

- Ваша мой баранчук никак не догонит!- хвастал престарелый отец, выпив поднесенную офицерами чарку.- Могу спор на бишь овца, как по-вашему, на пять?

И спорили горячие казачьи головы, и проигрывали.

- А ты, дедушка, не спорил, не хотел завоевать молодую красавицу?- нетерпеливо допытывался внук, и глаза его загорались любопытством.

- Мне нельзя, я ить женатый был на Анне Митрофановне. Анна – покойница была строгая. А вот Патя однажды поспорил.

- Давай, кунак, держим пари на моего скакуна. Если догоню – отдашь мне Фатимку.

Тот давно любовался его конем. А услышав такие слова, мгновенно вскочил, подбежал к жеребцу, несколько раз обошел вокруг, внимательно осматривал и заглядывал в рот, смотрел зубы.

- Якши скакун, хороша-а!

- Спорим, что ли, старик?- не отставал Симонов.

- А-а, шайтан с тобой! Ярар. Парим, спорим. Фатима-а,- позвал он негромко, и из юрты вышла темноглазая азиатская красавица с длинными косами, упавшими за плечи.- Дава-ай. Быстро скачки нада, и рысака будет наш. Если урус догонит,

тебя отдам ему. Мало-мало отъезжай подальше и гони. Он за тобой.

Ни слова не сказала девчонка. Только обвела недобрым взглядом отца, присмиривших казаков, задержав его на Пате Симонове. А тот, зимогор, был не лыком шит. Глянул на нее, как коршун на цыпленка, пригладил пальцами узкие бакенбарды и заявил:

- Даю фору двести саженой.

Пулей вскочила девчонка на коня и вихрем помчалась в степь. Патя спокойно подошел к своему, накинул на шею повод, взялся за луку седла и легким движением бросил вверх маленькое свое тело. Потом посмотрел ей вслед, будто хотел убедиться – не сон ли это?

- Есть двести саженой, господа казаки?- спросил товарищей.

- Есть даже с гаком!- вразнобой загудели те.

- Вперед!- приказал спокойный на вид Патя, поддав жеребцу шенкелей и мелькнув золотым шевроном.

Неуловимым ястребом унесся, и мы долго лишь смотрели вслед поднятой и медленно оседающей пыли.

- Ну и чо, деда, поймал?- с нетерпением допытывался Ваня.

- Долго их не было. Стук копыт смолк. Пыль осела на землю. Стали наступать сумерки. И только тогда из-за косогора появилась какая-то точка. Она росла, росла и стала как бы двойной или даже тройной. Мы уж думали, что рябит в глазах от долгого напряжения. А это, оказывается, Пашка ехал на своем лихом жеребце, посадив девушку на колени. Она, не обращая на нас внимания, обнимала за шею бравого казака. А рядом шагала ее конь.

- Пойма-ала девку?- горестно завопил отец.- Ни одна джигита не могла поймать, а казака поймала, шёрт такой?- и он горько заплакал.- Мусса сватал, што теперь мне говорить?

Закончив рассказ, старый казак побряхтел, повздыхал, буд-

то сам возвращался из той пыльной степи, из тех далеких лет сюда, на свой маленький хутор и горячую печь, и вопросительно глянул на внука. Но тот, убаюканный его монотонным голосом, уже крепко спал. Лишь на лице его осталась легкая улыбка. Наверно, радовался во сне хорошему концу.

* * *

Так и жили старый да малый казаки. Степан Петрович часто жаловался на суставы. То лопатка болит, то локоть, то поясница. А то и колено отказывало, и он вдруг начинал хромать.

- Снова болит, деда?- участливо спрашивал внук.

- Болит, сучье вымя! Совсем стал хворый. Былые походы сказываются. А это нелегкий хлеб, не шухры-мухры. А сколько казачьего люду погибло в баталиях и схватках всяких! Сколько легенд ходит по белу свету об этих походах. Александра Пушкин, приехавший на Оренбуржье и написавший книги о Пугачевском бунте и капитанской дочке, с уважением сказывал о дедушке Урале и его сынке Яике, который начинается у нас под боком, выходит из Уральских гор, сворачивает на Орскую крепость, Оренбург. Справа поит горной водичкой заволжские степи, слева – жаркие пустыни, где кочуют орды диких племен кыргызов-кайсаков. Течение батушки Урала быстрое, как ход у казачьего коня. Воды мутны, наполнены осетром, белугой, севрюгой, судаком, лещом, щукой, сомом, сазаном и другой рыбой. Берега в большинстве глинистые, песчаные и безлесные. Но есть поймы, где пасут скот. Близ устья обросли высоким камышом, где водятся кабаны и тигры.

- Ти-игры?- с испугом переспрашивал Иванка.

- Ти-игры! Да и худые люди-разбойники прячутся, от царя-батушки убежавшие и его власти,- пояснял дед.

А за окном целую неделю бушевала вьюга, заметая дома до самых крыш, пряча под сугробы плетни и заборы, воя голодным волком в трубе. И мальчик на всякий случай подвигался ближе к деду, клал ему на грудь руку и заглядывал в лицо, будто

хотел прочесть там – не оставит ли тот его одного на печи? А Степан Петрович продолжал негромко:

- На этой реке, бают, в пятнадцатом веке и появились донские казаки, разъезжавшие вдоль Хвалынского моря. Они зимовали на берегах Яика, тогда еще покрытых лесами. А весной пускались в море, разбойничали до глубокой осени и к зиме возвращались на Яик, подаваясь все вверх.

- Значит, наши предки были разбойниками?- перебивал Иванка.- И нам надо стать разбойниками?

- Есть маненько. В общем, это свободный народ. Там были и бежавшие от казни стрельцы, служивые люди. Но это все преданье старины глубокой. Поздние предания. А точных сведений о зарождении яицких и оренбургских казаков нету. Там и татарские семейства, отделившиеся от Золотой Орды, искали привольных пажитей. Многие казаки не только враждовали с ними, но и дружили, «куначили», как говорили тогда. Женились на девушках из татарских улусов. А нам не надо разбойничать, ведь мы стали оседлыми, пашем землю и растим хлеб.

Болтают, в старину любящие холостяковать казаки положили между собой убивать приживаемых детей, а жён бросать при выступлении в новый поход.

- И Патя Симонов убивал детей и бросил Фатимку?- не терпелось узнать Ванюшке.

- Да это же сказки про убитых детей и брошенных жён. А Фатимку кто-то из кайсаков убил в степи, наверно, за связь с русским. Существует предание, что атаман Гугня первым переступил жестокий закон, пощадил молодую жену, и казаки по его примеру покорились игу семейной жизни. И долго гостеприимные люди пили на своих пирах за здоровье бабушки Гугнихи.

До сих пор живы легенды о казачьих предводителях Нечаете и Шамае. Как пятьсот шашек в Хиву ходили, чтобы богатства добыть. Хивинский царь тогда был в походе, и Нечай без труда завладел его богатствами, забрал в полон ханских жен. Одну из них себе взял и содержал. Казаки там жили в забавах и безде-

лии, об опасности и не думали. Ханская жена полюбила Нечая и советовала подобру-поздорову убраться оттуда, ежели думает живот свой спасти.

- Чо такой большой живот был у Нечая?- встревал внук.

- Живот – это жизнь,- терпеливо объяснял Степан Петрович, нежно погладив мальчика по головке шершавой ладонью.

- Послушал ее Нечай, да было поздно. Выступив из Хивы, он двигался тихо, отягощенный многою богатою добычею. Хан вскоре вернулся и бросился за ним в догоню. Через три дня настиг его на реке Сырдарья, где казаки переправлялись через горловину, и напал. Отважно сражались казаки и многих хивинцев побили. Но напоследок со всеми имевшимися при нем людьми Нечай был побит, кроме троих или четверых человек, кои возвратились в войско яицкое и об их погибели рассказали.

Ходил туда после и Шамай, взяв с собой триста шашек. Вверх по Яику поднялись до Илека. Зазимовали, а весной отправились. В степи у реки Сырдарьи присмотрели двоих калмыцких ребят, которые рыли звериные ямы. Калмыки тогда там кочевали. И взяли их за вожей, чтоб дороги показывать. Калмыцкое воинство потребовало двоих калмычат назад, но казаки не послушали. Тогда те заманили их, где были ямы на зверей, будто убегали от казаков. И те попались в ловушку калмыцкому войску. Кто ушел, а атамана Шамая с несколькими казаками захватили и удерживали у себя. Пока не отдадут двоих калмычат.

Но наказной атаман ответствовал, что у них атаманов много, а без вожей им пробыть нельзя. И далее казаки в свой путь отправились. Угодили к Аральскому морю, где у них не стало провианта. Наступила зима, чего ради они были вынуждены зимовать на Арале. И такой случился великий глад, что друг друга умерщвляли и ели, а другие с голоду помирали. Оставшиеся послали к хивинцам прошение, чтобы их себе взяли и спасли от погибели. Приехав к ним, хивинцы всех их забрали. И так все

триста яицких казаков там пропали. Атаман же Шамай через несколько лет привезен калмыками и отдан в яицкое войско.

Так что не хлеб с медом ели казаки, а кровью и своими буйными головами зарабатывали на жизнь,- печально закончил Овчинников-старший и смежил уставшие веки.

А Иванка на всю жизнь запомнит рассказы старого казака и под старость сам будет рассказывать их своим внукам и правнукам. Ведь их сам Пушкин ведал.

Это было последнее предание потомка оренбургских казаков, участвовавших в Пугачевском восстании. Вскоре в одну из ночей с остывающей печи донеслись приглушенные крики бывшего есаула.

- В обход заходи! Окружай главаря! Налево – коли, направо – руби!- кричал он охрипшим голосом, и его правая рука пыталась подняться и быстро опуститься.

Видимо, во сне он был в бою и махал острой шашкой. С казачьими почестями предали земле старого вояку на хуторском погосте. И все эти дни пронеслись перед Ванюшкой, как в тумане, как в ужасном сне.

По-настоящему он пришел в себя уже в отцовском доме, где ему все показалось незнакомым и чужим. Неприветливая мачеха Агафья, будто расстались только вчера, смотрелась недовольной и злой. Чтобы он ни сделал, ей все не нравилось: не там разулся, не туда поставил пимы, чашку, повесил шапку или бросил онучи.

- Следи за собой, в доме нет слуг, чтобы прибираться за тобой!- то и дело замечала, а то и покрикивала она.

- Ты чо ерепенишься-то, Гаша?- не раз замечал Аверьян Степанович.- Взъелась на парня. Он же нам не чужой?

- Кому не чужой, а кому и не свой!- с сердцем отвечала она, вынося пойло скотине.- Своих вон куча, а тут еще дармоед объявился... Ты бы получше работал да его заставлял.

- Грех обижаться на парня. Он лучше другого взрослого вкалывает, будто не сын нам, а батрак.

- А мы не батраки? С восхода до заката ломим?- возражала жена.

Конечно, отцу было жалко Ивана. И он старался при случае пожалеть его, погладить по голове, похвалить.

- Ты уж взрослый у меня. Робишь не хуже мужика, молодец,- притягивал он его на секунду к себе.- Хороший хозяин из тебя получится. Спасибо дедушке с бабушкой, что всему научили тебя. Значит, жизнь одолеешь и голодным спать не ляжешь. А на Гашу не серчай, она тоже с ребятней да скотиной целый день вожжается.

- Да не серчаю я,- убеждал его сын, уткнувшись головой в воротник отцовского полушубка. Он понимал, что и отцу нелегко крутиться в таком бедламе, как белке в колесе. Совместные с Агафьей дети еще маленькие. Падчерица шибко не разбежится. Что ни заставь делать, у нее на все отговорка:

- Руки уже болят, с самого утрачка роблю. Пусть Ванька сделает, все равно баклуши бьет.

И брал Ванюшка ведра, бежал на колодец, пока не стемнело совсем. Чистил картошку, топил печь, мыл пол.

Но основная его работа была на дворе и на поле. Настоящая мужская работа. То за сеном поедет и привезет воз, а то и не один. То кормит скотину, чистит в конюшне и стайке. Вывозит на жестяной волокуше навоз, сваливает на огороде в кучу, которая растет с каждым днем. А по весне пашет поле вместе с отцом, сеет пшеницу и рожь. Осенью убирает и косит, возит снопы и молотит, как заправский мужик. Отец незаметно глянет на него и не налюбуется работой. Хваткий, не по годам сильный, он, как с игрушкой, обращался с вилами, граблями. И даже косил наравне с ним.

- Хороший помощник растет у меня!- признавался еле слышно себе, боясь сглазить.- Кормильцем будет под старость.

И на его крестьянской душе теплело. Отец был сам неплохим работником. С утра до вечера что-нибудь делал. Но был немногословным, скромным, лишнего слова не скажет. Лучше

руками сделает. С детишками был по-казачьи ласков, насколько позволяли время и ситуация. Но не больше. Хотя напрасно не бил, не порол за провинность. Скажет только:

- Ты хуже маленького, куда глядел-то?

И особо не перечил Агафье, считая, что лучше плохой мир, чем хорошая ссора. Да и разве бабу переспоришь, уверял себя, особенно такую, как Гашка? Она и глаза тебе выцарапает, и во всем правой окажется. Только самому хуже сделаешь, а ведь у тебя еще и Ванюшка!

Сын особо не обижался на отца. Спасибо и за то, что со двора не гонит. И старался не вязываться в семейные дела. Чуть свет поднимался и шел к скотине. Весь день с ней возился. Любил он ее, а от коней был в неопишемом восторге. Обиживал и холил их, лишнюю плицу овса подсыпал, когда не видела мачеха. И они его любили. Нередко ржали от радости, сами подходили к нему даже в поле.

- Милые мои рысаки!- обнимал он их за шею, вытаскивая из кармана кусок ржаного хлеба, предназначенного для него самого.

Кони осторожно брали с ладони, боясь поранить зубами мальчишечьи пальцы, и согласно мотали головой, словно благодарили за подарок и внимание. И работали с ним до седьмого пота, как ни с кем другим, будь это пахота, боронование или перевозка сена и дров.

- С Ванюшкой кони в два раза сильнее стараются, чем с другими!- не раз заявлял радостный отец, глядя на успехи сына.- Вырастет – все невесты будут его! Кто от такого работающего откажется?

И Ванюшка дорожил дружбой с конями. Нередко с весны и до глубокой осени, когда уже начинали лететь белые комары, чтобы не мешаться в тесной избе, он уже не лез на полати, а спал рядом с ними в конюшне. Залазил в кормушку-ясли, отделенную от лошадей редкими деревянными стойками, и они осторожно объедали вокруг него сено, чтобы не потревожить

любимого человека, не навредить. А порой и спал на широком ящике-ларе, где хранился овес, укрывшись стареньким тулупом. А когда отец выходил с рассветом во двор, паренек уже был на ногах. То подметал в ограде, то поил коней.

- Когда он только спит?- удивлялся Аверьян Степанович, и ему даже становилось как-то неловко, будто тот не сын ему, а батрак.

12

Боль по украденным коням долго не отпускала душу Алексея Васильевича. Войдет он утром в конюшню и вдруг увидит пустые стойла. Станет возить сено, а возов-то мало, некого больше запрягать в сани. Раз – два и обчелся тягловой силы. И ныла казачья душа, днем и ночью не знала покоя. Ну, днем еще так-сяк, был занят работой. А когда уляжется на покой – и приходят грустные мысли, не дают, паскудные, покоя изгоревавшемуся хозяину. И гложут душу, как голодные псы застывшую на морозе кость. Изворочается, искрутится весь с боку на бок, как спираль. Быстрее бы утро – да на работу, мечтает порой. Не выдержав, поднимется и уйдет на полати. Но и там нет его раненой душе покоя.

- Господи! Помоги нашему горю. Верни хоть Гнедка. Светит он меня в могилу. Краше родного дитяти он мне!- просил нередко Всевышнего, а кони все не находились.

- Махни рукой, Алексей, не тревожь душу. Видно, каюк им,- советовал Петро Сорока.

- Махнуть-то легче всего, а вот кого в плуг и лобогрейку запрягать, самому, что ли, впрягаться?- не соглашался сосед, опуская грустные глаза.

- Сколько можно убиваться, крутиться, спать никому не даешь! Маешься всю ночь!- недовольно высказывала Арина, разбуженная среди ночи.

- Да как же без коней казаку, ведь это его все!- беззлобно

возражал он.- Гнедого-то я, считай, на своих руках выносил-вынянчил, когда он без матки остался. Молочком из бутылки поил. Лаской окружал и обихаживал.

- Ну не человек же он.

- Да он лучше другого человека! Не предаст, в беде не оставит, в метель своим телом согреет, от волков оборонит и увезет. Разве каждый человек такое сделает? Спи давай, разговорила, туды ее за ногу!- начинал он сердиться и уходил на полати.

Никто его не понимал, даже родная жена, печально думал он и тосковал в одиночку, тер от отчаяния грудь, где, как он считал, должна находиться его истерзанная и беспокойная душа.

Однажды он мучился, мучился, да, видать, задремал под утро. И причудилось ему или приснилось, что разверзлись облака и с неба спустился к самым его воротам красно-огненный конь – красавец. Из рта и ноздрей его пышет ярое пламя огня. Золотая грива плещется на сильном ветру, и с нее падают на землю, летят и бьются в стену, окна золотые звезды.

- Побьешь стекла, шальной, зимой-то замерзнем!- пытался крикнуть он коню, но голоса своего не услышал.

Тогда красный конь стал бить копытами землю, аж полетели в стороны ледяные и снежные ошметки, громко бились в ворота, тесовый забор. А потом конь заржал на всю улицу, и его ржание показалось Ильину не то музыкой, не то боем церковного колокола. А еще неугомонный конь заговорил Ариным голосом:

- Алёша, Алёша! Конь какой-то у ворот! Да проснись ты, наконец...

- А-а? Какой конь?- мигом соскочил он с полатей и в одних кальсонах, натальной рубахе, только надернув на босые ноги первые попавшиеся пимы, выскочил на морозную улицу. Отодвинув тяжелый засов, распахнул калитку и не поверил своим глазам.

- Царица небесная, знать, приснилось!- взмолился он, все еще думая, что это сон.

Перед ним стоял и жалобно ржал его любимый жеребец Гнедко. Потом протянул навстречу ему голову и положил шею на плечо.

- Гнедко-о, мой любимый, мой мальчик!- не то выкрикивал, не то причитал казак, упав перед ним на колени, видно, потеряв последние силы. А тот не больно хватал его за плечо рубахи, будто пытался поднять с коленей и поставить на ноги.

Не чуя сорокаградусного мороза, Алексей Васильевич долго обнимал и оглаживал коня, в душе не веря, что в жизни может случиться такое счастье.

- Есть Бог-то на свете, е-есть!- то и дело выкрикивал он, благодарно осеняя себя крестным знамением. - Не зря скою время я его просил и молил!

А вокруг радостно прыгала, ласкалась и взлаивала лохматая Пальма. Металась вокруг хозяина и Гнедка, униженно ползала на брюхе и мела хвостом.

- Чует кума, чье мясо съела!- махнул рукой в ее сторону Ильин.- Проворонила тогда, так теперь извиняется перед нами,- объяснял он жеребцу. А тот, будто понимая казака, согласно мотал головой и помахивал хвостом.

На крики, лай, визг прибежала встревоженная Арина. Подавая мужу полушубок и шапку, упрекнула не зло:

- Причиндалы-то свои не надел? На хоть шубёнку да треух, простынешь ведь.

А сама смотрит, смотрит во все глаза и не верит, что стоит перед нею сам Гнедко. Как он, откуда сорвался?

- Ты осторожней, на задней холке у него шрам. Или волки порвали, или новые хозяева вилами пороли, наверно, не слушал чужих, по дому скучал. И ушел, молодчага! От шайки воров-конокрадов ушел! Это тебе не баран чихнул! А ты баешь, что не человек он? Не кормленный, худой, избитый, вилами поротый или волчьими клыками, а домой добрался! Спасибо тебе, коня-

га. Ты мой самый лучший друг, человек и трудяга,- признавался хозяин коню, крепко обнимая за шею.

Наконец эмоции уступили место рассудку. Распахнув большие ворота, как перед самым дорогим и желанным гостем, как перед помещиком Мохирёвым, хотя жеребец прошел бы и в малые, Ильин провел его в конюшню. Поставил в родное стойло. И опустевшая, было, конюшня как-то сразу преобразилась, будто стала шире, ожила. Увидев Гнедка, приветственно заржали другие кони, стоящие в соседних стойлах. Потянули к нему головы, завстряхивали хвостами. В их глазах, как показалось казаку, загорелись добрые и приветливые огоньки. Значит, приняли в конскую семью своего бывшего жоака, хозяйского любимчика.

- Счастье-то какое подвалило, Оря!- громко произнес он и крепко обнял раскрасневшуюся от мороза жену.- Теперь нам станет легче.

Он набрал полную пудовку овса и отнес Гнедку.

- Ешь, дорогой! Отъедайся после плена вволю. А рану твою мы быстро залечим,- сообщил Алексей Васильевич, в который раз потрепав жеребца по шее.

* * *

Они и не заметили, как подросла Манюшка и стала первой помощницей в доме. Зимой она ходила в школу, где занятия шли целый день. Все классы обучались в двух комнатах. В одном ряду сидели ученики одного класса, во втором – другого. Да и учил их один учитель. Его звали Фомой Егоровичем. Он был с большим стажем работы и опытом, и его хватало на всех. А когда проводились контрольные работы или какие-то другие необычные занятия, ему на помощь приходила супруга Евдокия Парфёновна. Они были самыми грамотными людьми в станице и пользовались огромным авторитетом. Кому из жителей было что-то не ясно, они шли к учителям, и те терпеливо и доходчиво объясняли. Станичники же за это

помогали им в сенокосе, других сельских работах.

Школа была небольшой, и ее посещало несколько десятков казачат. В основном из зажиточных семей. Хотя были из середняков и бедняков. И даже не казачьих сословий, например, дети почтмейстера, священника, пономаря, фельдшера. Закон Божий читал батюшка Иннокентий Власович.

- Травниковская церковно-приходская школа ценится в округе,- с гордостью отзывались о ней.- Не зря Васятка Ильин в Златоусте вон куда поступил!

Хорошо училась и сестра Василия – Мария. Нередко ее ставили в пример. А Фома Егорович не раз говорил родителям:

- С Богом в голове ваша Манюшка. Умница. В крестьянской доле ей будет тяжело, не совсем здоровая. А в городе видным человеком может стать, специалистом. Портной, модисткой. Дальше учить ее надо...

Родители соглашались, кивали головами, но какая еще учеба сельской девчонке? Для нее и четыре класса за глаза! В школе ее место за партой заняла сестренка Таиска, тоже девчушка способная. А там и Венка подрастал и готов был на смену

- Имя ему дали согласно церковным святцам, а в них на тот день были имена Вениамин, Аполлон да Каллистрат. Вот и выбрали Венку,- объяснял Алексей Васильевич любопытным. Имена-то вроде как не русские. А где их взять, русские-то, когда даже Иван с Марией как бы не совсем русские или совсем даже не русские, библейские, если в корень зреть.

А Мария выполняла все домашние работы. И варила, и стирала, и коров доила, и кормила, поила, и носки с варежками вязала, и пряжу пряла, поставив прялку на лавку, придавив нижнюю часть своим весом. И нередко вечером тёк тоненький ручеек шерстяной сученой пряжи или льняной нити, не зря же лён сеяли, наматывался на крутящееся веретено. Потом Таська с Венкой разводили по очереди перед нею почти на аршин руки, и сестра, как на рогатки, наматывала на них пряжу, после мыла в горячей воде, смывая с шерсти грязь и жиропот, сушила,

скручивала в клубки, из которых потом будет что-либо вязать. Клубки эти будут кататься по полу, и ими станут играть котята. Они обычно долго высматривают откуда-нибудь из-за угла или из-под табуретки, потом хищно набрасываются на них, хватают лапами с выпущенными когтями и стараются утащить под кровать или комод.

- Я вот вам дам, хулиганы!- с улыбкой страдала их Манюшка, подтаскивая за нитку клубок.

- Фюлиганят,- смеялся младший брат Венка.- А ты их плеткой огрей, лёля, как нас тятя в сердцах стегает.

Сестра была его крестной матерью, и он чаще звал ее лёлей, чем Маней. И когда кто-нибудь обижал мальчика, он в первую очередь бежал со слезами к ней. Она была очень доброй и внимательной, пожалеет и приголубит не только ребенка, но и котенка, щенка, теленка.

- И откуда в ней столько доброты!- дивились соседи.- Светлый человек, самим Богом отмеченный.

- Да чо там говорить – Божий человек!- поддерживали их другие, хорошо помня случай, когда она упала в колодец, долго пробыла в ледяной воде и не утопла. Только вот паралич ножку ей повредил. Жаль девчонку. Зато тот, кто будет с ней рядом, станет счастливым человеком. Она принесет счастье.

А Маня почти и забыла про больную ногу, бегала вместе с подружками, играла в прятки, лапту, а то и догонялки. И хромота ее была почти незаметной. Лишь чуть-чуть подтаскивала ногу, которая не хотела слушаться. А вообще ступни ее ног были широкие, как у мальчишки, подъем высокий. А кисти рук и кулаки большие, костлявые, жилистые, как у мужика, который много ими трудился, и уцепистые, видимо, созданные для тяжелых крестьянских работ, которых, надо честно признать, она не боялась.

С детства отец во время пахоты земли и боронования сажал ее верхом на коня, впряженного в борону, и она не хуже мальчишек целый день бороздила ильинские поля, накручивала кру-

ги. Сама по себе научилась вязать снопы, грести и метать сено, а лет в пятнадцать – шестнадцать и косить. Литовка, правда, слушалась ее не всегда, иногда и прыгала по кочкам, но ряд все-таки был относительно ровным. И у кого в доме не было мужиков, то и такая косьба сошла бы за первый сорт.

Бывало, отец посадит ее на стог и кидает навильник за навильником. А она умело принимает их и раскладывает граблями или вилами широко, утаптывает, чтобы плотно легло сено, чтобы ветром и бурей не завернуло и не свалило, дождями не промочило да не сгноило. Тут тоже сноровка и хитрость нужны.

- Не сужай! Шире раскладывай и топчи ладом!- то и дело покрикивал батюшка.- Затерюхи-то много съела? На полевых работах больше есть надо, чтобы сил набрать.

- Целую чашку умяла,- успокаивала она отца. Хотя как ее определить, эту чашку, когда все дружно хлебали из одной, куда треть ведра вбухивали, да еще добавки подливали?

А какая грибница, ягодница она! С годами боевые бабы за ней не могли угнаться. Какое-то особое чутье у нее было. Выходя на елань, она окидывала ее быстрым взглядом и как-то определяла, где большие куреня полевой клубники или маслят, шампиньонов, груздей. Ягодку к яголке набирала полное лукошко. И они горели на летнем солнце, как красные звездочки, казалось, грели июльским теплом. Боченки варенья наваривали из них, бочки груздей насаливали, что на всю зиму хватало. А сколько всего насушивалось! Зимой из сушеных ягод пекли сладкие пирожки. А из сушеных грибов варили суп, который местные казаки называли груздянкой.

А костянику с брусничкой мочили в бочках, спускали в голбец или погреб, а во время морозов и метелей, остыв после парной бани, принимали. Это были божественные и целительные напитки. Да и мужикам, когда с похмелья, не хуже браги глянулись.

И все это в основном устраивала Манюшка. Вокруг нее, как цыплята возле клушки, крутились Таиска, Венка, соседские

ребятишки. То по ягоды соберутся дружной толпой, по грибы, саранки или за диким чесноком. Пальму, соседских собачонок возьмут для храбрости, чтобы лихой человек или волк-бродяга не напал, не обидел. Гомонят, идя по дороге, словно гусята. Далеко слышать. А то еще и песню запоют. Например, про того же Алешу Поповича, что в школе проходили. У Манюшкиной матери Арины был отчим по фамилии Попов, известный кузнец, и девочке казалось, что эта песня как бы и про него.

- Из далече-далече, из чиста поля тут едут удалы два молодца, - начинала Манюшка.

- Едут конь-о-конь, да седло-о-седло, узду-об-узду да тесёмную, - подхватывали ребяташки. - Да сами меж собой разговаривают:

- Куда нам, братцы, ехать будет? Уж ехать, не ехать в Суздаль-град?

И песня набирала силу, ширилась, летела по еланям и колкам травниковской земли, сворачивала в сторону камбулатского леса или Пустозерова, куда часто дул ветер. Со стороны любо было послушать. А песня еще и бодрила мальцов, смелости придавала в высоком лесу, зверей отпугивала. И кто из них с перепугу убегал в чащобу, а кто из любопытных и более смелых слушал, высунув уши да нос из норы, ведь редко такое случается в лесной и полевой жизни. Даже трудолюбивые птички прекращали гам и любовные песни, пытались понять и послушать певучие голоса людей. И в эти минуты они, наверно, становились ближе друг другу, лучше понимали один другого.

Поэтому, когда дети находили выпавшего из гнезда птенца, старались вернуть его на место. А птицы в дар за человеческую доброту пели наиболее громко и привлекательно там, где было много ягод или грибов. Во всяком случае, так казалось Манюшке и так она объясняла детям. И вреда от этого ни зверюшкам, ни ребяташкам не было. А природе – лишь польза.

- Только с корнем грибы не ломайте, пусть на развод остаются, - напутствовала она подруг и друзей, помогая им поганки

отличать от хороших, съедобных, разъясняя, что такое мухомор, одетый в яркий и красивый кафтан. Увидев такого, рука сама тянется сорвать его. И не дай Бог сварить его вместе с другими. Не минуешь отравления и беды.

- Вон он, как царевич разодетый стоит, а людям враг,- объясняла Маша,- стерегитесь его.

Однажды, заглянув в густой осинник, где могли попасться подосиновики, они встретили маленького дикого козленка. Мать, заметив людей, скрылась за ближними кустами. Детеныш тоже пытался убежать от них, но ноги его плохо слушались. Особенно передняя левая. Он ревел и звал на помощь маму, боязливо глядел на детей – стройный, красивый, но насмерть перепуганный. Когда его поймали и осмотрели ногу, увидели на ней глубокую рану.

- Это, кажись, перелом,- решила Манюшка.- Срочно готовим операцию. Давайте назовем ее Ксюшкой - Козлюшкой

Они промыли рану в ближайшей канаве, наложили на нее подорожник, а сверху нестарую бересту и завязали подвернувшейся тряпочкой, чтобы быстрее зажило и помогло кости срастись. Потом вернули косулю в осинник. Поняв их добрые намерения и оставшись целой и невредимой на воле, животное не бросилось наутек, а долго с любопытством смотрело вслед детям и помахивало коротким хвостиком, будто благодарило за помощь и прощалось с добрыми людьми.

И с тех пор, когда встречали в лесу косулю, всегда радостно восклицали:

- Здравствуй, Ксюшка – Козлюшка! Как ножки твои и рожки?

13

Холодной зимой, когда сгружали с возов сено, пилили и кололи дрова, нередко снимали с себя верхнюю одежду. Потные от работы, люди орудовали вилами или топорами, чаще всего

колунами, когда кололи смерзшиеся от холода чурбаки. От тяжелой и долгой работы горячий пот заливал голову, шею, лицо, мочил тело, белье, и приходилось сбрасывать с себя все лишнее, начиная с шапки и кончая верхней одеждой. Со стороны казалось, что тела работающих парят, как печки. Разгоряченные трудом люди не чувствовали мороза и пронизывающего до печенок холодного ветерка. Поэтому нередко простывали, а то и подолгу хворали, после чего прогревались на горячей печке, в жаркой бане, мазали жидким хреном спину, дышали паром только что сваренной картошки в мундирах, надеясь успокоить кашель, унять навязчивый насморк, чихание. И в этом чаще помогало тепло печи, а еще лучше русской бани. В помощь теплу пили пунш, горячий бараний жир, а порой и потребляли ложечку керосина, чтобы выгнать изнутри всю ненужную хворь. Пили разные настои трав, которые тоже помогали излечению.

Но, к сожалению, самолечение не всегда приносило необходимую пользу. А докторов в станицах и селах днем с огнем не найдешь. Да и не особо шли к ним, лучше к бабкам-знахаркам, старикам-травникам. Это люди свои и говорят на понятном для селян языке. От души посоветуют и помогут. Но и время не нужно упускать, иначе случится беда.

Поэтому люди нередко сильно хворали. Особенно досаждала простуда, порой заканчивающаяся неумолимой чахоткой, а в лучшем случае – воспалением легких.

В тот зимний день Аверьян Степанович вместе с сыном пилил березовые дрова. Потом колол. Жалея Ванюшку, выбирал себе толстые чурбаки, сучковатые, перевитые, словно веревками, корнями-жилами. Он со всей силой замахивался тяжелым тупоносым колуном, занося его далеко за спину, и с криком опускал на чурбак, аж летели в стороны поленья. «Хак!»- то и дело слышалось в огороде. С иными, сильно перевитыми корнями, долго возился, всаживал в них топор, поднимал вместе с ними и бил обухом об колоду.

Пот с него валил градом, и он даже заходил в избу, чтобы попить воды.

- Разгоряченный, а пьешь бесперечь холодную воду. И так кашляешь,- предупреждала жена. Но он только махал рукой:

- Чо со мной случитца? Хорошо пропотею, и все. А ты к вечеру истопи баньку. Пропариться надо.

Ванюшка тоже старался, не хотел отставать от отца. И поднимал чурбаки на застрявшем в них топоре, и с силой бил их об березовую колоду, что в стороны разлетались отколотые поленья. К вечеру они накололи большую кучу дров. Сносили и сложили поленья в поленицу, белой стеной выросшую в огороде вдоль сарая и закрывшую его от северных ветров и буранов. Баня по-черному долго выпускала через открытую дверь дым, который стелился по всему огороду, миновал соседские плетни и уплывал в холодное небо. Потом дым совсем закончился, и Агафья мыла полок, лавки и пол в бане. Заваривала березовый веник. Наконец, дверь плотно прикрыла, значит, баня уже готова. Закончилась и колка дров.

- Пойдешь со мной в первый жар?- спросил сына Аверьян Степанович.- Настоящие мужики должны ходить первыми.

- Пойду,- недолго подумав, согласился тот.

- Смотри, жарко и угарно будет,- предупредил отец.- Я-то хочу хорошенько пропариться, все косточки, все жилки прохлестать веником да прогреть. Мать, собери-ка нам бельишко...

Налив в таз горячей воды и разбавив холодной, они сели на лавку и начали мыться. Мылили слипшиеся от пота волосы, терли мочалкой шею, плечи, спину. Обмывались чистой водой. Потом отец, плеснув на каменку ковш холодной воды и взяв распаренный в кипятке веник, полез на полок. И начал охаживать им все тело, только гибкие ветки мелькали да оторвавшиеся от них листья прилипали к парному телу, словно зеленые заплатки.

- Плесни-ка шаечку да залезай на край!- крикнул он Иванке, погруженный в парное облако.

Паренек тоже любил попариться после морозного дня, но равняться с отцом ему еще было рано. Он стойчески терпел несколько минут, загадывал какое-нибудь число и считал до него, потом рыбкой нырнул на лавку, которая стояла невысоко от прохладного пола.

- Не сдюжил я, тятя!- крикнул наверх отцу, кое-как ополоснулся негорячей водой, торопливо, задыхаясь от нестерпимой жары, натянул на мокрое тело рубашку, кальсоны, накинул на плечи старенькую теплушку и выскочил на мороз, который в это время даже и не почувствовал.

А закаленный отец еще долго нахлестывал себя мокрым веником, громко кряхтел и сопел, а иногда и вскрикивал:

- А ну, давай наяривай и изгоняй всю хворь!

Накрывшись с головой старой шубёнкой, наконец, он шаткой походкой протопал по сенцам, в темноте кое-как нашарил ручку и отворил дверь. В нее потянул холод, а от него шел пар, как от вулкана. Сбросив шубенку и старенькие пимы, Аверьян Степанович с закрытыми глазами упал на постель и тяжело задышал, будто долго уходил от неумолимой погони. Его лицо, руки, тело были влажными и красными, как сваренный рак. Грудь быстро вздымалась и опускалась, как кузнечные меха. И Ванюшка с Фроськой смотрели на него подозрительно и даже с испугом.

Чуть успокоившись и остыв, он разомкнул ресницы и еле понятно, словно пьяный, выдавил через губы:

- Фрося, достань-ка из подпола квасу. Прямо огнем горю-задыхаюсь...

Обычно нерасторопная падчерица быстро схватила ковшик, пулей нырнула в голбец и налила по самые края холодного квасу. Он пил с нескрываемой жадностью, словно внутри себя тушил пожар. Прерывался на секунду и снова пил.

- О-ой, как хорошо! Сразу полегчало,- с благодарностью вымолвил он, отдав пустой ковшик и отвалившись на спину.

А ночью его стало трясти от озноба, морозить. И он, кое-

как поднявшись на ноги, полез на печку. Его тело горело огнем и трясло, как в лихорадке. Перепуганная насмерть Агафья стала поить его горячим чаем с малиновым вареньем, плеснув в него стопку самогона, чтобы получился пунш. Но толку не было. По лицу и рукам Аверьяна Степановича катились светлые горошины холодного пота, от которого были мокрыми белье, подушка. При кашле появлялась мокрота ржавого цвета. Болела голова.

Временами он уже не мог говорить и терял сознание. А через несколько дней этот неслабый мужчина совсем затих. И не помогли ему никакие знахари и целители. И Ванюшка так сильно плакал, как никогда в жизни. Даже доходил до полуобморочного состояния, и ему казалось, что он остался один на необитаемом острове, и от него стремительно удалялась родная петропавловская земля. Он хорошо понимал, что остался, как перст, один на один с этим жестоким и неласковым миром. И если раньше он считался сиротой наполовину, то теперь уже полным сиротой, без отца и без матери. Какой будет его дальнейшая жизнь, какой окажется судьба-злодейка, не знал ни он, ни кто-то другой. Да и кому другому интересна чужая судьба?

* * *

Какие бы горе или беда ни случились, со временем догадался Ванюшка, человек должен жить, если жизнь, конечно, продолжается. Но как быть? Кому он нужен в 12 лет: мачехе, сводной сестре Фроське, ленивой и злой девчонке, ненавидящей его не понятно, за что? Братьям по отцу, которые возрастом еще меньше его? Или дядям, у которых своей босатвы целый воз и которые, как воронье, растащили дедово наследство? Может, соседям, что к малолетним не отнесешь?

- Никому лишний рот и нахлебник не нужны!- пришел к твердому мнению он, чувствуя, как сердце обливается горячей кровью.- Поэтому следует выгребать из бурного жизненного потока самому. И надеяться только на себя, свои силы. Живут же медведи, белки, барсуки. Никто о них не заботится, кроме

матушки природы. Живут сами собой, промышляют в лесу. На зиму заготавливают грибы, зерно, желуди, орехи, рыбу. И не гибнут с голоду. Трудятся в поту лица своего, как говорится в Библии. Зато никому не кланяются, не просят на постой, не цыганят милостыню. Труд, только труд может спасти от голодной смерти. Хотя он порой и невыносимо тяжел, и долог, и случается самым из самых неподъемных, но он и самый надежный спаситель. Значит, надо тебе, Ванька, стать медведем, белой или барсуком, чтобы выжить. И тогда ты можешь добраться до самой старости.

Увидел он однажды прохожего мужчину барского вида. Сняв шапку, уважительно поклонился, и это не осталось незамеченным прохожим.

- Ты чей, мальчик?- спросил он участливо, ласково.

- Казака Аверьяна Степаныча Овчинникова сын,- смиренно ответил Иван.

- Молодец, паренёк, так и скажи своему батюшке.

- Нету у меня ни батюшки, ни матушки,- скорбно признался Ванюшка.

- Возьми-ка вот, добрая душа, пятак на конфетки,- подал он монету, еще раз с головы до ног осмотрев, и пошагал своей дорогой.

А Иванка долго и радостно глядел ему вслед, дивился неожиданной удаче.

- Вот ведь совсем немного постарался, лишь поклонился, а господин отблагодарил за это!- тихо размышлял он.- Вот бы таким манером зарабатывать на хлеб, зипуна на такой работе не порвешь. Только вот где столько добрых господ найдешь, чтобы подавали тебе? Да и нищенствовать, жить подаянием – разве это не срам и позор? Спасти может только настоящая мужская работа. Но какой еще из тебя, двенадцатилетнего, мужик и работник? Даже до плохонького мужичошки еще не дорос. И ни в какие работники тебя не возьмут,- горько рассуждал парнишка, ища подходящий выход.- Может, в воры-разбойники податься?

Да и не умеешь ты воровать и разбойничать, ведь это смертный грех, лучше с голоду помереть. Тогда относись к мачехе с почтением, может, хоть перезимовать дома позволит. Хотя дом-то не ее, а моей родной мамы-покойницы да тяти. Но разве теперь докажешь, у нее же от отца есть дети. Они тоже считают себя наследниками. И этот вопрос надо с мачехой решать миром, добром. Иначе вообще ничего не получишь и будешь скитаться с нищенской сумой по городам и весям. И беречь каждую одежку, сухарь, копейку и каждую мелочь, которая в трудную минуту может сослужить хорошую службу. Надеяться больше не на кого, никто не даст. Сам норовит у кого бы выпросить или отнять силой. Такая наша тележная Русь-матушка... Где ягодку найдешь, где гриб-сыроежку. Подсолнух. Поклюешь, как скворушка. Сорвешь репку-брюковку. Брюхо-то и набьешь. Чего еще надо бедному сиротинке?

Так и стремился жить. Дома работал по хозяйству с еще большей силой. Старался меньше показываться мачехе на глаза. Больше быть в поле, хлеву, конюшне. Так и привык к одиночеству. Лишь мурлыкал какой-нибудь мотив себе под нос. Все не на глазах сердитой Агафьи. Да и работы кому-то надо делать. Из Фроськи никудышный работник, братья еще маленькие. Иван и вывозил все работы на своем горбу да на отцовских лошадях. Только вроде их никто не замечал. Но и из дому пока в открытую особенно не гнали. Косились, конечно, но терпели, ведь и им как-то надо было выживать, а работника нанимать не на что. И этим «как-то надо» являлся пасынок Иванка, посланный, возможно, самим Господом Богом. Только признавать этого им уж больно не хотелось.

Он и вторую зиму пережил в отцовском доме. А по весне, когда стало теплеть, позвал его к себе дядя Антон, младший брат отца.

- Ну, как живешь, племяш?- усадив на лавку, спросил с видимым интересом.

- Да как, живем помаленьку.

- С мачехой-то ладите?

- Когда как,- бесхитростно ответил Иван, хотя дядя заметил, что парень немного напрягся от его вопроса.

Антон Степанович не раз спрашивал его об этом, и Ванюшке казалось, что он хочет взять сироту в свой дом. Дом хотя и не богатый, но все же немного родной. Но у того были свои задумки, ведь он жил бедно.

- Я чо тебя позвал. Люди-то вон в Среднюю Азию навостряются, на новые земли к узбекам.

- Ну и чо?

- Я всю зиму думал. И надумал тоже туда податься. Фрукты, арбузы, теплынь там. Морозов, зимы не бывает. Печь не надо топить и заготавливать дров. Сунь оглоблю в землю – вырастет телега. Может, и ты с нами поедешь? Требуй у Агафьи отцовского наследства, и подадимся все вместе. Чивилёвы собираются ехать, Замотаевы. Здеся нам сроду из бедности не вырваться.

- Чужие земли, чужие люди,- засомневался племянш.

- А тут тебе кто свои люди, Гашка, что ли? - резонно заметил Антон Степанович.- То-то и ютишься в конюшне вместе с дедушкиным мерином да на полатах. Лишнего шагу не ступишь. Только вкальваешь без шапки, копишь добро в чужих сундуках. Скотская жизнь.

Иван знал, что дядя любил не только красиво сказать, но и немножко приврать, приукрасить. Но тут он, наверное, был прав, признал племянник. Жизнь у него на самом деле была скотская. Хорошего или радостного в ней ничего не встречалось. Но и ехать без подготовки, схватив шапку в охапку, было легкомысленно.

- Кто тебя ждет за сотни или тысячи верст, узбеки, чьего языка ты совершенно не знаешь? Нужен ты им был, как пятое колесо телеге!- по-взрослому рассуждал он.

- Там и дома построим, и земли оттяпаем. Арбузов наедем, изюм, урюк посадим. И заживе-ом, как иранские шахи!- будто

прочитав мысли племянника, соловьем заливался Антон Степанович.

Он коршунным взглядом смотрел из-под черных густых бровей. Черноволосый, скуластый, дядя и впрямь смахивал на азиата, только кривого ножа не хватало на поясе. И Ивана даже передернуло от его янычарского обличья. Конечно, догадывался мальчишка, дяде нужна тягловая сила, которую, по его предположению, должна отдать Ваньке мачеха. Да и его работающие руки, которые никогда не лишни в хозяйстве, а в бедном – особенно. И дядя старался сбить с панталыку мальчишку, заливался уральским соловьем:

- Разбогатеем, табун туркменских скакунов разведем. Ты станешь баем, даже шахом. Заведешь шахер-махер с шахиншахской царевной и добьешься ее руки. По облику и роже чем-то ты смахиваешь на азиата. А там и царство прихватишь в придачу, хватка есть у тебя. Да разве это впервой оренбургским казакам?! Про Нечая и Шамаю вспомни сказки.

Да мы с этими янычарами всю Азию положим к своим ногам! Пусть чучмеки лижут яловые казачьи сапоги. И за Чингизхана отомстим, пусть запомнит монгольская рожа, как к нам с мечом приходит! И узнает поцелуй уральской шашки!

И хотя жизнь научила Ивана сначала подумать, а потом сделать, но соловьиные трели дядюшки были сильнее его еще не окрепшего характера. И чем-то напоминали легенды и сказки покойной бабушки Анны Митрофановны.

- Ладно, дядя Антон, я подумаю,- пообещал он серьезно, собираясь уходить.

- Много не дам на размышление,- заявил хозяин.- Мы быстро должны собраться и отчалить свои челны, в смысле возы, по пустынному узбекскому морю. И ты свой челн, бишь повозку, привози в наш широкий двор.

Дорогой молодой казачок ломал голову: верить, не верить этому болтуну? С ним не раз бывало, что нагородит три короба, а потом откажется от всего. С него, как с гуся вода. Но ведь

он же взрослый человек, к тому же родной брат отца. Неужели обманет племянника-сироту? Господь-то за это накажет. Грех большой – сироту обмануть или обокрасть.

Так шел он по улице и невесело раздумывал. Как-то надо было еще и с Агафьей решить вопрос наследства. Даст чего или не даст – никто не знает. А без наследства и в первую очередь тягловой силы не нужен он никаким дядюшкам и тетушкам.

- Господи, помоги бедняге!- покорно перекрестился Ванюшка и бодрее зашагал дальше.

Мачеха встретила его во дворе, и он сразу прочел на ее суровом лице недовольство, как будто она подслушала их недавний разговор с дядей и знала об их намерениях. Как начать разговор? С чего? Но она сама помогла.

- Это где тебя нелегкая носит, Ванька?- чуть ли ни коршунном набросилась женщина.

- У дядюшки был. Давно не виделись,- виновато оправдывался он.

- Соскучился он по тебе, как же, как собака по кнуту!- зло съязвила она.- И чо вы там решили? Дома работы невпроворот, а он по станице шлендает, баклуши бьет!

- Да разве мало я буздаю по хозяйству? Все на мне держится! Вся работа. Пусть ваши детки-барчуки помогают.

- Забуздался он, как же! Я его кормлю, пою, одеваю, а он еще и морду воротит!- все больше выходила из себя мачеха.

- Так закормила, заодевала, что беднее нищего хожу.

- Не ндравится? Убирайся к своему малахольному дядюшке. Он тя живо нищесбродом сделает, попрошайкой и последние манатки выманит.

- Ну и уйду!- сплюнул в сердцах пасынок.- Выдели мою долю, и я уйду. Не забывай, дом-то маменьки с тятенькой. И кони его, да еще от дедушки наследство досталось.

- Маменьки с тятенькой!- передразнила она, ощерившись.- Они полеживают на мазарках, уж и косточки сгнили. А детей наплодили, и кто их теперь будет поднимать? Бери вон мерина,

два ведра овса, шубенку и уматывай ко всем чертям! Скатертью дорожка.

- Ну и ладно!- кинул он в ответ и пошел собирать пожитки. Конечно, наследство досталось небольшое, но время торопило, и некогда было торговаться.- С дохлой овцы хоть шерсти клок, как говорится. Да и даренному коню в зубы не смотрят, хотя он не дареный вовсе, а законный мой.

И вскоре Иван вывел мерина из конюшни, собрал небогатое барахлишко и навсегда покинул родительский дом, еле заметно и благодарно поклонившись рубленой избе и казачьей усадьбе.

Антон Степанович не ожидал такого удачного для него поворота и чуть не потерял дар речи. Думал, что придется идти и скандалить с невесткой, обращаться к властям, чтобы их справедливо разделили. А тут, считай, само в руки пришло. Дом-то, конечно, у нее не отобрать, а мерин еще не изъезженный, справный. В хозяйстве в самую пору придется. В дальнем переезде ему замены не будет. А до Ташкента, небось, не одна тыща верст. И Савраска их может осилить.

Весна подгоняла, и они торопились. Нужно было край продать избенку, кое-какую скотинешку, остатки прошлогоднего зерна, ведь всего с собой не заберешь, не увезешь, хотя на чужой стороне оно как бы тебе пригодилось! Заберешь только самое необходимое. Что соседям продали, а то и просто отдали из доброты душевной. Но домишку бесплатно не отдашь. И быстро продать не удастся. Поручили это родственникам. Наказывали, чтобы подороже взяли, деньги-то в Средней Азии ох как будут нужны! Только кто в станице может собрать большие деньги, ведь у каждого свои беды и проблемы? Если кто и наскребёт с грехом пополам, так влезет в долг половине населения и будет рассчитываться всю жизнь. Но со временем может и подвернуться выгодный покупатель.

Наконец выехали на двух телегах. На первой дядя Антон с женой Катериной, необходимым скарбом, большинство которого набили в сундук. Он достался в наследство от деда, стоял

сзади телеги и блестящих на солнце квадратными рядами от полосок жести, которой было модно обивать сундуки. Особенно этим увлекались купцы и кыргызские баи. Но у многих купцов были сундуки, замки которых при открытии крышек издавали бой или даже какую-либо мелодию.

У Овчинниковых сундук, конечно, был без боя – вариант простого изготовления. А может, бой и был в молодости этого изделия, когда оно находилось в доме родителей Антона. Но и этот считался в семье гордостью, ведь не каждый селянин имел и такой сундук. А у Ивановой телеги передние колеса были почти новые, он их осенью заказал и поставил. На ней ехал он с двоюродными братьями сзади. Вез овес, связку сена, одежку кое-какую – ночью накрываться, кусок старенького брезента, запасные веревочные вожжи, чересседельник, топор, пилу, кучку гвоздей, два пустых ведра для воды и варения пищи.

Накануне они побывали в церкви, поставили свечки родителям, причастились, помолились, попросили у Господа удачи.

- Ну, с Богом!- тронул коня дядя...

И лошади сперва пошли шагом, потом перешли на рысь. Миновали родную улицу, станицу и побежали в сторону Оренбурга и азиатских степей. Что ждало впереди переселенцев? Как встретят их загадочная Средняя Азия и теплый сказочный Ташкент, где, как им простодушно думалось, кругом растут арбузы, урюк и изюм? Что ждет казаков в чужом краю, и ждало ли их когда-нибудь человеческое счастье, ждала ли удача? Но для того и живет казак, чтобы искать лучшую землю и долю. А там уж как Бог даст и как получится. Риск – благородное дело.

14

Хотя Мохирев был богатым помещиком, с семьей Ильиных роднился, не гнушался, что они простые и далеко не самые богатые казаки. И не потому, что свой своему поневоле друг, а потому, что нравились ему племянники. Гостеприимные, разго-

ворчивые и доброжелательные, они были людьми работающими, веселыми. Погостив у них день, он как бы становился моложе, добрее. А физических сил у него и без них было много. Провалилась корова ногами в погреб, тянули ее, тянули несколько человек, а он подошел, подсунул под брюхо руки, поднатужился и чуть не с крышкой вытянул ее.

Сил было много, но и объем тела постепенно увеличивался.

- У него в брюхе живое мясо растет,- говорили о нем.

Был у него сын Никита, слабый рассудком. Куда только его ни возил заботливый отец, каким докторам и даже академикам ни показывал, денег не жалел, но все тщетно. Не могли они помочь парню, и помещик это так переносил тяжело, что не раз плакал от бессилия. Ничего бы он не пожалел, последним бедняком согласился бы стать, только бы наследник стал нормальным и умным.

Может, поэтому и любил приезжать к племянникам, где отходил душой, словно в живой воде окунулся.

А еще ему сильно нравился их старший сын. Видный, красивый, умный, он сильно смахивал на потомка интеллигентов и господ. Одень его в дорогую одежду, послушай умные речи, и ни за что не дашь, что он из простой казачьей семьи. Ему бы умами человеческими владеть, помещичьими угожьями или фабриками, заводами, а он с малограмотным отцом сено да хлеб косит, землю пашет да зерно молотит. А как поступил учиться в Златоуст, вообще преобразился, что не узнаешь. Костюмную тройку надел да галстук-бабочку прицепил. Прямо сынок банкира или миллионера, баловень судьбы. Белой завистью завидовал Мохирев Ильиным. И не раз вроде издали начинал разговор, а сводил всегда к одному.

- Дорогой Алёша, Алексей Васильич,- уважительно обращался к племяннику.- У тебя четверо деток. Отдай мне в сыновья Василька. Я бы души в нем не чаял. На такую высоту поднял, что вам никому не снилось. Миллионами будет воро-

чать. Владеть тысячами десятин земли, косяками лошадей. Сам губернатор станет заискивать перед ним. И вас с Ариной, и других деток не обижу.

Алексей Васильевич обычно какое-то время молчал, размышлял и подыскивал подходящие слова, чтобы не обидеть такого знатного человека, а они все, как ему казалось, потерялись на пашне да на другом тяжелом труде.

- Я очень понимаю тебя, дядюшка, сочувствую. Но вот пять пальцев на руке, а какой лишний из них, какой не жалко отдать? Да казак за товарища жизни не пожалеет, а про ребенка и говорить нечего, ведь он – казак, а не детоторговец.

Опускал низко голову именитый помещик. Русая грива спадала на лицо, закрывала светлый взор.

- Ты прости меня, Алеша, я бы тоже не отдал на твоём месте, - соглашался он и, шмыгая носом, выходил на улицу.

Богатства Мохирева были огромными. Не случайно ежегодно вагоны ржи и пшеницы отправлял и дарил армии Его Величества императора. А в годы войны отправлял целыми эшелонами. Жизни и успехам Мохирева многие завидовали в округе, но только не Алексей. Они с Ариной вообще были людьми независтливыми. Что Бог давал, то за благо принимали. Но на чужое добро не рассчитывали.

Сами трудились до седьмого пота. Но и, помня заветы Библии, праздничного отдыха не чурались, компаний. И пели, и плясали, и веселились на диво. А то задумают показать силу крестьянскую. Не боролись, как борцы в цирке, а садились на землю, упирались ногами в ноги соперников, брались обеими руками за крепкую палку и тянули каждый к себе, пока не сорвут с места соперника, не перетянут. Алексей был удачливым борцом, а Арине вообще не было равных. Упрется она ступнями упругих ног в ступни соперника, мгновенно изготвится, рывком дернет палку, и летит тот мимо нее. Не только бабы, но и ни один мужик не мог устоять против нее. И она была признанной чемпионкой Травников. Чем, впрочем, нисколько

не гордилась. На гулянках пела и плясала вместе с другими. Не отказывалась от рюмки. А порой, видя, что Алексей изрядно захмелел, и свою, и его рюмку опрокидывала.

- Ах ты, рюмочка Христова, ты откуда – из Ростова?- только и бросит сквозь смех.

Алексей, перепив, нередко бывал буйным и даже драчливым. Мог приревновать видную Арину. Ему могло что-то не понравиться в ее поведении или словах. И если бил, то бил крепко, от души и беспощадно, аж потом сорочку от крови выжимали и в холодной воде вымачивали.

- За что же ты бьешь меня, Алеша?- наивно спрашивала жена.

- Люблю и бью!- слышался короткий и болючий, как заноза, ответ. Неизвестно, было ли это для нее исчерпывающим ответом? Но она как-то быстро отходила и успокаивалась после него и начинала разговаривать, улыбаться, как будто совсем недавно не была смертельно бита. Да и куда денешься, в каждой второй или третьей казачьей семье творилось или могло случиться такое же? И это считалось вроде как нормой станичной жизни. Значит, жили не лучше и не хуже других. Проходили года, десятилетия, а они все жили и жили так. И никто не мог изменить их жизни и ее уклада. А, скорее всего, и не пытался изменить. Она устраивала большинство. Так было у дедов и прадедов, так продолжалось у них и будет продолжаться у их детей и внуков.

- Так бесчеловечно не может больше продолжаться!- возмущался начитанный Василий.- Наши русские женщины не лучше рабынь. Вкалывают наравне с мужчинами на поле, тянут всю домашнюю работу. Рожают детей на хлебной полосе, ублажают мужей-деспотов, каждую их прихоть исполняют. И за каждую мелочь, мужнину дурь бывают биты до полусмерти, а то и до смерти. И никакой ответственности. Все в порядке вещей.

- Мой колокол – раз и об угол!- категорически не соглашался с ним отец, когда бывал под хмельком.

- А чем женщина хуже мужчины, почему она ниже по социальному положению? – не соглашался с жаром спорящий въедливый Василий, аж на лбу выступала испарина.- Передовые умы всего мира давно ратуют за эмансипацию женщины с мужчиной, за равенство. Лучшие писатели борются с этим рабством, несправедливостью. Возьмите книгу «Мать» Горького, где он правдиво и умело показал быт рабочей семьи Власовых. Все прогрессивное человечество до глубины души возмущается этим, а у тебя, ухабаки, и травниковских казаков женщина – колокол, который можно шоркнуть об угол! Совсем с ума спятили...

- Больно ученым ты стал, Васятка, да умным. Я ведь живо супонью опояшу, на пашню верну и к сабану ремнем привяжу. В своем родном логове окажешься.

- В логове живут бирюки, а я человек. И не хочу день-деньской без шапки пластаться на твоей пашне, чтобы кормить разных дармоедов и помещиков вроде Мохирева. Доучусь и без тебя. Мне дают стипендию. И работать пойду служащим на железную дорогу. Хватит в крестьянстве и казачестве гробить людей. Труд человека должен быть нормированным, выносимым и хорошо оплачиваемым, а не как у сельского мерина.

- Вот они, детки-то, так их перетак!- взрывался и гремел хмельной батюшка, аж его рыжая лопатистая борода дергалась туда-сюда, как банный веник.- Поили-кормили его! Уму-разуму учиться послали, а он отблагодарил за это. Ему, оказывается, наплевать на родительские порядки, язвить тебя! Бросим все – станем казаками-нетягами, голытьбой? А кто малых деток кормить будет? Родину оборонить?

- Я не про то, чтобы не работать, а про то, чтобы по-человечески работать, по восемь часов в сутки, а не по восемнадцать,- объяснял сын.- Чтобы себя для семьи сохранить. И чтобы не было господ-дармоедов и бояр-помещиков.

- Где же на всех служащих таких работ найдется?- не отступал отец.- Таких ученых людей?

- Все можно отрегулировать и принять гуманные законы. И власть взять в свои руки, трудовые руки крестьян и рабочих. Стать культурными и достойными членами общества, уважаемыми в семье и станице людьми. А не изводить себя непосильным трудом на благо миллионеров и пьянкой после него, драками. Изолировать и перевоспитывать таких людей нужно.

- Значит, тятку твоего пусть бьют на улице, а ты и на помощь не выйдешь, не выручишь?

- Если пьяный, пусть хоть возле самого двора бьют и даже убьют – не выйду. Этот порок нужно каленым железом выжигать.

- Ах ты, мать твою за ногу, выкормил волчонка!- вскакивал с места отец, мужик костистый, высокий, пытаюсь дать оплеуху непонятливому сыну. Но тот, такой же жилистый и костистый, ловко перехватывал за запястье отцовскую мускулистую руку и с силой отводил в сторону.- Тьфу на тебя, змееныша. Это ты выкормила - выпестовала такого олуха!- кричал он в сторону причитающей Арины и со злостью захлопывал за собой тяжелую дверь, выбегал во двор.

Нередко, находясь не в духе, он запрягал в кошевку жеребца и ехал галопом в сторону кабака.

- Не пьется ему и за ухо не льется,- с сожалением констатировал Василий, сильно расстроенный неожиданной ссорой.

От случившегося переживала вся семья. Вытирала передником слезы Арина. Куксилась Манюшка и успокаивала Таиску с Венкой, которые негромко плакали, уткнувшись сестре в плечо. И, наверное, все они понимали, что так жить нельзя. Но никто и ничего не мог сделать, не мог изменить заведенного порядка. Знали, что вскоре измочаленный пьянкой, а то и драками отец вернется с повинной и будет умолять на коленях о прощении.

- Прости меня, дурака, Аринушка, Оря, и вы, детки мои дорогие. Больше сроду не будет такого. Казачье слово даю.

По весне он обязательно ходил в церковь, каялся во всех

грехах и давал обет не брать в рот хмельного до самого обмо- лота последнего снопа с зерном, до наступления зимы. Впро- чем, обет Господу Богу и казачье слово стоически сдерживал. А близкие знали, что повинную голову и меч не сечет. Поэто- му прощали. Да и побаивались, чтобы Алексей Васильевич не передумал перед весенними, летними и осенними полевыми работами, на которых он ни себя, ни лошадей не жалел. И его зерновой амбар каждый год наполнялся хлебом.

15

Овчинниковы знали, что путь до Ташкента будет длинным, Но что окажется таким невыносимо тяжелым, даже и не предпо- лагали. Дорога по своей родной губернии особых опасностей не представляла, если не считать многочисленных бугров и ухабов на ней, от которых могли в первую очередь пострадать не только кони, но и тележные колеса. А где найдешь в дикой степи ко- лесных мастеров? Хорошо, хоть в запас взяли на всякий непред- виденный случай, который мог произойти на любой версте, на любом кособогоре, выбоине, низине, переправе через реку.

Поначалу кони бежали бодро, и у переселенцев появлялось хорошее настроение. Места были еще знакомые. Поля и луга перемежались с густыми перелесками, где можно накормить лошадей прошлогодней травой. Остановиться на ночлег у клю- ча со свежей водой или речки. Сварить ужин и отдохнуть. Без особого труда найти брод на Курасане, Гумбейке и других ре- ках. Добравшись без приключений до Бредов, повернули на Ор- скую крепость. Иногда встречали редкие казачьи разъезды.

- Откуда будете, уважаемые?- внимательно рассматривая проезжих, спрашивали их.

- Из Петропавловской,- осторожно отвечал Антон Степа- нович, на голове которого красовалась казачья фуражка, тоже изучая взглядом встреченных.

- Далече путь держим?

- В Ташкент...

- У-у, отчаю-юги! Неблизкий путь и не безопасный,- сочувственно удивлялись казаки.

- Переселенцы мы. Судьба такая...

- А-а. А мы думали, чумаки, в Соль-Илецк за солью. Тогда удачной вам дороги,- желали на прощание земляки.

Проезжая села и аулы, все чаще спрашивали:

- Скажите, уважаемые, как ехать на Ташкент?

Многие не знали, лопотали что-то на непонятном наречии, но встречались и такие, кто показывал пальцем, какой дорогой ехать.

- Вот эта пойдет на Актюбинск. Вы должны взять левее его. Держаться недавно проложенной чугунки: Оренбург – Чегельды – Ташкент. Миновать горы Мунджары. Водой запасайтесь, там не всегда найдешь. Бочка или бидоны нужны, а то коней запалите. И еды, конечно, путь-то не близкий...

От таких советов переселенцы ёжились, особенно Катерина.

- Толмачивала тебе, орясине, зачем в такую даль собираться, в самую Тьмутаракань!- то и дело шипела и рывкала она на мужа.- Пржевальский нашелся...

- Ну и чо?- пытался показаться спокойным и добродушным Антон Степанович.- Едут же люди.

- Куда конь с копытом, туда и рак с клешней!- урезонивала неугомонная хозяйка.- Всю жизнь сидел под бабьей юбкой, а теперь голову высунул, таракан запешный.

- Ты чо разлаялась-то раньше время? Хошь, чтоб кнудом жиганул? Сама все печенки проела: бедно живее-ом! Хуже нищих! А теперь понесла по кочегурам, как уросливая кобыла!- давал отпор вдруг ставший серьезным и злым хозяин.

Перелески, березовые колки и луга остались позади. Все чаще с той и другой стороны телег тянулись степи, солончаки, а то и пески. Постепенно, но настойчиво на них надвигалась пустыня. И хотя еще кое-где мелькала в стороне или встреча-

лась весенняя зелень, наступающее лето скоро все выжжет и выкрасит в палевый цвет. Ни покормить коней, ни напоить. Поэтому покупали в запас овса в селеньях. Где было хоть немного можно, кормили и поили свою тягловую силу, свою надежду, потеряв которую, можешь лишиться жизни.

А места уже пошли совершенно незнакомые. Местные жители сказывали, что на безлюдье шалили разбойники, кыргызы-кайсаки и еще черт знает кто и откуда. Налетали шайкой, отбирали лошадей, а порой и убивали людей, бросали в пустыне на съедение голодным зверям. И когда ложились спать, Антон Степанович клал рядом с собой вынутую из ножен шашку.

- А ты, Иван, держи наготове вилы. Бейся до конца случ чего!

И мальчишки готовились к отражению мнимой атаки. Клали рядом с собою вилы, лопату, а под голову топор, нож, не зря говорится: чем черт не шутит, когда Бог спит?

И однажды, когда только занялся рассвет и они начали просыпаться, несколько человек в мохнатых шапках, стеганых халатах выскочили из-за ближнего бархана на низкорослых лохматых монгольских лошадях.

- Э-эй, бе-ей!- наперебой кричали они, на полном скаку направляясь к табору, и переселенцы до смерти перепугались.

- Кто такая?- вздыбив коней у самых повозок, зло спросили они.- Куда кия?

- Оренбургские казаки Его Величества императора Николая Второго,- взяв себя в руки, выпалил побелевший от страха Овчинников-старший.

- А-а, каза-ака? Ваш Колька – дурака. Плохая Колька. Мы знали немножко Пугачка.

- Вот наши предки-то и воевали с Пугачевым супротив царских властей,- не растерялся и подтвердил Антон Степанович, слегка осмелев.

- Пугачка помним, он – сарь.

- Царь, царь!- быстро подхватил казак.- За бедный народ во-

евал. А наши деды-прадеды вместе с его помощником Хлопушей и башкирцами Салавата хлестались с царскими войсками.

- Да-а, Хлопу-ушка, полковника... Ноздря драли? Знаим, знаим. Бедных волю давал, мала-мала помогал,- кивал довольно головой, по всей видимости, главарь банды, чья голова была замотана красной чалмой.

Он на незнакомом языке перекинулся несколькими словами со своими спутниками и сказал:

- Ярар... Ладна. Секир башка не будим. Езжай свой дорога Ташкентка. Халик Пугач шибко уважай. И Хлопушка мала-мала.

Они, держа в руках винтовки и обрезы, быстро повернули коней и с гиканьем понеслись, быстро исчезнув за барханом. И только еще на ветру вился песок, поднятый копытами бандитских лошадей. Переселенцы Овчинниковы обессилено опустили на землю. С перепугу их ноги и руки ослабли, и они еще долго приходили в себя, не зная, что делать. Катерина хотела вроде ругнуться на супруга, но язык еще не подчинился ей, будто окаменел, и он это воспринял, как доброе знамение. Мол, Бог не Микишка – все видит. А она только что-то невнятно промычала и недобро посмотрела на Антона.

В себя женщина пришла лишь к полудню. Троекратно перекрестилась, обвела вокруг посоловелым взглядом, остановив его на держащем вожжи муже. Он уже не казался таким злым, как раньше, а выглядел умиротворенным, потухшим. Потом посмотрела в небо. Оно было чистым и светлым, только в правой стороне от солнца медленно парил орел или беркут. Он подлетал ближе и ближе, разметав далеко в стороны широкие крылья, будто видел в них легкую добычу. Потом, сделав два круга, недовольно и грубо крикнул осипшим голосом, что она вздрогнула от неожиданности.

- И эта тварь против нас, Господи, отведи! Все против бедных людей,- взмолилась она.- Знать-то, Антоша, не за свое дело мы взялись. Не повернуть ли оглобли назад?

- Может, пронесет? Не поворачивать же на полпути обратно? Да и в станице что скажут? Мол, помололи языками, последнее добро спустили и пошли взад пятками?

- Не знаю я. А если разбойники и всякие парижане зарежут или коней отберут? Связалась я с тобой, послушала, дура петропавловская.

- Это я твои бабьи бредни послушал. Кому мы нужны? Нас Пугачев с Хлопушей не тронули и сейчас берегут.

- Бре-едни... Не слушал бы! Где так умный выше головы, а где глупый заяц.

- Дурную бабу ни за что не переспоришь,- безнадежно махнул рукой казак и недовольно отвернулся.- Давай, давай, родной, шевели ногами,- обратился он к коню и ударил вожжой по холке.

А сзади на Савраске поджимали дети. Мерином правил сам Ванюшка. Он внимательно следил за дорогой. Старался объезжать все ухабы и кочки, чтобы телегу не трясло и чтобы не повредить колеса. Около него, как вьюны, вертелись двоюродные братья Гришка, Колька и Сашка.

- Дай порулить, Иванка!- просили они.

- Отдай мне вожжи!- галдели наперебой.

- Вот выедем на хорошую дорогу или тракт, тогда дам,- обещал он.- А то живо одра разобьете. Не свое ведь, не жалко. А чересседельник некому подтянуть или супонь завязать. Только всем править охота.

- Мы потихоньку...

- Знаю я ваше потихоньку. Нет, чтобы Савраску вовремя покормить да попоить, вы только махом гнать его готовы. Разве так хорошие хозяева поступают?

- Мы – хорошие!- наперебой утверждали братья.- Так не поступаем.

К вечеру Овчинниковы выбирали подходящее место где-нибудь у селения, реки или озера. Варили похлебку, потом хлебали из большой общей чашки вместительными деревян-

ными ложками, раскрашенными народными умельцами яркими красками. Обжигались, дули на горячее варево и жадно глотали. Пили чай, настоящий на диких травах. А закат угасал, и теплый вечер переходил в холодную ночь.

Спали прямо на телегах, укрывшись старыми шубенками. Ночью дети мерзли и льнули друг к другу, чтобы согреться. Спали крепко, ибо за день дорога так уматывала их, так растрясала все мышцы и кости, что к ночи болело все тело, будто весь день таскали тяжелые мешки.

А однажды ночью Ванюшка услышал жалобный волчий или шакалий вой. Он доносился откуда-то из темноты. Мальчишка вскочил, подбежал к дядиной телеге, затряс его за плечо.

- Дядя Антон, кажись, волки!

- А? Кого сколько?- забормотал тот спросонья.

- Волки, говорю!

- Волки? Кони-то где?- наконец пришел в себя тоже уставший за день Антон Степанович, хватаясь за шашку.

Те тревожно заржали где-то совсем близко, и от сердца Ванюшки слегка отлегло.

- Надо головешки брать, пугать их,- высказал он, памятуя дедовы рассказы.

- Подбрасывай в костер, пусть ярче горит,- велел Антон Степанович.- Вон видишь в темноте огоньки? Это волчьи голодные глаза горят, видно, нас слопать собрались.

В течение минуты все были на ногах. Кто подбрасывал в костер, кто вытаскивал шаящую или искрящую головешку, кто вооружался вилами, топором. Все были готовы стоять насмерть. Для безопасности подвели к телегам коней и привязали за узду. Потом Антон Степанович взял пустое ведро и стал бить по нему подвернувшейся палкой. Кстати, дрова, сучья они уже стали подбирать дорогой и возить с собой, ибо не всегда была возможность их найти. А в пустыне они ценились на вес золота.

И снова тряслись в пути, не зная, во что упереть скучный взгляд.

- Чегельда, Чегельда – не найдешь никогда,- то и дело приговаривал Овчинников-старший, цепко вглядываясь в матовую даль.- Ташкент, Ташкент – плохой момент.

Ребятишки быстро подхватывали его фразы и тараторили на свой лад:

- Чегельда, Чегельда, – от тебя вся беда.

Но более взрослый Иван все это считал детским баловством, внимательно следил за дорогой и время от времени погонял Савраску. Но тоже не без казачьего юмора:

- Но, милая Савраска, добрая, как сказка!

И мерин по мере сил спешил. Был он работающим, послушным и безотказным. Не сердился, не уросил, словно являлся первым помощником человека. И, прежде всего, – Иванки, который посильно нежил и баловал его, спал в его яслях, кормил овсом и поил чистой ключевой или колодезной водой. Он был ему как родной брат, если только конь может быть братом человеку.

В пути они старались держаться железнодорожной ветки. И когда конная дорога уходила от чугулки на довольно большое расстояние, то огибала болота, то выводила на речные мосты или брод. Степь выделялась бедной растительностью полыней, солянок. Попадались тростник, саксаул, верблюжья колючка. В речных долинах можно было увидеть тополя, ивы. И это несказанно радовало переселенцев, напоминало родной Южный Урал, далекую родину. На нижних частях склонов даже встречалась алыча. Но такие фрукты, кроме сливы, им не были знакомы.

Из животного мира изредка попадались вараны, черепахи, мохноногие тушканчики, суслики и даже бархатные коты, шакалы. Из птиц – черные вороны, стрижи, жаворонки, филины и даже беркуты. Изредка пробежали зайцы, лисицы, волки. Оказывается, пустыня не так уж была безжизненной, чему сильно дивились дети. Но больше всего их удивило первое появление верблюда.

- Смотри, Ванька, две горки на быке едут!- вскрикнул от

неожиданности Гришка, указав в сторону от дороги.

- Гля, гля, какая зверюга!- увидев, разом закричали чумазые от езды брата.

А вскоре встретили и другую дикость.

- Гляди, ребя, детская лошадка бабая везет!- махнул Колька рукой в сторону едущего на ишаке старика.

- Это же осел,- догадался Ванюшка.

- А я думал осел – это деревенский дурак. Только дураков называют ослами,- удивленно признался Сашка, вытирая рукавом сопливый нос.

- Сам ты деревенский дурак,- беззлобно заметил Гришка. И ребята прыснули от смеха.- И уши у тебя такие же длинные, как у осла.

Чем ближе они подъезжали к месту назначения, тем все больше наступала пустыня.

- Кызылкум называется,- объяснил Антон Степанович, поведя в сторону горизонта рукой.

- А чо это – кум кизилу? - полюбопытствовал Гришка.

- Говорят, это безжизненная пустыня,- растолковывал, как мог, отец, географические познания которого были очень скромными.

- Это по которой Моисей сорок лет водил евреев?- спросил Колька, изучавший в школе Библию.

- Нет, он, как говорится в Святом Писании, по другой пустыне водил этих заблудших овец. С тех пор они и плутают по всему свету, никак пристанища не найдут и других сбивают с праведного пути.

- А мы разве не плушаем по пустыне?

- Мы не плушаем, а едем на конях, как князя. И знаем, куда едем. Нас сам Господь ведет, потому что мы не предавали его. А их неразумный Моисей. Это ж надо таким тюхтей быть, что сорок лет по одному месту водить!

- Небось, пьяный был, косорыловки наакался,- предположил кто-то из сыновей.

- Не иначе, а то бы давно вывел на торную дорогу,- немного подумав, согласился отец.

По утрам и вечерам им уже виделись далекие вершины незнакомых гор. Они казались значительно выше известных им гор Таганая, Магнитной, Александровской сопки.

- Тянь-Шань, наверно?- предположил кто-то.

- Может, и Шань,- согласился Антон Степанович.- А может, не Шань, разве разберешь эти чурекские названия и горы?

И все уставились на величественную панораму горной гряды, поднимающуюся непроходимой стеной на горизонте.

И они поняли, что загадочный Ташкент находился где-то близко, за этими белыми глиняными узбекскими домиками и дувалами, которые стали попадаться все чаще и чаще.

16

Царское правительство поощряло переселение в Туркестан, полвека назад вошедший в состав России. Он был втянут, как писалось в энциклопедиях, в экономическую систему развивающегося российского капитализма. И это ускоряло процесс хозяйственного развития края, способствовало возникновению новых предприятий, промышленного пролетариата и зарождению буржуазных отношений.

В начале 20 века на территории Узбекистана были найдены значительные запасы полезных ископаемых. В Ферганской долине начали добывать нефть. В районе Науката и Тарангут-сая действовали медные рудники. Добывались озакерит и минеральные соли. С конца 19 века крупные текстильные фирмы открывали агентства, конторы, склады для реализации продукции и закупки хлопка. К 1913 году хлопкоочистительные и маслобойные предприятия давали половину всей промышленной продукции. Непрерывно росли посевы хлопка за счет сокращения посевов зерновых.

Конечно, главной задачей экономической политики царизма

в Узбекистане было развитие хлопководства, и он стал одним из основных поставщиков хлопка для русской промышленности. Поэтому с 1884 года в крае начали сеять американский хлопчатник, превосходивший по своим качествам местный. Основными производителями хлопка были мелкие крестьянские хозяйства. С ростом хлопкопроизводства расширялись и углублялись товарно-денежные отношения в узбекской деревне. Началось переселение русских крестьян, нередко сопровождавшееся захватом земель у коренного населения.

Были построены Закаспийская (Среднеазиатская, 1893), Оренбурго-Ташкентская (1905), Ферганская и Бухарская (1910 – 1916 годы) железные дороги. Денежки на это, естественно, пошли очень большие.

В Ферганской, Самаркандской и Сырдарьинской областях в 1907 году была собрана 15301 тысяча пудов хлопка, в 1915 году – более, чем в два раза. В 1914 году хлопок составлял 80 процентов общего объема вывоза товаров из Средней Азии в Россию. Не надо забывать и традиционное шелководство, виноградарство, выращивание фруктов, овощей, арбузов, дынь и тому подобного.

Но в узбекском кишлаке еще господствовали феодальные отношения. Идеологической основой феодализма был ислам. Значительную роль в экономической и политической жизни играло мусульманское духовенство.

Переселение русских крестьян и рабочих помогало распространяться прогрессивной русской культуре и науке. Узбекский народ начал общаться с самым революционным в мире русским пролетариатом, что создавало условия для вовлечения трудящихся Узбекистана в активную революционную борьбу за национальное и социальное освобождение. «Революционная зараза», как ее называли правящие круги, стала проникать на окрайки империи. В 1904 году в Ташкенте образовалась «Союзная группа социал-демократов и социал-революционеров». Трудовой люд участвовал в революции 1905 – 1907 годов. К

осени 1905 года в Ташкенте действовали 15 рабочих и 3 солдатских социал-демократических кружка. Стала выпускаться газета «Самарканд», которую редактировал большевик Морозов. В Ташкенте созданы социал-демократические военно-революционные организации, Туркестанский военный социал-демократический комитет.

14 октября забастовали рабочие и служащие железных дорог. К ним присоединились рабочие промышленных предприятий. Начались волнения среди солдат железнодорожных батальонов, матросов Амударьинской флотилии. 19 октября царские власти расстреляли митинг ташкентских трудящихся. В ночь на 16 ноября 1905 года началось восстание солдат резервного батальона, которое было подавлено.

1-й съезд рабочих и служащих Среднеазиатской железной дороги принял решение о введении революционным путем с января 1906 года 8-часового рабочего дня, что вынудило царское правительство выделить в Госдуме шесть мест для «туземных депутатов». Было введено положение «Чрезвычайной охраны», действовавшее до 1909 года. После Третьеиюньского государственного переворота 1907 года население Узбекистана по новому избирательному закону было лишено избирательных прав и представительства в Госдуме. В 1910 году Третья Госдума приняла закон об изъятии «излишков» земель у коренного населения Туркестана. Усилилась национальная деятельность джадидов. Активизировалось стачечное движение. В 1912 году произошло Туркестанское восстание.

В такой сложной политической и экономической обстановке переселенцы с Южного Урала въехали не то на дальнюю окраину, не то в пригород Ташкента. Уставшие многоверстным и многодневным переходом лошади еле плелись, и Антон Степанович, глядя на них, с сожалением промолвил:

- Уячили бурку крутые горки, ухайдакали.
- Разве не ухайдакаются? Тыщи верст пробежали, сколько

подков избили,- встряла Катерина, разминая ноги после долгой езды.

- Ничо-о,- успокаивал ее супруг.- Казаки к дальним странствиям привычны. Надо Чивилёвых искать, Замотаевых.

- Они и заматают тебя, нашел, кого слушать,- в который раз упрекнула жена, вытаращив большие карие глаза.

- Ты сама кого хошь, заматаешь. И нервы вымотаешь. Дай по-человечески разобраться, узнать адреса, людей расспросить, себя показать.

К счастью, Замотаевых нашли быстро. Они жили во втором от дороги переулке в глиняной мазанке, похожей на курятник.

- Земли прибыли!- радостно закричал хозяин дома Максим.- Теперячи нашего полку добавилось.

Он обошел всех по очереди, крепко обнял и поцеловал, как самых дорогих людей или гостей. Видно, очень соскучился по своим.

- Как доехали-то?

- С Божьей помощью,- ответил Антон Степанович,- хотя и не без приключений.

- А наш-то Васька собирается?

- Собирается, избенку продает. И, может, за нашу деньги привезет.

- Ну, слава Богу. Заходите в дом, чай будем пить,- пригласил хозяин.

- Дом-то больно на саклю похож, у нас и сараи такие не строят.

- Так принято тут. Лесу-то нет на стройку. Не Урал тебе. Да и со своим уставом в чужой монастырь как-то не принято лезть.

Навстречу им выбежала Дарья, дородная и краснощекая, изрядно загоревшая лицом и руками на южном солнце. Она тоже всех обнимала и приговаривала:

- Да милые вы мои! Да хорошие мои! Как мы рады, что вы одолели такую даль. Теперь не одни будем. Земляк-то порой

ближе родни!- несказанно радовалась женщина.- А то все чучмеки да чучмеки. Словом не с кем перемолвиться. Так и родной язык забудешь. Заходите в дом. Как раз самовар вскипел.

Иван с братьями стали осматриваться. Кто-то захотел в уборную, но не находил взглядом нужного сооружения. Видать, здешние пользовались открытой местностью. Другие смотрели на мрачный пейзаж, и в их глазах сквозили тоска и нескрываемая печаль. Куда приехали, зачем? Кому нужны эти унылые земли и бесконечные пески, где даже привычного скворца не увидишь. Токования косача не услышишь? Да и языка узбекского не знаешь. На пальцах, что ли, как глухонемые, станешь с местными говорить?

- Не отчаивайтесь, не вешайте носа,- успокаивал их Максим.- Конечно, инородцы на нас смотрят косо, соперниками считают, особенно по рабочей части. Из них-то работяги никудышные. Только чай гоняют по чайханам да баб на адском труде эксплуатируют. Слесарить, столярничать, плотничать – никакого понятия у них. Станков боятся. От железной дороги бегут, как от чумы, мол, это шайтан на колесах. У них любимая техника – это мотыга, транспорт – ишак длинноухий или верблюд сопливый. На предприятия лучше наших берут. Для этого русского Ивана и сделали переселенцем, чтобы промышленность азиатам поднять, добычу ископаемых наладить, заводы, фабрики. Завтра пойдем к местному начальству, пусть земли вам нарежет под огород и постройку дома, сараев. Будете делать саман, класть стены. Глины и песка вокруг много. Мы вам поможем. Организуем помочь. А не захотите самануху, можете землянку вырыть. Это даже проще. Только места будет меньше. Потом заборы сделаете или дувалы сложите, как вам понравится.

- А жить-то как, за счет чего?- не первый раз спрашивал Овчинников.- Хлебов, как видится, тут не сеют. Скот пасти негде. Казачества нет. За счет чего существовать, семью кормить?

- Надо присматриваться и приспособливаться. У вас есть

кони, рабочая сила подрастает, и это уже хорошо. Можно извозом заниматься. Урожай с полей и на рынок возить. На хлопковых плантациях работать. На железной дороге, виноградниках. Глину топтать да месить саманы. Да вы тут нарасхват будете, только не робейте и не продешевите.

- А ты сам казакуешь?

- Да нет. Ремонтным рабочим на путях. Зарплата не барская, но выдают регулярно и наличными деньгами. А они тут не у каждого бая имеются. А про батраков и разговора нет.

- Вот как!- удивлялся Антон Степанович и все реже смотрел в глаза недовольной супруги, которая неофициально была главной в семье. Чуял сердцем, не нравился ей этот расклад. Но что было делать.- Землю-то дадут под стройку?

- Даду-ут! Переселенцам-то послабление сделано,- терпеливо объяснял хозяин.- А ежели согласишься на чугунку, я с мастером поговорю. Мужик ты не хворый и не хилый, с кайлом и кувалдой управляться сможешь. Опять же топлива на зиму дадут. Бесплатный билет по железной дороге. Поедешь, как царь, в купейном вагоне. На всех станциях и перегонах будут тебе завидовать и ручкой нежно махать. Даже иждивенцев, Катерину Семеновну с ребятишками можешь с собой брать. Как примерный семьянин или антиллитент, покатишь по стальному полотну магистрали.

- Папка, поступай на чугунку, будем в поезде ездить, как цари!- наперебой стали просить сыновья. Да и Катерина, только что сидевшая насупившейся и недовольной, вроде как помягчала душой и глазами, ведь ей уже не вкалывать так на поле и не возиться со скотом, как это было в Петропавловской, а быть домохозяйкой, что-то вроде интеллигентки. И стала веселей и довольней, то и дело переводила взгляд с Максима на мужа, старалась все понять из их разговора. А может, и дать совет.

- Посмотрим и разберемся,- коротко отвечал супруг, будто самостоятельно принимал серьезное и важное решение.

- А могут и на железнодорожном перегоне дать место,- ще-

голяя незнакомыми словами, помогала мужу Дарья.- Там и жилье на будке дают. Только вот жить скучно и одиноко. Зато скот можно держать, арбузы сеять на полосе отчуждения. А еще и форму выдают чуть ли ни генеральскую. Во всяком случае, смахивающую на генеральскую...

И размечтались гости каждый на свой лад. Спать улеглись поздно. Кто в тесном домишке, кто на телегах, в сарае. Главное, что на дворе было тепло. Родители думали об удачном обустройстве, работе, зарплате, строительстве собственного угла. Дети мечтали о сладких фруктах, которые и приманивали их сюда, урюке, изюме, больших сочных арбузах и сахаристых дынях, которых, по их представлению, должно быть видимо-невидимо. Но детские мечты коротки, а сон длинный, тем более, после утомительной и продолжительной дороги и дорожных трудностей.

А Антон с Катериной еще долго судили-рядили, перебирали варианты, соглашались и не соглашались друг с другом, крутились с боку на бок, аж скрипела телега. А потом накрылись тулупом и обнялись покрепче, как бывало в молодости. Где-то жалобно завыл шакал, сонно взлаяла собачонка, но им уже не было до них дела.

* * *

Первые дни были особенно хлопотными. Ходили к местному начальнику Ибрагимову. Он располагался в большой сакле или мазанке, Антон Степанович не знал, как правильно ее назвать. Максим тихо постучал в дверь, приоткрыл ее и спросил:

- Можно, Сулейман Ибрагимович?
- А-а, Макса? Айда, заходи. Гостя будышь.
- Исамысыс,- сказал по-татарски, зная, что этот язык схож с узбекским.- Вот земляк приехал на поселение, Овчинников Антон Степанович. Уральский казак.

- А-а, Овчина? Ярар, ладна. Утыр, садысь, балакать будим.

- Строить дом ему надо, саклю, огород надо. Урожай растить и собирать.

- А-а, урожая? Это караша-а!- похвалил хозяин кабинета.

- Рядом со мной есть свободная земля. Нарезай ее Антону.

- Дак спрашивать надо соседи,- попытался тот потянуть время и набить себе цену.

- Зачем соседи, я – самый ближний сосед. Возражений не имею. А за это подарок тебе – серьги для дочери Зульфийи. Пусть носит на здоровье твоя красавица,- подал он блестящие сережки.

- А-а, Зульфийе? Якши. Ладна, занимай земля, строй домишко, на новоселье позовешь.

- Спасибо, уважаемый Сулейман Ибрагимович, низкий поклон тебе,- поднеся правую руку под сердце, поклонился Замотаев, видимо, уже освоивший местные порядки.

- Всего карошева,- взаимно поклонился красномордый толстячок Ибрагимов, и его масляные глаза хитро блеснули.

Чтобы не тянуть время, Овчинников сразу же решил заняться стройкой. Они с Иваном завозили глину, песок, нашли соломы, выкопали яму, где делали раствор и гоняли по нему Савраску, чтобы лучше его размесить. Сделали формы и набивали их этим раствором, чтобы получить саман. Складывали его конусной горкой, и его хорошо продувало ветром и сушило солнцем. А потом, собрав помочь, клали стены. Благо, казаки во многом были мастерами.

А вскоре и семья Василия Замотаева прибыла, брата Максима. Привезла кое-какие деньжата за проданную в Петропавловской избе Овчинниковых. Деньги оказались, как нельзя, к стати. Нужны были доски на рамы, двери, ворота, бревна на потолок и крышу.

Помочь проходила дружно, по-уральски весело.

- Давай, Антон, крой ладно крышу!

- Матом, что ли, крыть?

- Можно и матом, если материалов не хватит и если мат

дубовый,- то и дело подшучивали мужики.

- Да-арья, не телись, как первотелок, раствора на замазку давай!- покрякивал Максим.

- Что-нибудь да тебе надо давать. Уж лучше бы отелиться. Не можешь ты без даванья...

И росла халупа. Не царские палаты, конечно, но две на три сажени была. Да еще что-то в виде сенцев получалось, которые со временем можно переделать на комнату или кухню. А потом и сзади пристроить, когда разбогатеют и наберут разгон. На улицу будет широкое окно, как у местных середняков, а во двор даже целых два. Это даже не каждому узбеку под силу. А за окнами, во дворе, вскоре будут гуси, утки, куры бегать, гоготать да кукарекать.

- Не жизнь, а малина начнется!- не раз обещал недовольной жене оптимист Антон.- Заживешь, как бухарская царевна!

- Не рано пташечка запела? Как бы кошечка не съела,- остужала она порыв его фантазии.

Но он был неудержим. Новое место жительства или жаркий климат будто внесли в него дополнительную энергию. И он, как молодой жеребчик, не стоял на месте. Уже и к путейскому мастеру давно сбегал, насчет работы и устройства договорился. А попутно выпросил длинный стрелочный брус на матицу дома. Тяжеленный, как две шпалы вместе. И клали его вчетвером, да еще и бабы подсобляли.

- С пупка с вами сорвешь, ничего без баб не можете!- скалила зубы Катерина.

- Да куда мы без вас, давно бы весь род без вас извели,- подмасливал ей Антон Степанович.- Вы ведь больше мерина увезете, хоть в сабан запрягай.

- Мы такие, уралочки, любим шелк, полушалочки,- звонко отвечали женщины и заливались беззаботным смехом. А соседи даже думали, что у Овчинниковых какой-то праздник, веселье.

Они быстро построили жилище, дружно перебрались в него. И тут до них дошла весть, что началась война с Гер-

манией. Самая грустная и жестокая весть за последние годы, которая может расстроить человека и напугать. Мировая война. Сразу потребовались люди на фронт. В промышленности даже наметился экономический подъем. Расширились посевы хлопка, возводились новые хлопкоочистительные заводы. Роста численность рабочих, формировалась местная буржуазия. И это кое-кого радовало, ведь открывались новые рынки, банки и росли барыши капиталистов.

Но вскоре начался экономический спад. Быстрое развитие хлопководства, сокращение посева зерновых культур вызвали рост цен на хлеб, продовольствие и корма. Увеличился вывоз из Узбекистана сырья, продовольствия и фуража для промышленности и армии, сокращался ввоз промышленных изделий и хлеба, без которого не может прожить трудовой человек. Как говорила потом статистика, к 1916 году цены на хлеб выросли в четыре раза. В связи с понижением цен на хлопок началось массовое разорение крестьянских хозяйств.

В Узбекистане, как и во всем Туркестане, назревал революционный кризис, проявлением которого было Среднеазиатское восстание 1916 года. В уездных территориях предстояло мобилизовать около 120 тысяч человек. И хотя армейское руководство знало, какими воинами являются представители жаркой Азии, от мобилизации их не отказались. Восстание началось в Ходженте и распространилось по всему Туркестану. Носило антиколониальный характер. И было жестоко подавлено. И южно-уральские переселенцы не раз пожалели о своем опрометчивом решении на переезд в арбузный край.

17

Весть о войне перепугала население Травниковской. Не забыта еще недавняя бойня с Японией, с которой не пришли многие казаки. А тут с самим германцем, умелым воителем. Грамотные люди понимали, что в войну, как это зачастую ве-

дется, втянутся и другие страны, Австрия, Франция, никому не дающая проходу Англия, балканские народы, из-за которых и началась эта война, точнее, из-за убийства в Сараеве какого-то австрийца, не то посла, не то еще какого хрена, до которого русским и дела нет никакого. И это будет пострашнее японской. Вся Европа поднимется и вспыхнет пожаром. И милости от такой всеобщей бойни не жди.

- Конец света приходит!- вещали пророки.- Весь народ выбьют, ибо грехов накопилось много. Стар и мал погибнут или умрут с голоду, спаси нас, Господи...

И люди боязливо крестились дрожащими от страха руками. А бойкие и пронырливые сразу смекали, на чем в первую очередь отразится война? Скупали в лавках соль, керосин, спички, хомуты, полушубки, валенки, вино и многое другое, чего может скоро не оказаться и что является самым необходимым в доме и хозяйстве. И обрадованные такому обороту лавочники и разные маркитанты не успевали подвозить товары и считать деньги.

- Нагребут эти пиявки тети-мети!- с неприязнью, а то и ненавистью отзывались о них станичники, выкладывая за товары последние гроши и думая, как сводить концы с концами дальше? Не дай Бог случится неурожай, бескормица, голод! Да и кто станет пахать землю, сеять и убирать хлеба, когда мужиков заберут на фронт? Когда в семьях – семеро по лавкам? Вот и наступит голод. А с ним болезни и прочие неприятности, которые редко оставляют трудового человека.

Отец Иннокентий отслужил в церкви молебен во славу воинства Государя Императора Николая Второго и просил Всевышнего, чтобы сохранил травниковских казаков и русских воинов, чтобы побоище было малым и быстрее закончилось в пользу православных христиан.

Раздосадованные нерадостными слухами казаки по одному и по нескольку человек валили в станичное правление, и атаман Морозов собрал сходку. Он был лет пятидесяти, высокого роста и крупного телосложения. Его массивные широкопалые

кулаки смахивали на пудовые гири. И едва ли кто из станичников испытывал желание попасть под их немилость. Говорили, он без труда разгибал подковы. Но характером был мягким, незадиристым и покладистым. Жалел слабых и бедных. Помогал сиротам и погорельцам.

- И за что такого беззлобного выбрали атаманом?- нередко дивились станичники.

- За массу. Вон, какая гора, от одного вида любой разбойник в штаны наложит!- растолковывали им.- А враги в бою сразу руки в гору. Иначе изомнет и порвет.

- Отца его звали Евсей – горе сей,- встревал в разговор болтливый Иван Сорока, узнающий и разносящий вперед всех новости.- А самого Морозова Егора Евсеича по первым буквам дразнили в школе МЕЕ, как будто козла.

- Смотри, трепло, Егор услышит – самого сделает Мее, в бараний рог согнет,- пугали его.- Тогда сам замакаешь.

- Я ить шутя, без умыслу,- оправдывался пугливый Сорока.

- И он шутя согнет. Ты шуткуй, да знай меру.

- Вы уж не выдавайте меня, ради Бога. Его раз позвали на ладины, чтобы о приданом договориться. Так он в два раза больше выторговал, чем думали сваты. Чуть последней лошаденки и домишка не лишил. С тех пор могло дойти до расстройства свадьбы, если его позовут на ладины. Никто такого «ладильщика» не желал...

- Господа казаки!- грустным взглядом оглядев всех собравшихся, заговорил атаман на сходе.- Шибко большое горе навалилось на нашу страну. Неимоверное горе. И наш Светлейший Государь Император денно и ночью думает, как спасти святую Россию и оборонить православный русский народ. Оренбургские, исетские и уральские казаки никогда не оставляли в беде своего батюшку царя. Всегда стояли на защите границ государства, на защите многострадального народа, своих жен и детей. Так не похерим же славных традиций, не посрамим казачьего звания!

- Лю-юбо!

- Лю-юбо, атаман!- дружно подхватили станичники, аж с недалеких кладбищенских деревьев с карканьем поднялась черная стая ворон, похожих на летящее тряпье, и закрыла чуть не полнеба. Затмила и светило, аж вокруг стало заметно темнее, словно началось солнечное затмение.

- Не к добру это, братцы, к большой беде!- закаркал, как злой ворон, Иван Сорока. И на него сердито пришикнули:

- Цыц, балаболка! Накаркаешь беду!

- Не сегодня – завтра к нам придет депеша от властей, где будет велено, сколько шашек призывать – полсотни, сотню или более, куда отправлять казаков для погрузки в эшелон– в Чебаркуль, Миасс, Бишкиль или на другую станцию? У вас все должно быть готово – и кони, и амуниция. Лично сам все до иголки проверю, просмотрю все седельные и переметные сумки, сбрую, оружие.

- А кого в первую очередь заберут?

- А ежели детей много – возьмут?- понеслись вопросы станичников.

- Желательно холостых и бездетных,- в раздумье отвечал атаман.- Мы составим списки, разберем на правлении, обсудим каждую кандидатуру...

Домой расходились кучками. Громко разговаривали, аж было слышно по всей улице.

- Да мы шапками закидаем германца!- петушились горячие головы.

- Ты закидаешь, пока сидишь под бабьим подолом!- возражали таким.- Думаешь, у них шапок нет? Мы япошку даже не могли одолеть.

- Там такие у нас были командиры.

- А тут лучше будут, что ли?

В одной кучке шел с соседями и Алексей Ильин. Переживал он всей душой. Не то, что боялся пострадать на фронте или погибнуть. К этому казаков приучали всю жизнь. Но у него было

четверо детей. И если его мобилизуют, то как семье справиться с хозяйством? С такими непомерно большими работами? Разве одна Арина сладит с ними? Василия отправят на работу в Омск. Манюшка с Таиской – девчонки. А Венка совсем малец. Этими мыслями Алексей Васильевич и поделился с попутчиками.

- Не переживай, Алёша, у кого дети, небось, в последнюю очередь заберут или совсем под бронью оставят,- успокаивал его Петр Сорока, у которого самого была тройня.

- Да мы их в два счета порубаем!- петушился Иван Сорока.- Русский прусского всегда бивал!

- Заткнись ты, ботало! Порубает он своим длинным языком! Тебя, умом хворого, не возьмут, а наши головы, как кочаны, могут срубить,- сплюнув, прикрикнул на него брат.

- Обижаешь, братан,- возразил тот.- Как это не возьмут? Да я первый уйду добровольцем. Еще и не один георгиевский крест заслужу в баталиях, понял?

- Служака хренов нашелся! Дать бы тебе по соплям, чтобы добрых людей не сбивал с толку,- снизив тон, негромко проговорил Петр.

- Ладно вам, ребя, раньше фронта шашками махать,- стал успокаивать их Ильин.

- А чо он?

- А ты чо?- ерепенились братья Сороки.

* * *

Если уж что Иван Сорока задумал, то покоя не даст ни себе, ни семье.

- Коли запотимил Ванька, хоть кол ему на голове теши, хоть убей, ни за что не переубедишь,- говорила недовольно жена Мавра.- Да чо возьмешь с такого дуркована? То сено тянет переметывать с места на место, то баню каждый год перестраивает да переносит. Теперь вот керосиновую базу решил открыть в своем огороде.

Эта мысль пришла ему в голову в первые дни войны. Думал

он сутки, мерёкал другие. Даже про обед и ужин забывал.

- Слушай,- сказал как-то супруге.- Коль началась война, жди перебоев с товарами. Спичек, мыла точно не будет. Да и керосин могут зажилить, мол, для фронта нужен.

- Ну и чо?- не совсем поняла та, зевая после ночного сна.

- Хрен в плечо! Да еще ничо. Запасать надо, вот чо! А то потом будешь у соседей клянчить угольки на растопку и без соли щи хлебать. Запас попу не дерет, есть – пить не просит.

- Никто не запасает, а мы умнее всех, что ли?

- Не умнее, а дурнее. И останемся на бобах, ежели вовремя не накупим. И керосин нужен, если не хочешь сидеть с лучиной,- с жаром доказывал он, аж в разные стороны летели слюны.

- Чо с дурака возьмешь, поступай, как знаешь, раз такой поперёшный,- не в силах переубедить, безнадежно махала рукой супруга.

А он тут же запряг кобылу и рысью помчался в лавку.

- Ты чо, как угорелый налетел?- удивился хозяин.- Гнались за тобою, что ли?

- К осенней засолке готовлюсь. Дай мне пуда два соли да пару мешков сахару.

- Как прикажешь, дело хозяйское. Без очереди дадим.

- А как с керосином? Целую бочку возьму.

- Бадьи две осталось. Но можем привезти еще. Послать приказчика?

- Пошли.

И повез он товары домой. Рассовал что куда.

- Соль есть, сахар бар. Пшеница тоже, да еще новой намолотим,- хвастал Иван жене,- и муки на всю зиму намелем. И со светом семилинейной лампы будем вечерять. Хошь – шерсть пряди, хошь – семечки лузгай. Не жизнь, а малина! А ты баешь, дурак, поперёшный. Всем бы такими поперёшными быть, толку больше бы стало. Скоро соль, сахар, мыло кончатся в лавке, а у нас есть запас. И керосину не будет, вот и станем торговать,

барыши собирать, доброе дело людям делать.

- Смотри, не проторгуйся, барышник!- недовольно ворчала Мавра, словно чуяла нерадостный финал.

Соль, сахар, мыло Иван рассовал по углам чулана да ларям. А куда деть керосин? В чулане или амбаре оставлять опасно. Да и вонище от него, как в керосиновой лавке. Долго думал хозяин и решил укрыть его в бывшей бане-землянке, где пылились ненужные старые хомуты, пряжи, другая рухлядь. Там и сделал нефтехранилище, как назвал он его. Поставил две бадьи с керосином, что с собой привез из лавки, приготовил и место для бочки, которую должен доставить приказчик.

Но ни с того ни с сего стряслась беда. Толи из новой бани искра попала, то ли сам он по неосторожности бросил окурок сигарки, только неожиданно загорелась нефтебаза. Может, кто и красного петушка подпустил по злобе. Взялась густым пламенем и черным дымом, грозя спалиться все подворье, сарай, амбар и рубленую избу. Благо, запылало днем. Огонь быстро увидели. Прибежали брат Петро и Алексей Ильин. Тревожно зазвонил станичный колокол, и вскоре прибыл казачий пожарный наряд с бочкой на подводе. Дружно набросились с лопатами, топорами, водой. Опаляя лица и руки, сбивали и заливали огонь. А он неумолимо шипел, словно змей, и подбирался к сараю, уже сталлизывать ближние бревна. А там легко доберется до амбара и дома. Перекинется на соседние избы. И может выгореть целая улица, а то и вся станица. Случалось раньше такое.

Вокруг заплакали дети, запричитали бабы. А громче всех хозяйка дома Мавра.

- Ой, помогите, люди добрые! Да чо же это случилось? За что наказывает Господь? За этого поперёшного дурака-мужика?!

- Хватит базлать!- прикрикнул на нее деверь.- Таскай лучше с бабами воду. На колодец бегите. Давай, Алеша, с двух сторон засыпать. Отсекай там огонь.

А лето, хотя и подходило к концу, было еще очень жаркое.

Одна поднявшаяся и улетевшая в сторону соседских построек или стогов сена искорка может наворочать таких дел, что страшно подумать, сделать погорельцами и оставить без крова десятки семей. Нет страшнее пожара, чем в станицах и селах, где дома стоят рядом. Не зря в большинстве из них были пожарные команды. Не зря их дозорные высматривали с высоты, не занялся ли где огонь или дым? Не придет ли оттуда немилосердная и жестокая беда?

Мужики, бабы, дети старались. Кто таскал и подавал воду, кто засыпал пламя землю, кто растаскивал баграми бревна, рубил изгородь. И огонь неохотно отступил, хотя крыша хранилища провалилась и еще долго шаяли головешки, шел едкий сизый дым, от которого слезились глаза, как и от испуга, что пожар мог снести с лица земли всю станицу.

Черные от копоти и потные, мужики подошли к хозяевам, зло посмотрели на до смерти перепуганного Ивана, его все еще всхлипывающую жену.

- Ну, как, собрал барыши, буржуй, дурья морда?!- накинулся на него с кулаками брат Петр.- Чуть нас всех не спалил. Да тебя убить за это мало!

Он с силой замахнулся и хотел дать ему оплеуху, но вовремя подскочил Ильин и схватил соседа в беремья, оттащил в сторону. А люди еще долго не расходились и судачили о пожаре.

Алексея Васильевича как многодетного отца оставили до особого распоряжения и на войну пока не взяли. Конечно, Арина и дети несказанно этому радовались, насмотревшись на расставание с семьями уходящих на войну соседей. Зрелище было мрачное. Слезы, песни, пьяные объятья, лошадиное тревожное ржание, видно, животные тоже чувствовали людское горе, плач гармонии и жен – все это давило на нервы и психику станичников.

А те казаки, кто оставался дома, хотя внутренне и радовались этому, но виду не подавали, ведь им было как-то не по себе от уходящих товарищей, как будто увильнули или струсили

предстоящих баталий. Но они сильно надеялись, что война скоро кончится, и их земляки вернутся живыми и невредимыми.

Так же думал и Алексей Васильевич. С одной стороны, было стыдно за свою отсрочку. А с другой, если он сложит в бою голову, кому будет нужна его орава, его вдова, больная дочь Мария, остальные детишки? Атаману, который хотя и добрый человек, но не сможет помочь всем сиротам и вдовам? Царю-батюшке, развязавшему очередную бойню? Сто лет ему не нужны сироты Ильины, Кузиковы и другие травниковцы! Много он об их заботился, как и об их отцах?

И ему почему-то вспомнился пожар у Ивана Сороки. Глядя на пламя, слыша женский и детский плач, многие соседи с обеих сторон от дома погорельцев уже вытаскивали из изб пожитки. Готовились к худшему и хотели спасти хоть самое необходимое на первое время, которое в силах вынести и сохранить. И только семьи Ильиных и Петра Сороки не спасали свое добро, а изо всех сил помогали отбить хозяйство непутевого соседа. Значит, надеялись на себя и благополучный исход. Они да несколько вовремя подоспевших пожарных, можно сказать, спасли не только подворье Ивана Сороки, но и всю длинную улицу, если даже не всю станицу, то есть часть России, от этого еще более неумолимого, чем сам германец и война, огня – пожара. И еще неизвестно, от чего больше пользы России, от его гибели в бою или его спасения большой станицы от беды и огненного разорения? Спасения сотен семей от горя и нищеты? Разве это меньше, чем героический подвиг в сражении?

Случись это во время сенокоса или уборочной, когда все на полях, и потери были бы неисчислимыми. В том числе в живой силе, как выражаются военные, ведь в домах оставались одни немощные старики и детишки.

И еще долго в ушах Ильина стоял тоскливый вой Пальмы, кобеля Кузиковых и других соседских собак. Видно, сам Господь помог людям и в первую очередь дурковатому Ивану Сороке, которому не дал большого ума.

- Как все в жизни взаимосвязано?- с интересом думал казак.- Тронь одно, оно подействует на другое, заставит изменить-ся третье, четвертое. И так до бесконечности. На всей планете и в обществе. Одно зависит от другого и может вызвать столько неожиданностей, что всего невозможно и представить. Все как-то незримо взаимосвязано. Война в Германии, а пожар тут. Там еще и выстрелить не успели, а здесь могли случиться десятки жертв. И кто этим всем руководит и ведает миром, Господь или еще какие-то посторонние силы?

Голова кружилась от этих неожиданных мыслей, которые раньше его вроде никогда и не посещали. Но некогда философствовать сельскому мужику, надо было жить и работать, ведь надвигалась уборочная страда. Пора убирать и молотить хлеба. Пахать и боронить землю-матушку. Готовиться к зиме, ведь его не сегодня-завтра могут забрать на фронт. И снова вспоминались дети.

- Василий уже не вернется домой,- рассуждал он вслух.- Старшей останется Манюшка. Она хорошая работница и умница, но у нее сызмальства дефект. К шитью, рукоделью тянется девчушка, вязанию, а ей придется сеять хлеб и убирать. Косить сено и метать стога. Долго ли выдержит такую нагрузку ее слабый организм? А ведь еще надо стать матерью, рожать и поднимать детей. А не купить ли ей швейную машинку? Слышал, отец Иннокентий свою продают? И специальность не тяжелая будет, и заработок. Это как раз для нее. А если погибну на фронте, то и память обо мне на всю жизнь останется.

И вскоре он привез еще почти новую ножную машинку «Зингер». Дочь не поверила такому подарку и заплакала от радости. Бросилась обнимать родителей.

- Спасибо, милый тятенька и милая маменька! Век не забуду вашу доброту!- со счастливыми слезами благодарила дочь.- Теперь всех буду обшивать и обряжать. Только бы подучиться маленько. Может, курсы какие кончать, чтобы швеей и модисткой стать.

- Узнавай, где есть такие курсы, и отправим,- заверил ее отец, радостный оттого, что угодил старшей дочери.

18

Когда приезжал Василий, в доме Ильиных был праздник. Сестры и младший брат со всего разбега кидались в его объятия. Потом, прижавшись к гостю, а то и забравшись на колени, душевно разговаривали с ним, слушали его рассказы, отвечали на вопросы.

- Ты не только балалайку, но уже швейную машинку освоила, Манюша?- обращался он к старшей сестре.

- Осваиваю потихоньку,- стеснительно признавалась та.- Тятенька нашел в Чебаркуле модистку, и я жила у нее какое-то время. Она учила меня кроить, строчить, обметывать пуговицы. Одним словом, шить, как надо. Выкроек надавала, по которым нужно чертить, вырезок из журнала.

- Так ты теперь и мастерица – кабы я была царица?- с улыбкой допытывался брат, и его голубые глаза лучились радостью за близкого человека.

- Маленько умею. Шью платица Тасе, рубашонки Вене. Простыни, скатерти подрубаю. Сорочку маме сшила и нижнее белье тяте. Начинаю осваивать верхнюю одежду, стежонные одеяла. Потом дойду до зимней одежды.

- Да ты у нас молодчина. И чтец, и жнец, и на дуде игрец! Скоро от женихов отбоя не будет. Смотри тут за младшими детьми и порядком, ведь после меня осталась старшей. А вообще надо подумать, как тебя в город перетянуть. Там бы уважаемым человеком стала, заказы брала.

Иногда вечерами, когда у родителей появлялось свободное время, они дружно высыпали на стоящую возле ворот лавочку. Приходили любопытные соседи, ибо свежий человек всегда считался желанным, словно родственник, и интересным. Задавали интересующие их вопросы. И чаще всего о войне и поли-

тической обстановке, ведь Василий уже несколько лет жил в городе, читал газеты и умные книжки. Дружил с образованными людьми. А в станице газеты покупали единицы. Раз-два, и обчелся, как говорится. Их зачитывали до дыр, и доходили они всего до нескольких семей.

- Из-за чего, Василий Алексеич, война-то началась?- уважительно спрашивали казаки.

- Это не просто война, не освободительная, как, скажем, в 1812 году, а империалистическая,- со знанием дела отвечал молодой человек, и его лицо становилось серьезным.- Капиталисты взялись за передел мира, имевшихся колоний, сфер влияния, приложения капитала и порабощение других народов. Сначала в ней участвовали восемь государств Европы: Германия и Австро-Венгрия, с одной стороны. Великобритания, Франция, Россия, Бельгия, Сербия и Черногория - с другой. Позднее в нее были вовлечены большинство стран мира, более тридцати государств.

Ее причиной стало убийство 15 июня 1914 года в Сараеве сербскими националистами наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда. А германские империалисты использовали благоприятный момент для развязывания войны. Заставили Австро-Венгрию предъявить Сербии ультиматум. Она объявила ей войну. Стала обстреливать Белград. Германия объявила войну России, которая заступилась за Сербию, а также Франции и Бельгии. Ей объявила войну Англия. И пошло, и поехало. Подключились английские и французские колонии, в том числе Канада, Австралия, Новая Зеландия, Индия и другие. Похоже, не останутся в стороне и Соединенные Штаты Америки, позже других вступившие на путь капиталистического развития. Им тоже хотелось прирезать к себе кусок пирога, то есть колоний. Без Японии и Турции тоже не обошлось, где были стратегические интересы России. Немцы старались помешать России вывозить на продажу зерно. Австрияки имели претензии к Боснии, Герцеговине и Сербии.

Наши мечтали захватить Босфор и Дарданеллы, поддерживали борьбу за независимость балканских стран, для которых война была освободительной.

- В общем, черт ногу сломит, не поймешь, чо к чему,- вставлял слово Петр Сорока.

- Ну, это необразованный и далекий от политики человек не сразу поймет. Грамотные люди понимают. Если бы не думали о выгоде, разве бы Николай и Вильгельм, свояки-родственники, пошли войной один на другого? А эти пошли. То есть экономическая и политическая выгода дороже родственных связей?

- Все им мало, никак хайло не набьют,- подавал возмущенный голос и Алексей Васильевич, в душе радуясь, что сын у него такой умный и начитанный. Видать, далеко пойдет парень, если никто не помешает.

- Во, дает, собака!- то и дело восхищенно вскрикивал и вскакивал с места непоседливый Иван Сорока. Он кое-как пристроился на самом краю скамейки, как молодой петушок на насесте, и мог в любую минуту сорваться с него и загреметь на пыльную землю. В станице он считался не только вралем и баламутом, но и краснобаем.- Да к ногтю их надо, этих жирных вошей немцев да поганных австрияков. Налево – коли, направо – руби пикой да шашечкой!

- Не так-то просто это, дядя Ваня,- успокаивал его Василий.- У них тоже есть и шашечки, и пушечки, и самолетики, и подводные лодочки.

- А это еще что за хрень?- тарасил глаза Сорока.

- Корабль такой специальный, который плавает под водой и которого простым глазом не заметишь.

- Свят-свят-свят, а чем же там люди дышат?- взмолился Иван.- Или у них жабры, как у рыбы?

- Никаких жабр,- терпеливо объяснял Ильин-младший.- Просто плотно закрыты все люки и двери, что не проникает вода. Есть запас кислорода.

- А как стрелять-то из воды?- подала даже голос Арина

Алексеевна, сильно заинтересовавшаяся рассказами сына.

- Выбрасывают мины и торпеды. А когда всплывают, наверно, могут стрелять из орудий. Топить другие корабли.

- Боже милостивый!- крестилась Арина.- Когда же это кончится? Хоть бы наших мужиков не взяли.

- И как дела на фронте?- спрашивал Петр Сорока, которого тоже могли забрать.- Кто наверху?

- По-разному бывает, ведь миллионы людей участвуют в бойне, которая охватила не только Европу, но и Азию с Африкой. Не только сушу, но и моря. На Западно-Европейском театре военные действия начались вторжением германских войск в Люксембург и Бельгию, которые не пропускали их через свою территорию. Навстречу германцам выдвинулись французы, и произошло Пограничное сражение. Потом успех был попеременным.

На Восточно-Европейском театре русские вторглись в Восточную Пруссию и нанесли поражение 8-й немецкой армии. Хотя потом были отброшены. В 1915 году главная тяжесть войны пала на Россию. Союзники потребовали от нее одновременное наступление против Германии в Восточной Пруссии и Австро-Венгрии в Карпатах. Думали, что противники не выдержат затяжной борьбы с Антантой.

- А Манданта – это что за хорёк?- перебил рассказчика нетерпеливый Иван Сорока.

- Антанта – это союз государств против Германии и Австрии,- спокойно и доходчиво старался объяснить Василий.- Она превосходила людскими и материальными ресурсами. И немцы решили основные силы сосредоточить на Восточном фронте, чтобы вывести из войны Россию и развязать руки на Западном фронте. Россия имела 104 дивизии. Немцы предприняли Августовскую операцию, чтобы окружить 10-ю армию. Но 10-я, 12-я и 1-я русские армии провели Праснышскую операцию, и противник был отброшен к границам Пруссии. В марте на Юго-Западном фронте русские заставили капитулировать осажденный

ими 120-тысячный гарнизон Перемышля.

- В общем, кровь людская течет ручьями,- резонно заметил Иван Сорока.

- Не ручьями, а реками. И все по милости господ империалистов,- объяснял Василий.- С обеих сторон погибли миллионы людей, много мирного населения. Миллионы остались ранеными и инвалидами. А с русской стороны, как всегда, больше всех. Бешено растут цены на товары и продукты, которых катастрофически не хватает. Люди уже бедствуют и голодуют. Капиталистам и царю их не жалко. Назревает всеобщее восстание и неповиновение народа. Не исключено, что случится революция и смена власти.

- Как это смена? Царя не будет, что ли?

- Ни царя, ни хозяев-заводчиков, ни помещиков-бояр. Простые люди, рабочие и крестьяне придут к власти.

- Совершенно справедливо!- снова встрял Иван Сорока.- Хорошо, что я тогда с запасом купил мыла, соли, сахару, а то бы щас хлебали без соли и стирали песком вместо мыла.

- Да как без царя-то? Вы что, мужики?- возразил его брат Петр.- Значит, некому подчиняться и служить? Беспорядок ведь будет, анархия?

- Хоть херархия, лишь бы легче жилось!- возразил ему брат.

- Анархии не будет, если установят народную власть,- пояснял Василий.

- А ты откуда все это знаешь, агитатор, что ли? Враг царской власти?

- Все это в газетах и книгах напечатано. Читай, если хочешь знать, в том же «Социал-демократе»,- отвечал Ильин-младший, чувствуя, что разговор начинается серьезный, которым может кое-кто заинтересоваться и от которого могут появиться неприятные последствия. Да и ставить под подозрение, под удар станичников и своих близких ему не хотелось. Хотя знание политической обстановки у них чувствовалось очень слабое. Да

и в экономических вопросах они не были подкованы. Для этого нужны хорошие педагоги и годы учебы в особых кружках и у необычных людей, на встречу с которыми ему повезло.

Лично он эти годы отдал делу, найдя в Златоусте надежных и образованных товарищей. И свои знания понесет в жизнь, в народ, в такой вот, как его отец с матерью, братья Сороки, Кузиковы и другие травниковцы, а также городские рабочие, служащие, среди которых ему предстоит жить и трудиться. И это до тех пор, пока не произойдет революция или смена власти, пока не упрячут его на каторгу или не расправятся с ним, как расправились в этой жандармской стране уже с сотнями и тысячами товарищей.

После его слов двоякие чувства появились у большинства слушателей. С одной стороны, они многое узнали о причинах войны и ее ходе. О трудностях в экономическом хозяйстве России, немыслимом повышении цен в три, пять и больше раз на товары и продукты, об их дефиците, что заставляло людей задуматься о своей судьбе и дальнейшей жизни, искать выход из трудностей.

С другой стороны, их настораживала информация о возможности смены власти, снятии с российского трона батюшки императора.

- А как жить без царя, кому тогда служить?- спрашивали они сами себя, боясь за свое будущее, забывая о том, что их предки-казаки как раз и бежали на окраины страны от царской власти, чтобы обрести независимость, свободу и никому не подчиняться, не кланяться. Ведь казак – это свободный и вольный человек, который наперекор всему распарывает грудью степные ветры и холод, а острой шашкой прокладывает себе путь.

- Одна-ако!- с сомнением произнес однажды после ухода Василия Петр Сорока.

- Цицero-он!- не то восхищенно, не то с иронией добавил его брат Иван, и они разошлись по домам.

Толком не знали, что думать и супруги Ильины. Конечно, сын их красавец. Высок ростом, силен, моден. Костюм-тройку носит и галстук-бабочку. Не говорит, а уральским соловьем поет. Сам святой отец Иннокентий, небось, не сравнится с ним. Да и школьные учителя будут ниже способностями. А про атамана Морозова и говорить нечего! По красноречию и в подметки не годится их Васятке, вернее, уже Василию Алексеичу! Егор Евсеевич такой же, как и они, казак. Только избран в местное начальство, и власти у него побольше, чем у рядовых станичников. Но на любом сходе они же его могут освободить от этой власти и должности, отнять «главную сечку» - то есть атаманскую шашку и власть, которой сами же и награждали. И пойдет он в рядовые казаки и чеботари. Раньше-то в свободное время обувь не только своей семье, но и соседям ремонтировал да сапоги тачал. Хотя и пахоту с молотью не забывал, как и положено нормальному станичнику и семьянину.

А Василию хорошо было в родительском доме. Соскучился он в городе по станице, матери с отцом, сестрах, брате, друзьях, которых осталось мало. Кто на войне, кто на заработках, лесоповале или золотых промыслах. А у кого уже куча ребятишек растет, таким не до встреч с друзьями-приятелями. С утра или вечером сделает променад. Если на дворе лето, то ходит на речку, искупается, поплавает, позагорает немного, чтобы городской цвет тела забронзовел. Поможет на поле или на сенокосе, на других работах, если найдутся. Но в основном идет домой, переодевается в домашнюю одежду и достает газеты, книги. Для травниковцев они непривычные и даже необычные. И мать не раз удивлялась и говорила мужу:

- Какие-то книжки непонятные, без картинок, написанные какими-то Ульяновым, Лениным, Плехановым про какого-то Карлу и Фридриху, про Женьку Дюрингова. Ничо в них толком не разберешь, только язык вывихнешь.

- Темнота деревенская мы с тобой, не для нашего ума писано,- успокаивал ее Алексей Васильевич, и на его лице появ-

лялась не то досада, не то усмешка.- Это новое племя, новые умы растут. А нам с тобой, сельским тюфякам, сохой править, снопы вязать да толстым носом шишки сбивать.

- Сходил бы хоть когда на вечерки, а то все за читкой. Так и свихнуться недолго.

- Я уже свихнулся,- откровенно смеялся сын,- что могут скоро мне и пришить. И хочу дойти до последнего свиха-вывиха. А на вечерки ходить – уже поздно, старый стал. Это вон Манюшке с Таиской самое время. А меня местные барышни уже не поймут, как и я их. Интересы у нас разные, да и интеллект тоже.

- Небось, городские крали, или, как там по-вашему, шмары есть?- не отставала Арина Алексеевна.

- Не без того, мама, есть, только у нас интересы и понимание жизни несколько другого плана. Мы не пахари земли, а сеятели добра и разума в человеческих душах.

- Не от мира сего, что ли?- с боязнью допытывалась мать.

- Считай, не от мира...

И эти не совсем понятные слова и городские выражения сбивали с толку и настораживали простую русскую крестьянку, с самых пеленок привыкшую к невыносимым сельским работам, к обидам окружающих и оскорблениям мужа, которая, словно их дворняжка Пальма, должна знать свое собачье место и выполнять доверенную ей работу. Иначе прогонят со двора или повесят, обдерут шкуру и пустят на онучи и шапку.

- А в этих Карлях - Марлях, как ты их называешь, я ищу совета, как облегчить твое безрадостное, а порой и скотское существование. И твоих односельчанок, и всех трудовых людей, которые дённо и ночью вкалывают, чтобы прокормить семью. А на самом деле кормят батюшку царя, помещиков и капиталистов,- с недовольным лицом промолвил он и недовольно махнул рукой.

Снова не поняв до конца, мать оставила его одного. И думала, думала, аж от напряжения заболела голова. Она готовила

пойло телятам. Кормила кур и уток. Принялась варить ужин. И все думала, не переставая. Что-то было в его словах теплое, доброе и справедливое, думалось ей. Только как-то все непри-
вычно.

- Вот он с жаром говорит о равноправии женщины с мужчиной, о какой-то ссипации? А что это такое – когда ты можешь мужу сказать все, что о нем думаешь, и не получишь в рыло? Как это так,- рассуждала она,- говорить всякие разности и пакости, не получив за это по морде? В том числе и за правду? Да ведь над этим сам архангел Гавриил засмеется, не только дьявол! Скажи Алёхе, мол, такой ты растакой, зверь, не человек, да еще принародно, и спокойно иди гулять, и по мордасам не получишь? Разве это справедливо? Разве такое бывает в жизни?

- Тьфу, да что я порю!- тут же возражала себе женщина.- Правда, что нас к скотской жизни приучили. Как свиньи, и живем. А кто-то в белокаменных палатах возлегает на шелковых постелях, из золотого фарфора кушает, в дорогих экипажах с лакеями разъезжает... Позавидовала, прости меня, Господи! Надо в церковь сходить, исповедаться и причаститься. Снять с души грех. Видать, одна отрада у бедных... А все-таки что-то есть в словах Василька,- через время согласилась она, оставив на минуту очередную работу.

19

Сколько лет пролетело с тех пор, как образовалось казачество, а войны никак не могут прекратиться, невесело думал Алексей Васильевич. И участие в них казаков не прекратилось. И гибель их, и ранения, и увечья. И по-прежнему не перевелись по всей Руси казачьи вдовы и сироты. Да разве казакам больше всех надо? Войны начинают цари, императоры, а отдуваются за всех казаки. Почему такая вопиющая несправедливость? Куда только Господь смотрит, по словам правителей и попов, якобы сделавший их своими заместителями на земле?

Ведь перед ним мы должны быть все равны, как даже в Библии сказано? Выходит на деле, что не все мы равны, далеко не все! Значит, все они бессовестно врут? Тогда пусть сами цари да императоры и воюют, хлещутся на поле сражения не на живот, а на смерть, почему же из-за их ссор и раздора должны страдать тысячи и миллионы невинных граждан? Остаться сироты и вдовы? Почему же они распоряжаются судьбами народов и наций? Кто дал им такое право, ведь они не небожители, а такие же грешные, если не больше, люди, как те же травниковские казаки, шапинские крестьяне или челябинские рабочие? Почему же жизнь царей бесценна, а жизнь простолюдинов не ставится и в грош?

Безусловно, напряженно думал Ильин, броситься в бой и погибнуть в нем можно и даже нужно, если на твою Отчизну напали враги, уничтожают народ, его богатства, культуру. Но зачем мы должны проливать ручьи крови и отдавать свои жизни за то, что два великовельможных свояка не нашли общего языка, не поделили того, что им по праву не принадлежит? Или не могут сделать по-другому? Когда поросенок Ивана Сороки залазит ко мне в огород и роет грядки, я же не объявляю ему войну, не порю вилами ему бок, а иду к хозяину и предъявляю свои претензии, которые мы решаем по-соседски - добром и миром. Видно, прав сын Василий, говоря про капиталистов, помещиков и банкиров? Про людей необыкновенно богатых, которые нажили несметные капиталы за счет труда, эксплуатации и крови трудового народа и крестьянства? Что им оттого, что тебя сразят немцы или австрияки? Что в далекой южно-уральской станице станут безотцовщиной славные девчонки Манюшка, Таиска и малец Венка? Царям наплевать на это, а ребяташки и вдова перевалят груз твоих забот и работ на свои хрупкие плечи и будут, как волы, тащить его всю жизнь, пока не упадут бездыханно в борозде или не свалятся с высокой скирды и не разобьются насмерть?

- Какая страшная судьба! Какая жестокая несправедли-

вость!- то и дело вскрикивал он, обескураженный таким нехитрым и немилосердным открытием.- Почему же раньше за сорок с лишним лет ты никогда над этим не задумывался? Потому, что твоя жизнь не подвергалась опасности? А тут судьбу приходится испытывать на собственной шкуре? Значит, пока нам ничего не грозит, мы и думать об этом не хотим? Задним числом умны? И наплевать нам на то, что по чьей-то глупой милости гибнут миллионы других людей? Видать, не зря восставали против царей казаки во главе со Степаном Разиным и Емельяном Пугачевым! Не зря положили тысячи станичников, чтобы жизнь простонародья была легче и справедливей?

Так думал бесхитростный Алексей Васильевич, когда его вместе с другими казаками в 1916 году погрузили в эшелон, как дополнительный призыв, и повезли на запад. Когда давал корм Гнедку в качающемся из стороны в сторону вагоне, боясь, чтобы кто-нибудь не лягнул его жеребца, не нанес травму. Чтобы Гнедко не сдурел от долгой и нудной дороги, топтания на одном месте, сам кого не изувечил или не перемахнул через заграждения и не выпрыгнул из вагона.

Вести коней за тысячи верст – это трудно вообразимый риск, ведь животное может ошалеть от непривычных условий, однообразия, заболеть, получить травму и даже погибнуть. И он старался не отходить от преданного друга, прийти в любую минуту на помощь, уберечь от беды и непредвиденных обстоятельств. В целостности и сохранности довести животное до назначенного места. Хотя риск там будет еще намного больше, и не только для коня, но и его хозяина, ибо армия считается не по коням, а по саблям.

И не раз ему вспоминалось долгой дорогой, как Гнедко спасал хозяина, как убежал от конокрадов и израненным, обесиленным, но гордым вернулся домой. Да Алексей бы свою жизнь вперед отдал, чем жизнь безотказного коня. И он прилежно чистил щеткой и гладил своего любимца, обнимал за го-

лову, целовал и терся заросшей бородой щекой об его нежную и мягкую, как бархат, морду. То и дело расчесывал густую гриву, хвост и обирал от липкой грязи, прилипшей соломы подкованные копыта. Подсовывал лишнюю плицу овса или охапку сена, прихватив и долю от соседних коней, оправдываясь сам перед собою.

- Вон как разъелись, жирные черти! В бою-то вам тяжело будет бегать, да еще махом! Подведете хозяев. Вас немчура на дохлой кобыле догонит. А Гнедко переживает за вас всех, похудел за дорогу. И теряет мальчик силы и вес. Да еще кобыл надо будет обхаживать, заботиться о пополнении военного лошадиного имущества...

И жеребец тянулся к нему ласковой мордой, благодарно заглядывал в глаза и тыкался горячими мясистыми губами в лицо, словно лез целоваться. Даже махал в его сторону упругим хвостом, очевидно, стараясь отогнать от хозяина навязчивых жирных мух.

И Алексей Васильевич, до глубины души потрясенный конской преданностью, почти не покидал его, не уходил в людской вагон, а ложился на свободном, отгороженном от стойла, месте возле дверей на тюк сена. Там в основном отдыхал и спал, чутко прислушиваясь к каждому стуку копыт и храпу своего любимца. Иногда выглядывал в приоткрытый створ дверей, смотрел на меняющийся пейзаж, незнакомые города и веси, которые миновал их воинский эшелон. Дивился теплу, саманным хатам Малороссии, крытым соломой, большим фруктовым садам, где росли яблоки, груши, абрикосы, сливы и другие малоизвестные или совсем неизвестные фрукты и ягоды.

Они попали на Юго-Западный фронт. Армией фронта командовал известный генерал Брусилов. Как утверждали историки, по решению Конференции держав Антанты в Шантийи в марте 1916 года русскими войсками должно начаться крупное наступление на всех трех фронтах, что было тактической новинкой. По директиве Ставки главный удар должны были на-

нести войска Западного фронта из района Молодечно на Вильно, а вспомогательные удары – Северный фронт из Двинска и Юго-Западный из Ровно на Луцк.

В мае союзники в связи с тяжелым поражением итальянских войск в районе Трентино обратились к России с просьбой ускорить начало наступления на две недели раньше намеченного срока. Командование фронтом решило вместо привычного таранного удара, обычно практиковавшегося обеими сторонами на одном направлении, нанести одновременно сильные удары каждой армией фронта (8-й, 11-й, 7-й и 9-й) с целью сковать резервы противника. Главный удар наносился на правом крыле фронта войсками 8-й армии генерала Каледина. Наступление началось на всем фронте после артиллерийской подготовки, продолжавшейся на отдельных участках от 6 до 49 часов. Наибольшего успеха достигла 8-я армия, наступавшая на луцком направлении, прорвавшая фронт на 16 километров и занявшая Луцк. И вскоре разгромившая 4-ю австро-венгерскую армию Эрцгерцога Иосифа Фердинанда и продвинувшаяся на 65 километров.

Попытка же форсирования реки Стоход и овладения Ковелем силами 3-й и 8-й армий окончилась неудачей, так как германское командование перебросило сюда большие силы и создало мощную оборону. В центре фронта 11-я армия прорвала фронт у Сопанова, а 7-я армия – у Язловца. 9-я армия прорвала фронт на участке Онут – Доброноуц, разгромив 7-ю австро-венгерскую армию, и заняла Черновцы. А вскоре очистила всю Буковину и закрепилась на фронте Станислав – Делягин – Кимполунг.

Несмотря на отдельные неудачи, наступление Юго-Западного фронта имело крупное стратегическое значение. В мае - августе противник потерял до 1,5 миллиона человек, в том числе 400 тысяч пленных. Русские войска потеряли около 0,5 миллиона человек, захватили 581 орудие, около 1800 пулеметов, 450 бомбометов и минометов. Силы австро-венгерской ар-

мии были настолько подорваны, что она до конца войны уже не была способна вести активные действия.

Наступление оказало большую помощь Италии и Франции, так как противник был вынужден прекратить наступление в Трентино и ослабить нажим на Верден. Явилось крупным достижением русского военного искусства, открыло новую форму прорыва позиционного фронта. Положило начало перелому в ходе Первой мировой войны в пользу Антанты.

* * *

Внесли свой посильный вклад в это достижение и травниковские казаки. Во втором призыве их было около пяти десятков. Объединив их с земляками из соседних хуторов, а также Камбулата, Кугалов, создали сотню, которой командовал атаман Егор Морозов. Сотня выполняла особые поручения штаба полка. Переезжала с места на место, была мобильной. Только вчера находилась у Тарнополя, а сегодня у Язловца. Завтра может появиться у Делятина или Ворохты. Как летучий голландец, выскакивала она из утренней дымки или тумана и налетала на вражеский стан. Колола пиками и рубила шашками австрияк, венгров и реже попадавшихся немцев.

Не стоял в стороне и казак Ильин. Выскочил однажды на вражеский пикет, и навстречу ему бросились трое. Схватились кто за клинок, кто за винтовку. И Алексей, пришпорив коня, направил его прямо на них. Одного ударил копьем, и он повалился набок. Другого, рыжего и долговязого, полоснул по плечу острой шашкой, и у того вырвался из рук и птицей взлетел вверх блестящий клинок, пролетел несколько метров, воткнулся в землю и, красный от вражеской крови, закачался из стороны в сторону, будто полевой красный мак на ветру.

Третий с перепугу кинулся в сторону, все пытался поднять винтовку и выстрелить вдогонку казаку, но того и след простыл. Галопом унес его Гнедко за ближние кусты и деревья, тем самым сохранив жизнь. И тот понесся все дальше и дальше,

забирая правее, где мчалась наметом южно-уральская казачья сотня. Неслась, как неумолимый ветер. А ветер в поле догнать или удержать невозможно.

Вдруг впереди ударил станковый пулемет, и пули засвистели над казачьими головами и поднятыми стальными шашками. Очередь, похоже, была пробной, и Морозов, повернув в сторону сотни напряженное лицо, крикнул во все горло:

- Забирай левее, в низину! А то посекут, как подсолнухи!

Он легким движением левой руки дернул за повод и повернул коня, и сотня быстро поняла приказ командира и его намерение. Чуть сбавив ход, пошла левее и ниже. Быстро обошла косогор и напала с левого фланга. Блеснули лезвия шашек, посыпались одиночные выстрелы, и расчет врага был уничтожен.

А когда спешили и осмотрелись, не увидели троих казаков.

- Давайте искать,- приказал сотник.- Где-то упали на поле.

Развернувшись широкой цепью, они поехали с косогора вниз. Первым нашли Матвея Кузикова. Сжавшись в комок и закатив глаза, он негромко стонал. Услышав топот и разговоры, Матвей открыл один глаз и подозрительно посмотрел на конников. Узнав своих, попытался сесть и произнести:

- Ранило меня, братцы...

- Куда?- первым соскочил с лошади Морозов.

- Кажись, в плечо.

- А где еще двое?

- Кто-то падал раньше меня.

Скоро нашли и их и поняли, что им трагически не повезло. Это оказались Трофим Власов и Николай Вязьмин. Одному пуля попала в левую сторону груди, другому – в голову. И они оба были мертвы. А кони убежали в ближний лесок.

Хоронили погибших под вечер. Вырыли общую могилу. Опустили, накрыли шинелями, а на могильный холмик положили казачьи фуражки.

- Пусть земля будет нашим казакам пухом,- вымолвил сонник и перекрестил холмик.

Постояли у могилы. Поклонились на прощание. Потом подняли по чарке спирта, помянули, как могли. Пошли кормить и устраивать на ночь лошадей.

- А ты здорово там разделался с немчурой,- похвалил Ильина перед сном Егор Евсеевич.- Только будь осторожен. Зря не рискуй. Помни о семье. Я запишу тебя на награду. Заслужил.

- Да чо там, не надо,- поскромничал Алексей Васильевич, слегка взмахнув рукой.- Не герой ведь, как и все...

Кузикова отправили в госпиталь, а потом и домой, комиссовав по непригодности. А остальные так и жили от боя до боя. Берегли лошадей и ухаживали за ними, как за родными детьми, стараясь дать корм получше, вовремя напоить, искупать и почистить. Починить сбрую. В дни затишья отдыхали, как могли. Писали письма родным и ждали ответа. Надеялись на быстрое окончание войны или выход из нее, к чему призывали большевики.

Иные от скуки и нетерпения находили временных любовниц, а то и дома терпимости. Вышел однажды на красный фонарь и Петр Сорока. Да и что делать неженатому человеку, хотя и имеющему детей? С одной красавицей переспал, с другой. Платил проституткам аккуратно. Угощал конфетами и вином. И его мужской авторитет рос, как на дрожжах. И вскоре в расположении сотни стали появляться ладно одетые и крашенные дамы с редикюлями в руке. Их пропускали, ибо проститутток не считали шпионами.

- Опять Петра ищут!- смеялись станичники.- Видно, вправляет оглоблю, что надо!

А в один из вечеров появилась белокурая и длинноногая красотка, полячка Зося.

- А где этот птычка?- спросила она подвернувшегося Ильина.

- Какая птичка?- не понял тот.

- Какая громко поет,- пыталась объяснить она, жестикулируя пальцами и губами.

- Соловей, что ли?- спросил Алексей Васильевич, немало удивившись ее вопросу.

- Не-ет, Сорок,- нажимая на последнюю «О», объясняла она,- который кар-кар.

- Сорока же каркает, не поет. Пташка с длинным клювом?

- Не можно так,- не согласилась гостья.- У нее оч-чень ко-рош голос. Корошо поет.

- Смотри, сама его не награди птичкой, которая петь не поет, и спать не дает. У вас это в порядке вещей.

- Мой птичка доктор любит смотреть часто. Не бойтесь, пан Алексей. А у него даже не птыца, а, как по-вашему, бэркут!

- Ну, если беркут, то щас позову,- с улыбкой ответил казак и, сдерживая хохот, пошел искать друга.

- Слушай, сосед, паненка какая-то тебя спрашивает. Наверно, из-под красного фонаря.

- Понимаешь, Алеша, мне сказывали, никто из клиентов не мог ее удовлетворить, а я вот пришелся по нраву. Теперь проходу мне не дает. Да и она мне по душе, если на то пошло. Не боюсь раскулачить пчелиный улей. В полное удовольствие.

- Смотри, чтобы нос потом не провалился, как старая крыша. Надо же – птица сорока нашлась!

Товарищи в сотне подначивали Петра, но он лишь ухмылялся. Видать, только в Европе нашел то, что искал всю жизнь. И она только его одного выбрала из всей Европы, которая непочтительно прошла по ее женским достоинствам. А Ильин даже не догадывался, какие последствия ожидают его друга Петра Сороку.

В очередной раз десяток травниковцев послали сопровождать начальство из штаба полка. Самого начальника штаба. Он был с заметным животиком и лысеющей головой. Ехал в легкой коляске с открытым верхом. Такие коляски в тех краях называли фаэтоном. Его окружали конники, внимательно смотревшие

по сторонам, не грозит ли откуда опасность. Не забывали глядеть и на небо, где может появиться вражеский самолет. Что и говорить – везли ценный груз.

Они уже обогнули не то плёс, не то вытянувшееся кишкой озерко, как вдруг из-за высоких камышей, сгрудившихся в кучу, навстречу им выскочило несколько всадников с пиками и клинками в руках.

Ильин с Сорокой ехали впереди. Увидев неприятеля, Алексей Васильевич не растерялся и крикнул:

- Четверо со мной, остальные увозите карету назад!

Четверо казаков поскакали с ним, и он заметил, как остальные развернули фаэтон и поскакали обратно. Это придало силы, и Ильин, чтобы подбодрить казаков, снова крикнул:

- Вперед, ребята, ура-а!

Они с Петром незаметно оторвались от общей кучки и погнались за неприятелем, который повернул назад. Настигнув последнего всадника, Алексей Васильевич хотел полоснуть его по диагонали, но еле достал концом шашки руки и чиркнул по ней только краем. Отсек руку у самой кисти. И клинок вместе с кистью, еще не успевшей обогреться кровью и не потерявшей силы, отскочил в сторону и чуть не ударил в грудь распалившегося Гнедка. Жеребец же, тоже увлеченный боем, пытался схватить зубами лошадь противника.

Ильин не скоро заметил, что они с Сорокой остались одни. Остальные или отстали, или повернули назад. И только тут он догадался, что якобы убегающие австрийцы повернули обратно, а с правой стороны и сзади им на помощь спешили еще несколько всадников. Их заманивали в ловушку. И холодный пот мгновенно пробил его. Быстро осмотревшись, он понял, что ни вперед, ни назад, ни в правую сторону им нельзя отступать, только влево, где за камышами было не то озерко, не то плес.

- Порубают, гады, на пятки! Давай налево, в воду!- крикнул он Петру и направил коня на невысокий спуск.

Сорока понял сразу, резко натянул левый повод, и они через

несколько секунд оказались в воде, все больше скрываемые камышами. Кони то шли по неглубокой воде, то пускались вплавь, когда из-под ног уходило дно. Уже начинало смеркаться, и казаки прикидывали, что до другого берега было саженой сто или сто пятьдесят. С вражеской стороны посыпались винтовочные выстрелы, и они пригнулись на конские гривы, чтобы уменьшить возможность попасть под пулю. Да и сами иногда неприцельно стреляли.

Вдруг Гнедко резко ушел вниз, очевидно, попав ногами в подводную яму. Ильин моментально выпрямился и тут же почувствовал сильный удар и боль в правом боку.

- Зацепил, сука! - негромко воскликнул он, крепче схватившись за повод и пригнувшись к конской шее. Боялся, что может свалиться и утонуть, а Петр был несколько впереди и саженой на двадцать в стороне.- Вот и пришел твой каюк, травниковский казак, за тыщи верст от родного дома.

Он чувствовал, что быстро теряет силы и сознание, а до спасительного берега еще саженой десять. И он крепче сжал повод, механически намотав его на руку. И почувствовал, как стал заваливаться вперед, куда-то за конскую голову или сбоку ее. Повод помог ему не уйти под воду, а полустоять - полувисеть впереди Гнедка. И умный жеребец, очевидно, понял своим конским разумом, что хозяину грозит беда, грозит смерть. И с яростью стал бить его в спину и подталкивать вперед грудью, коленями. А когда тот начинал падать, хватал его зубами за одежду, за волосы, зло храпел и продвигался вперед. А навстречу им аршин за аршином приближался спасительный берег.

Ильин все-таки не устоял и свалился в воду. Но это уже была прибрежная мель. Это было спасение. От этой картины у Петра Сороки чуть волосы не встали дыбом. Ни в сказках, ни наяву он не встречал подобного, словно Гнедко был не конем, а разумным существом или даже человеком.

Поспешив на помощь, он вытащил друга из воды и стал

думать, как доставить его в расположение сотни. Потом подвел жеребца и скомандовал:

- Ложись, Гнедко, ложись, дорогой.

И когда конь послушно лег, положил поперек седла безвольное тело друга и направил коней в сторону расположения сотни.

20

- Зачем рожден казак?- рассуждал сам с собою Алексей Ильин, тихо лежа в госпитальной палате.- Не успев появиться на белый свет, он, как старый мерин, впрягается в хомут крестьянских работ. Пашет поле, отваливая толстые пласты жирной земли, которым нет счета. Потом боронит, сеет, косит, возит и обмолачивает снопы.

Заготавливает на зиму себе и семье хлеб, а скотине сено, солому, овес. Хлещется до упада с бесконечными работами с рассвета до заката. Возжается с ягнятами, телятами, жеребятами, не дай Бог сломают ногу или объедятся чем-нибудь, повадятся на картошку и подавятся ей. А волки, что нападают на стадо или забираются в домашний хлев в станице или на хуторе, нещадно вырезают животных, как будто всех в состоянии сразу слопать. Ни один зверь не приносит такого бессмысленного урону, как волк.

А худые люди, кыргызы, башкирцы, тоже норвящие отбить косяк лошадей, коров или отару овец? И все настроены против казака, все стремятся ограбить его, унижить, прожить за его счет. А про власть и говорить нечего, которая то и дело придумывает новые законы, облагает налогами, да еще и нещадно гонит на войну. Да на своем коне! И наплевать ей, что ты сложишь бедную голову. Даже если геройски сложишь! Мало ли миллионов казаков и русской пехоты имеется в императорской армии! А в станицах, хуторах и деревнях сколько подрастает молодняка! А сколько сопливых ребятишек ежедневно появля-

ется на нашей земле! Ученые говорят, что в России рождается детей больше, чем даже в плодovитой Африке. А какой-то бородастый Кунделеев или Менделеев предрек, сказывают, что через пятьдесят лет население Российской империи перевалит за 600 миллионов человек. Это же их всех надо вырастить и прокормить. Сколько хлеба потребуется для них?! Если прикинуть по два фунта в день на голову, то за сутки съедят два раза по 600 миллионов фунтов!

- Слышь, математик-арифметик,- обратился он к одnorукому соседу, который умел быстро считать, ибо до фронта работал бухгалтером.- Шестьсот миллионов фунтов помножить на два, сколько станет?

- Миллиард двести миллионов,- пошевелив губами, быстро ответил тот.

- Ох, мать твою за ногу, больше миллиарда фунтов в день! А помножь на 365 дён...

- Это под пятьсот миллиардов потянет.

- Ой-ёй-ёй! Где же столько хлеба набраться? Да еще скотине надо почти столько же! Ну, где казак или крестьянин наберут столько хлеба? И сам император нигде такого не найдет. Вот они и начинают войны, даже со свояками, чтобы истреблять русское население, чтобы хлеба требовалось меньше.

- А что ты считаешь?- подозрительно спросил сосед по палате.

- Сколько хлеба надо, чтобы прокормить народ России через полвека? Шестьсот миллионов обещает его расплодиться какой-то ученый Кунделеев.

- Менделеев, наверно, Дмитрий Иванович? Этот может подсчитать, голова-а, ученая глыба. На-аш, питерский, тобольского происхождения.

- Тобо-ольского!- от неожиданности попытался приподняться на кровати Алексей Васильевич, но тут же схватился за рану.- Дак он, считай, мой земляк! То-то я чую, чем-то родным повеяло.

- Крупный химик, открыл периодический закон химических элементов. Первый в мире!

- Вот тебе и Кунделей – Менделей! Такой нахимичит, что никто не расхимичит, только пятки смазывай! Знамо дело – из исетских казаков. Другой какой разве бы вытянул этакий воз!

- Ты в политику-то сильно не лезь, Васильич, а то и у стен уши приклеены. Особисты шныряют и под своих рядятся. Настроение-то, видишь, какое в войсках? Большевики агитируют за окончание войны и выход России из нее,- тихо предупредил сосед и повернулся на другой бок, давая понять, что разговор окончен.

- Это и хорошо, сколько людей сохранилось бы,- вымолвил южно-уральский казак Ильин, продолжая думать о своей казачьей доле, о том, сколько хлеба, мяса, проса, картошки с капустой и брюквы с репой нужно ежегодно выращивать крестьянам, чтобы прокормить такую ораву?- Выходит, самым первым в государстве должен считаться не император, банкир, помещик или заводчик, а ты, Алёха, и такие же казаки, крестьяне, которые кормят все население страны и планеты, в том числе дармоедов – богачей, наевших брюхо за счет твоего непосильного труда? Выходит, прав сын Васятка. Так вот тебя вместе с травниковской сотней и отблагодарили царь-батюшка и отцы-милостивцы! Мало, что ты их кормишь, так еще и кровь должен за них пролить, а то и жизнь отдать, как отдали твои друзья-приятели Трошка Власов и Колятка Вязьмин! И за их жизни даже понюшку табаку не дали. Вот она, вельможья благодарность!- шептал он.- Да бегите вы с этой чертовой войны, сейте хлеб и растите детей, чтобы казачье племя множилось и росло здоровым, сильным, чтобы никакие цари и помещики не командовали вами, как при наших предках. Вот увезут скоро в родные края, может, там лучше поправлюсь...

Он вспомнил, как третьего дня навещала большая комиссия. Самым главным был генерал Каледин, командующий 8-й армией. С ним еще какое-то военное и гражданское начальство

тво, помощники и главный врач госпиталя господин Неустров. Человек тучный, он чуть ли ни бегом бегал вокруг важного генерала. Да и неудивительно, ведь его армия проявила себя на фронте. Совсем скоро ему присвоят звание генерала от кавалерии. Изберут атаманом Войска Донского. И этот дворянин возглавит контрреволюционное войсковое правительство. В августе 1917 года выступит с программой подавления революционного движения. Во время Октябрьской революции поднимет контрреволюционный мятеж, который назовут калединщиной. Но крах мятежа 11 февраля 1918 года признает он сам, его руководитель и генерал от кавалерии атаман Каледин. И в тот же день застрелится.

А пока 65-летний генерал был еще в силах и почете. Блестя золотыми погонами, крестами и аксельбантами, он шел уверенным шагом впереди свиты, аж развевались от ветра полы не застегнутого больничного халата. А за ним, как царская псарня, торопились с прогнутыми выями члены комиссии. Они остановились возле одного раненого, другого. Говорили какие-то слова, и генерал вручал награды. Поздравляя, жал руки.

Кровать Ильина была третьей от входа. И главврач Неустров слегка забежал вперед.

- Это, ваше превосходительство, раненый Ильин!- преданно заглядывая в глаза Каледина, доложил главный медик.- Ранен в спину навывлет. Задето правое легкое.

А оказавшийся в свите начальник штаба полка Алексея Васильевича рукой подавал сигнал из-за спины генерала, чтобы тот поднялся и встал по стойке смирно. И Ильин попробовал приподняться, но тут же схватился за рану.

- Лежи, лежи, защитник царя-батюшки и святой России!- жестом руки остановил его Каледин.- Какого сословия будешь?

- Казак он, Алексей Максимович!- отрапортовал начальник штаба, не дав открыть рта раненому.

- Казак, говоришь? Какого войска?

- Оренбургского, господин генерал, южно-уральской станции Травниковской,- довольно бодро, хотя и через силу, доложил он.

- Слышал такую.

- Отличился не раз. Помог штабу полка избежать плена,- вытянулся начальник штаба.

- Что это за штаб, который чуть не угодил в лапы врага?- зыркнул на него сердитыми глазами Каледин, и у того заметно затряслись колени.- А ты, воин, молодец! Истинный казак. За твою отвагу батюшка император награждает тебя Георгиевским крестом!

- Служу Его Превосходительству!- хотел погромче рявкнуть Ильин, но у него не хватило воздуха и закололо в боку.

- Отдыхай, отдыхай, герой!- успокоил его генерал.- С первым же эшелонem отправьте в тыл, куда-нибудь в его сторону, в Самару или Челябину. Нужно позаботиться о герое.

- Слушаюсь, ваше превосходительство!- отрапортовал главный врач, незаметно осенив себя крестным знамением, мол, слава Господу Богу, пронесло и не было большого разноса, как это часто случалось в подобных случаях.

* * *

Их санитарный вагон прицепляли к разным поездам. Везли на восток, отцепляли и снова прицепляли на незнакомых станциях то к пассажирским, то к товарным составам. На очередной станции, в Самаре, с перрона донесся какой-то шум. Один голос был знаком раненым, он принадлежал хирургу вагона.

- Мы едем много дней. Раненые утомлены. Им нужны баня, госпитальный уход, отдых. А они трясутся в товарных эшелонах, как псы в собачьем ящике!- с жаром доказывал доктор.

- Душой бы рады, да некуда, мил человек. Все больницы переполнены, вы ведь тысячи, миллионы раненых везете. И в каждом вагоне есть покойники. Их еще и хоронить где-то надо.

- Ну а что делать? Если надо воевать, то давай, казак, хле-

щись без очереди! А если лечиться, поезжай на край света, на самый Сахалин, умирай дорогой или на больничной койке!

- Ну не можем мы, мил человек,- почти со слезами отказывал незнакомый голос.- Через сутки Уфа будет. А там и Челябинка недалеко.

И снова раненные стали трястись в скрипучем вагоне, миная перегоны от Самары до Челябинска. Только родные места приняли их на лечение, ведь от Челябинска до Травников было всего верст шестьдесят. И когда проехали Златоуст, Миасс, Алексей Васильевич вздохнул глубоко и с надеждой. Тут он на перекладных или даже пешком, ползком доберется. Вдохнув хвойного уральского воздуха, он как будто почувствовал прилив сил. А вот и озеро Ильмень, где он прохаживался по берегу после проигрыша в карты денег на лобогрейку. Но зачем думать о неприятном, когда можно радоваться родной земле, возвращению в дорогие края?! А вот уже и озера Чебаркуль и Мисяш. Отсюда рукой подать до Травниковской. Остановись поезд, он бы ползком подался домой. Хоть выпрыгивай на ходу!

- Терпи, казак, атаманом будешь. Как-нибудь разберемся,- успокаивал себя Ильин.- Только уж дальше Челябинска ни за какие баранки не поеду. Лучше помереть, мать твою за ногу.

А еще через три или четыре недели после челябинского лечения его высадили из поезда на станции Бишкиль, где встречали радостные до слез заранее предупрежденные жена Арина и старшая дочь Мария. Раненого сопровождал специальный санитар. Он помог ему спуститься со ступенек вагона, вывел под руку на перрон и увидел, как навстречу раненому бросились счастливые родственники. Они со слезами обнимались и целовались, преданно заглядывали в глаза.

- Жив наш тятенька, наш кормилец!- наперебой восклицали супруга и дочка. И счастливые слезы радости дружно катились по их розовым щекам.- Как ты там, в чужой стороне? Как рана, здоровье?

- Идет на поправку,- отвечал довольный Алексей Василь-

евич, обнимая женщин и направляясь к стоящему за зданием вокзала ходку. Ходок был до боли ему знаком, как и мерин Рыжко, который много лет служит семье Ильиных.

- Ну что, господин казак, моя помощь тебе еще нужна, или справитесь своими силами?- спросил пожилой санитар, повидавший за последние годы немало израненных и искалеченных фронтовиков, видя, что больной попал в надежные руки.

- Спасибо, земляк, за помощь. Тут уж мы сами с усами. Видишь, какой женский батальон меня пленил? Они и мертвого подымут, не только раненого,- с улыбкой похвастал Ильин.- А может, захочешь у нас недельку пожить, отдохнуть, тоже ведь с нашим капризным братом навозился? Набраться сил, ведь у нас хлеб-то не покупной?

- Да нет уж, спасибо, служивый. В госпитале дел невпроворот, не каждого мы провозжаем домой, только героев да георгиевских кавалеров.

- Тогда возьми хоть вот на дорожку,- вынув из ходка узелок с харчами, подала ему Арина.- Низкий поклон тебе за заботу.

Алексея усадили на мягкое сидение. Рядом устроилась Арина, а Маруся пожелала на козла. Взяла в руки вожжи и тронула рыжего мерина. Позади остались длинные и блестящие на солнце, отполированные колесами рельсы «чугунки», длинный пакгауз, вытянувшийся вдоль путей тупика, выкрашенный желтой краской, которой красились все железнодорожные здания. При высыхании она бралась мелкими кусочками, похожими на пупырышки или бородавки, и засыхала намертво, будто покрывала стальной шубой или кольчугой доски и бревна. И их не брали ни влага, ни шашель, а краску невозможно было отодрать. Не случайно эти здания сохранялись и стояли долгие десятилетия, как народные памятники трудовым людям, воздвигнутые простыми деревенскими плотниками, рабочими и неискушенными малярами.

Сразу за станцией раскинулся хутор Казанка, где ютились десятки рубленых избушек и саманух, вокруг которых паслись

телята, игривые козлята. Некоторые, видать, блудники, были привязаны за кол длинными веревками. Гребли придорожную пыль куры, гоготали гуси, ведущие за собой длинные подвижные цепочки желто-зеленых и бархатных на вид гусят.

Слева от хутора тоже тянулись жилые дома, разделенные дорогой, по которой и ехали Ильины. Когда выехали на пригорок, увидели ниже, на востоке, пруд, перегородивший речку Бишкильку. На его крутом берегу стояла высокая новая мельница, вросшая фундаментом в горную породу зеленоватого камня. В нем был прорублен и глубокий канальчик, по которому в помещение мельницы подавалась речная вода. Слева от мельницы виднелась деревянная плотина, через которую шла дорога. Возле плотины купались ребяташки и ловили рыбу. Но самые рыбные места были ниже и по правую сторону мельницы, где находились большой пруд, затопивший низину до самого села Медведева, и отдельные плесы, вытянувшиеся с западной стороны вдоль него и заросшие высокими камышами. В них водились метровые щуки, липкие и неповоротливые налимы и желто-золотистые ленивые караси, похожие на крупные новые лапти, которые залегали в жирной и теплой тине, отыскивая там корм. Тысячи уток, диких гусей прилетали сюда на лето, жили в камышах, заводили потомство и плавали с ним, как маленькие купеческие ладьи, идя след в след друг другу. А еще там кормилась и домашняя птица. И до самых заморозков неслись оттуда утиное кряканье и гусиный гогот.

По берегам туда-сюда сновали в поисках корма разномастные кулики и довольно крупные авдошки, мясо которых было очень вкусным и считалось барским. А на горе Савинухе весной и осенью токовали тетерева, тревожа души и пробуждая азарт местных охотников. И надо всем этим райским уголком величественно возвышалось на правом берегу здание серой высокой мельницы, скорее похожее на гранитный монумент. Семья Ильиных залюбовалась этой необыкновенной красотой, будто сошедшей на землю с полотен старых русских художни-

ков. И Ильины даже не предполагали, что эти места в их судьбе сыграют важную роль.

Спускаясь с возвышенности к соседнему селу, они миновали кладбище, густо заселенное высокими, раскидистыми и облюбованными грачами березами, меж которых виднелись редкие кресты. Видно, мало в этом краю умирало народу. Потом въехали в широкую улицу, с которой начиналось Медведево и вдоль которой стояли рубленые дома с постройками для скота и огородами. Возле них тоже гребли пыль куры, на полянках паслись гуси, утки, ягнята, лошади.

По деревянному мосту переехали речку Бишкильку, а от стоящей на пригорке высокой церкви повернули направо. Выехали на знакомый Уфимский тракт, по которому часто ездили на свои земли и заимку. Тракт этот проходил через их станицу. И их поместье находилось рядом с ним. Они знали, что в этих местах когда-то проходило воинство Емельяна Пугачева, вливаясь в него с двух сторон – со стороны Челябины и села Варламова, направляясь на Чебаркульскую крепость. Это были святые для исетских, оренбургских и уральских казаков места, политые кровью их уважаемых предков, борцов с царизмом за свободу простых людей. Рыжко бежал рысью, и Алексей Васильевич с неподдельным интересом и любовью смотрел по сторонам и не мог вдоволь насмотреться на родные поля и перелески, летом полные груздей и ягод, птичьего гама и жизни, зайцев и перепелок, доверчивых рябчиков и пугливых куропаток. На перелески и колки, где по весне дружно шумели на ветру, а ему казалось, что звенели, как новые копейки, молодые березовые листочки, и трепетно волновалась бархатная листва редких, непритязательных осинок, затерявшихся в белом строю дворянок-берез.

И все это ему показалось теперь настоящим раем, даже лучше небесного рая, ведь точно неизвестно, существует ли тот сказочный небесный рай, а этот существует, много лет живет в их душе и сознании, миллионы лет жил до них и их предков.

Да он просто вечен! И на сердце казака так стало тепло от этих чувств и переживаний, что хотелось запеть, как в день праздников певали они вместе с женой и гостями. И он негромко затянул:

Хасбулат удалой,
Бедна сакля твоя-а...

Глянув на мужа любопытным взглядом, Арина залюбовалась им на мгновение. Всяко с ним жили. И бивал он ее незаслуженно, но вот любила она его, и все тут, хоть убей. И ей вспомнилась молодость, как трудились на полях, а жаркими вечерами забирались на сеновал или копешку и целовались-миловались да самой утренней зорьки, когда надо было подниматься и вновь спешить на поля, на свои бесконечные крестьянские работы. И услышала, как с детства знакомая мелодия появилась в ее душе и стала вырываться наружу. И она дружно подхватила песню, и они уже запели в два голоса:

Золотою казной
Я осыплю тебя.
Дам кинжал, дам коня.
Дам винтовку свою.
А за это за все
Ты отдай мне жену...

Вскоре показалась станица, и они въехали в нее рысью с любимой казачьей песней на устах. Аж из дворов повыскакивали любопытные станичники: кто это в пору полевых работ разъезжает с песней?! Что за праздные люди? А, узнав вернувшегося с фронта Ильина, засобирались к ним, чтобы расспросить о делах на фронте, о своем муже, отце или брате.

- Почему станицу зовут Травниковской?- в который раз спросила их дочь, обернувшись на сидящих в обнимку родителей.

- Потому, что первым здесь поселился старик-травник, собирающий лечебные травы. Тут их много всяких, только знать надо их, что дано не каждому. Они лечат от многих болезней.

Поэтому селение стало Травниками. И в них больше всего из округи долгожителей.- И от этих слов в душе Маруси проснулась гордость за родной уголок.

Рыжко свернул с дороги и потрусил к родным воротам. Алексей Васильевич с помощью Арины и дочери вылез из ходка, перекрестился, поцеловал воротную стойку.

- Ну, здравствуй, дом родной! Как я соскучился по тебе, твоему крову, теплу, даже запахам! По твоему добру и гостеприимству.

Навстречу ему с визгом кинулась Пальма, уже заметно постаревшая, но еще подвижная. Прыгала ему на грудь, старалась лизнуть в щеки и руки.

- Ну что ты, что ты?- только и успевал спрашивать он.

А во дворе бегали десятки кур, цыплят, утят. Все галдели, клевали зерно или лезли в корыто с водой. По его сердцу поплыла теплая волна родного дома, и казак чуть не задохнулся от счастья, что остался живым и вернулся. Он слегка пошатнулся, но его тут же поддержала заметно подросшая без него дочка. Откуда-то выбежали босоногие Таиска и Венка. Загалдели, заплакали от неопишуемой радости, кинулись обнимать.

- Тятенька вернулся, живой тя-атя!

Обнимая их за плечи, он направился к родному крыльцу, побитому людскими ногами. Глянул на верхний косяк над входной дверью и увидел поржавевшую, изрядно сношенную, но такую знакомую конскую подкову, прибитую на счастье им самим, когда построили этот дом.

- Значит, будет счастье,- промолвил казак заплетающимся от волнения, будто пьяным, языком. Обессиленно опустил на ступеньки и неумело заплакал, даже зарыдал без слез. Весь груз недавних военных месяцев, неудач и побед, горя ранения и радости возвращения обрушился на его нездоровое еще существо, и душе с телом нужно было освободиться от него.

Как-то непривычно было Ильину в первые после возвращения дни. Вроде и от дому отвык, и от семьи, и от хозяйских забот-кручин. А тут то сенокос, то косовица хлебов подступают. Сильные мужские руки нужны, а у хозяина они еще слабые после тяжелого ранения. Да и тело еще больное. Пулька вроде бы и неказистая с большой скоростью вошла в спину и дырку на входе сделала размером меньше копеечной монеты, что не сразу и заметишь. А вот на выходе дел наворочала. Видно, не хотелось ей покидать казачьего утробного тепла, поэтому цеплялась за все, за что могла, порвала болонь и кожу, перебила ребро и вывернула его кусок, что стал заметно выпирать из грудной клетки, будто голыш из дорожной колеи после дождя. Нередко и цеплялся за окружающие предметы, за рубаху, создавал неудобства и в первое время вызывал боль.

Не успел он приехать, как сразу же прибежали любопытные соседи, другие станичники, в большинстве заплаканные женщины.

- Здравствуй, служивый! Как вы там деретесь с этими нерусями?- спрашивали его, лихорадочно осматривая с головы до ног.

- Воюем помаленьку,- тихо отвечал он, боясь наговорить лишнего и перепугать людей, не раз стыдливо отводя в сторону хмурый взгляд, будто был в чем-то виноват перед ними.

- А как там наши муженьки?

- В полном здравии, слава Богу.

- А мой?- допытывалась Настя Вязьмина.

- А твой, Настенька, царство ему небесное, сложил буйную голову за царя и отечество. Ты уж держись, девка, слезами горю не поможешь,- как мог, успокаивал казак.- Мы схоронили его по-христиански вместе с Трофимом Власовым. А его табакерку привез вам на память, сыну.

И плакали бабы, выходя за ворота. И лились слезы вдов и

детей на ильинской улице. А Алексею Васильевичу казалось, что это плакало его сердце. Такая была на нем тоска, хоть уда-
вись.

- Дядя Лёша, как там папка?- подступил к нему сын Петра Сороки.

- Радуйся, Витька, жив и не хворает твой папка. Геро-ой! Нас вместе с ним «Георгиями» наградили. Да он еще и меня спас после ранения, а то бы утоп. Вот тебе гайтан с крестиком послал, чтобы уберег от всех бед и несчастий. И венгерский кинжал, чтобы смог защищаться.

- Алеша, а атаман-то как, ведь уж в возрасте и при большом теле?- заглядывая в глаза, будто пытаясь там что-то прочесть сокровенное, выпытывала супруга Морозова.

- Ему и равных не сыщешь! Дает прикурить австриякам и поганой немчуре с венгерцами. Да и войне, похоже, скоро конец.

- Дай-то Бог! Спасибо тебе, Васильич.

Чистый родной воздух, казачья пища, мед с барсучьим жиром для скорейшего заживления легких, а еще любящая жена и дети быстро восстанавливали в нем физические и духовные силы. Он уже передвигался самостоятельно, отвергал помощь близких. Выходил за ворота посмотреть на станицу, правда, больше вечерами, чтобы меньше встречать дотошных знакомых, отвечать на их одни и те же, а порой и каверзные вопросы, в сотый раз переживать минувшие фронтовые события, сочувствовать сиротам и вдовам. Все это было тягостно, даже невыносимо.

И он старался заняться хозяйством. Латал дыры в амбаре, ладил телеги, табуретки, чинил сбрую и семейные обутки. Порывался ехать в поле, но Арина сильно возражала.

- Какое тебе еще поле, еле по ограде ползаешь? Поберегись маленько. Сойдет хворь, тогда и до поля доберешься. И напа-
шешься, и накосишься, и намолотишься от души. И с пупка успеешь сорвать,- серьезным тоном, не терпящим возражений,

остужала его Арина Алексеевна. А перечить ей, если разоидет-ся, бесполезно и даже опасно. Сил в ней, как в ломовой лошади. Все сметет на пути, не посмотрит, что ты казак.

- Да ведь совестно как-то, Оря. Бабы, дети работают, как угорелые, а мужик в стороне!

- Ты перед ними и перед царем-батюшкой отработал за все своим здоровьем. Это им должно быть совестно перед тобой, перед Вязьминым, Власовым!

- Ну ладно, ладно! Ты уж распалилась, как окопный агитатор, - успокаивал он ее.

А зори стояли малиновые, нежные и непривычно тихие. Алексей, перемалывая в голове тревожные думы, просыпался еще до их наступления, до восхода солнца. Лежал и думал. А потом бесшумно выбирался во двор, садился на ступеньки крыльца и смотрел на восток. И вдруг замечал, что он начинал несмело сереть. И в этой ненавязчивой утренней серости начинали проявляться непривычные, словно сказочные, облики деревьев, печных труб, без стеснения заглядывающих в еще не проснувшееся небо, и домов, до которых, казалось, можно достать рукой.

И вспоминалось детство, подъем на ранней заре. Звон отбиваемых в соседних дворах кос. Тук-тук, тьяк-тьяк, стучали по стальным лезвиям молотки. Дзинь-дзинь, вжик-жик, пели заносчивые бруски, оттачивая литовочные лезвия, как бритвы. А потом начинался скрип и грохот телег, которые мимо их двора увозили станичников на покосы.

- Когда было это время, это детство?!- по-мальчишески наивно спрашивал он себя.- Давно то время пролетело. И голова уж поседела.

И каждое утро повторялось все то, что не раз было раньше и в далеком детстве. И звон отбиваемых кос, и ржанье сытых после овса лошадей, и скрип тележных колес, которые некогда смазать затурканному работой хозяину, и незлые, но громкие возгласы провожающих в стадо коров станичник. Хлесткие

удары-щелчки плетеного пастушьего кнута. И будоражащий рань пастуший окрик:

- Куда пошла, косорогая раз-зьява?

Все это было ему до боли знакомо. Повторялось из года в год, из месяца в месяц. И так же жизнь на земле повторялась и не кончалась. Вот только жизнь отдельного человека уходила куда-то. Уходила медленно, но безвозвратно. И никаким малиновым тихим утром, литовочным пением-звоном, пастушьим окриком и щелчком кнута ее не повернуть вспять, не остановить даже на секунду, на миг, мрачно думал казак. И зачем она дана, такая вот жизнь, суть которой не поймешь до самой кончины? А тут еще болезни, войны. Зачем жили Николаша Вязьмин и Трофимка Власов, чтобы, не успев поднять детей, нарадоваться ими и жизнью, проститься с ней навсегда? Кому польза от их жизни и от их смерти? Только горе в семье!

- Го-осподи, зачем же ты даруешь такую бессмысленную жизнь?- воскликнул однажды, пораженный своим открытием Ильин, вскинув взгляд мутнеющих голубых глаз в небо.

Но Господь упорно молчал, и Алексей Васильевич не слышал и сам не находил ответа. Он твердо знал лишь одно, что должен, как можно быстрее, набраться сил, чтобы стать полноценным мужиком, отцом и хозяином, чтобы взвалить на свои плечи все заботы, работы, радости и печали. Взвалить и уверенно нести на себе то, для чего рожден человек, рожден мужчиной. А инвалиды никому не нужны. Вот это он хорошо знал, как Отче наш, ибо оно было у него в крови.

* * *

К началу кампании 1917 года Антанта имела 425 дивизий, насчитывающих 21 миллион человек. Центральные же державы собрали 331 дивизию – 10 миллионов человек. В апреле в войну на стороне Антанты вступили США. В феврале на конференции в Петрограде союзники уточнили план кампании 1917 года. План предусматривал проведение в начале года частных

операций на всех фронтах в целях удержания стратегической инициативы, а летом переход в общее наступление на Западно-Европейском и Восточно-Европейском театрах в целях окончательного разгрома Германии и Австро-Венгрии. Германия с целью вывода из войны Великобритании вторично ей объявила «неограниченную подводную войну». Однако эта война не оправдала надежд германского командования, а ее блокада вызвала голод в стране.

Русское командование во исполнение общего плана кампании в декабре 1916 и январе 1917 годов провело Митавскую операцию с целью отвлечения части сил врага с Западно-Европейского театра. Но 27 февраля 1917 года в России произошла февральская буржуазно-демократическая революция. Российская империя в Первой мировой войне потеряла больше всех – 5 миллионов человек. Это были неоправданные и невосполнимые жертвы. А всего Первая мировая война уничтожила 20 миллионов человек.

И руководимый большевиками пролетариат, как повествует Большая Советская Энциклопедия, требуя мира, хлеба и свободы, повел за собой большинство армии, состоящей из рабочих и крестьян, и сверг самодержавие. Однако к власти пришло буржуазное Временное правительство, которое, выражая интересы российского империализма, продолжило войну. Начало наступательную операцию войск Юго-Западного фронта (июньское наступление), окончившуюся провалом. Россия еще поможет Румынии восстановить боеспособность армии и вместе с нею отбросит в июле-августе германские войска в Мэрэшетском сражении, пытавшиеся прорваться на Украину.

В октябре революционные моряки Балтийского флота героически обороняли Моанзундский архипелаг. Но это были последние операции на Русском фронте.

25 октября (7 ноября) 1917 года свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, в которой пролетариат в союзе с беднейшим крестьянством сверг власть буржуазии

и помещиков и открыл эру социализма. Выполняя волю народа, Советское правительство обратилось ко всем воюющим державам с предложением о заключении справедливого демократического мира без аннексий и контрибуций. А после отказа Антанты и США вынуждено было без их участия заключить с германской коалицией перемирие и приступить к мирным переговорам. Его примеру последовала Румыния. Россия, в которой было мобилизовано 16 миллионов человек, то есть свыше трети всех мобилизованных Антантой и ее союзниками, наконец-то, вышла из войны.

Травниковским казакам это было на руку. Война унесла миллионные жертвы, надоела до смерти всем и была не нужна здравомыслящим людям, бедным крестьянам и рабочим, не первый раз поливавшим русской горячей кровью свою и чужую землю.

Советская власть быстро была установлена в Санкт-Петербурге, Москве, а затем и во многих других губерниях почти на всей территории России.

Недавние фронтовики бросали оружие, братались со вчерашними противниками, оставляли места расположения частей и окопы, по одному, группами и целыми отрядами старались добраться до своей губернии, родного дома. Кто на конях, железнодорожных поездах, на перекладных или пешком разбегались и разбредались по всей необъятной России, словно бессловесные тараканы, которых травили вонючей губительной серой.

- Хватит! Навоевались!

- Покормили крестьянской кровью окопных вшей и клопов!- наперебой кричали вчерашние фронтовики.- Теперь только домой, к земле, которую обещают большевики, к семьям!

Хорошо было тем, кто жил за сотню – две верст. Тут и пешим строем нетрудно дотопать. А кто за тысячи верст живет, да вдали от поездов, пристаней и дорог?! Пешком не дойдешь и на лошади не доедешь. Кто даст тебе для коней вагоны, повезет тебя в такую даль через всю Россию?

А тут еще свергнутый глава Временного правительства и бывший верховный главнокомандующий Керенский с начальником генерального штаба Духониным отдали приказ командующим войсками фронтов и внутренних военных округов, атаманам казачьих войск начать военные действия против Советской власти и выделить надежные части для похода на Петроград и Москву. Керенский двинул на Петроград 3-й конный корпус Краснова. Казачьи правительства Дона, Кубани и Оренбурга под руководством атаманов Каледина, Филимонова, Дутова заявили о непризнании Советского правительства и начали войну против Советской власти.

Контрреволюция приходила к власти на Украине, где Центральная рада объявила себя верховным органом республики, вступила в блок с контрреволюционным командованием Юго-Западного и Румынского фронтов и казачьими правительствами. В Белоруссии против Советов выступила Белорусская рада, опиравшаяся на Польский корпус. В Закавказье создано коалиционное правительство – Закавказский комиссариат, объединивший меньшевиков и националистов. В Туркестане и Сибири образовался ряд контрреволюционных правительств. Так возникали первые очаги Гражданской войны, развязанной внутренней контрреволюцией с целью свержения Советской власти. А ее поддержали страны Антанты сначала в форме скрытой, а потом и открытой военной интервенции.

- Чо будем делать, атаман?- грубым голосом спросил Морозова Петр Сорока.

- Сам не знаю,- растерянно откликнулся тот.- Генерал Каледин заставляет Дон защищать, бить Советскую власть. Дутов тянет драться за Оренбург.

- Да нужен нам этот Дон, как мертвому припарка! Там своего казачества не меряно. В чужой монастырь со своим уставом полезем? Нам отсюда надо когти рвать, а не за чужую землю хлестаться.

- Пра-авильно, Петро! Рвать надо когти подобру-поздоро-

ву!- поддержали остатки сотни, изрядно поредевшей в последних баталиях.

- А приказ командующих фронтом, казачьих войск?

- Пусть своим детям приказывают и их да свои головы подставляют под вражеские сабли да штыки,- возражали заросшие щетиной и давно не мытые станичники, одежда которых была неприглядной и рваной, будто у военнопленных.

- Да как сорвешь когти, когда кругом генералы с войсками да атаманы?- недоумевал Егор Евсеевич, утягивая по голенищу своего сапога плеткой.

- На большую станцию надо подаваться. Хоть несколько вагонов захватить и подцепиться к попутному эшелону. А там уж куда выедем. Небось, в родной России не заблудимся,- предлагали бойкие советчики.

- Надо попробовать, атаман. Может, прорвемся,- настаивал и хорунжий Сорока.

- Шут с вами, ехал-погонял,- махнув безнадежно могучей рукой, согласился сотник.- Только давайте все ладом обмозгуем, чтобы впросак не попасть, худых дел не наворочать. А то еще и под трибунал угодишь.

Немного успокоившись и снизив тон, они еще долго говорили, предлагали и отвергали, судили и рядили, пока более или менее не разрешили все возникшие вопросы, не продумали всевозможные детали. Потом несколько дней готовились к отъезду. Стирали белье и верхнюю одежду, чинили сбрую, запасали в дорогу пищу, овес коням. Что-то лишнее продавали военным и местным жителям, меняли, покупали необходимое.

- Я вот что удумал,- обратился в эти дни Сорока к сотнику Морозову.- Хочу взять с собой Зосю. По нраву она мне.

- Ты что, с ума спятил на старости лет! А что скажут в станице, мол, мы воевали не на фронте, а в дому терпимости?- напустился на него Егор Евсеевич.

- Тебе легко говорить, у тебя жена ждет дома. Не отвернет,

когда захочешь. А со мной не хотят жить, шилохвости. Я ведь тоже человек.

- Нечего было килу-то выращивать больше, чем у жеребца.

- Тогда скажи этим станичным умницам, чтобы подлаживались под эту килу! Я что не завоевал права иметь нормальную жену? У нас сейчас равноправие начинается.

- Да ладно ты, наслушался солдатских агиток!- немного сбавил тон Морозов.- Как ты ее повезешь, подумал своей дурацкой башкой?

- Так и повезу вместе с нами и лошадьми. Мол, медсестра она или скотский доктор-коновал.

- Вот пусть этот доктор-коновал и выложит тебя, как непутевого жеребца. Тогда и вести ее будет незачем. Тут все эшелоны попрут в твой вагон и забудут про войну. Это же дебош, бунт во всей армии и казачестве, не хуже пугачевского. Да нас с тобой еще из-за этой паненки и к стенке поставят.

- Эко как тебя понесло! Большим начальником стал. Пряма сам Каледин тебе не брат. А я думал, ты мне хороший друг, сплюнул в сердцах казак и пошел. – Как ни думай, ни старайся, а я возьму с собой Зою. Хоть пешком пойду с ней. А с тебя спросят, где потерял георгиевского кавалера Петра Сороку!

- Ну ладно, Петруха, не серчай. Поступай, как хочешь. Только чтобы загвоздок с ней не было,- кинул ему на прощанье сотник.

В одну из ночей казаки тихо поднялись, заседлали коней, запрягли подводы с фуражом и бесшумно снялись. Направились на ближнюю узловую станцию, до которой еще было немало верст и препятствий, проверок патрулей и дорожных пикетов. И нужно было мгновенно ориентироваться, чтобы не прицепились, не остановили, не разоружили, не погнали назад или в какую-нибудь чужую армию, или местное оцепление, заставив проливать кровь за какого-либо пана-атамана.

Впереди ехали представительный и видный сотник Морозов на уцелевшем Гнедке Алексея Ильина рядом с Петром Со-

рокой. На их груди красовались георгиевские кресты. А на боку сотника висели внушительный маузер и огромная шашка, которая, казалось, может перерубить пополам не только человека, но и стальной железнодорожный рельс. И от его грозного вида с лиц пикетчиков быстро слетали самодовольство, надменность и надежда поживиться за чужой счет. Бедой может обернуться тот час, если вызовешь у такого богатыря гнев. Его, наверно, чемпион мира по борьбе сам Иван Поддубный не одолеет и испугается, а уж куда им, грешным солдатишкам!

- Куда едем, ваш бродь?- спрашивали те больше для приличия и соблюдения устава, чем для порядка.

- По личному приказу генерала кавалерии и командующего 8-й армией Каледина!

- Езжайте с Богом.

В другом месте, глядя на обстановку, Егор Евсеевич тихо басил:

- Атаман Оренбургского казачьего войска господин Дутов вызвал на борьбу с большевиками. Вы уж не чините препятствий. И если богаты овсом,- поделитесь по-братски.

На следующем пикете, увидев людей в гражданской одежде с красными лентами, отвечал осмелевший в последнее время до наглости Петр Сорока:

- По распоряжению солдатского комитета 8-й армии едем на помощь харьковским рабочим.

- Добре, хлопцы. Счастливой вам дорози.

И они продолжали путь, благодаря в душе казачью смекалку.

22

В Пасху всей семьей сходили в церковь. Выстояли службу, вдоволь намолились, грехи сняли, причастились. Вернувшись домой, разговелись. Арина Алексеевна поставила на стол много закуски и еще с вечера выкрашенные в желтый, синий, крас-

ный цвета пасхальные яйца, священные в храме. Графинчик с вином. Алексей Васильевич собственноручно очистил крашенное яйцо, разрезал на ровные дольки, чтобы досталось каждому члену семьи.

- Давайте разговляться,- разрешил он.- С Христовой Пасхой вас. Христос воскрес!

- Воистину Христос воскрес!- дружно поддержали его жена и дети.

Взрослые выпили белого вина. Детям налили брусничного соку. Они дружно ели и пили, не скрывая душевной радости. Выдержать столько недель большого поста – не баран чихнул. И теперь наваливались на скоромное. Ели вдоволь мясо, аж тек жир по ладоням и пальцам, капал на подбородок и стол, накрытый клеенкой, застывая на ней матовыми пятнами, похожими на бородавки.

Потом меньшие дети играли на улице в яйца: били одним о другое острыми краями. У кого разбилось, тот проигрывал и отдавал побитое яйцо выигравшему. И у иных везунчиков такого выигрыша набирались полные карманы. А их рты и губы были выпачканы крошками желтков. Наедались до отвала, аж давило в груди.

Ребята побольше, юнцы, а где и мужики играли у дворов в бабки и чехарду. Возили друг друга по улице, словно паровозы, похожие на караваны из согнувшихся в поясище человеческих фигур.

Маняша с Тасей усердно помогали матери убирать со стола. И младшая дочь то и дело высказывала фразу из стихотворения Михаила Лермонтова, которое задали выучить в школе:

Плохая им досталась доля,
Немногие вернулись с поля...

Услышав его, Алексей Васильевич вспомнил фронт, друзей и земляков, не все из которых вернулись домой.

- Спасибо тебе, Господи, что спас своего раба Алексея,- перекрестившись, поблагодарил он Бога и направился во двор,

где его ждали хозяйственные работы.

Конечно, в такой самый большой и редкий праздник работать – большой грех. Поэтому ни на поле, ни в лес никто не выезжал. Но нужно было подоить коров, убрать скотину в дневной загон, накормить, напоить, вычистить в стойке, вывезти в кучу навоз, задать корму. Подмести во дворе.

И этот труд не считался грехом, ибо скотина бессловесная и безмозглая тварь. И не понимает, что заставляет согрешить хозяев.

Справившись с работой, Алексей Васильевич выкатил из завозни и запряг ходок, посадил детей и выехал со двора, решив покатать их в честь праздника по станице. Тут и там попадались праздничные повозки, где сидели и стояли сзади взрослые и дети с радостными лицами, разодетые в праздничные наряды. Некоторые останавливались при встрече, сходили с ходков, поздравляли один другого:

- Христос воскрес!

- Воистину воскрес!

И целовались. Перекидывались теплыми словами, обменивались пожеланиями, будто были самыми близкими и доброжелательными. Кто-то после этого заворачивал оглобли и ехал целым поездом в гости. Кто-то продолжал свой весенний путь дальше. А иные ехали верхом, сверкая на нежном солнце яркими околышами казачьих фуражек, лампасами брюк, или заломив набок каракулевые да мерлушковые папахи – зависело от их материального достатка.

К этому времени раненый Ильин уже довольно окреп. Конечно, еще не таким сильным и проворным, как раньше, чувствовал себя. Раны еще давали о себе знать, хотя и всю жизнь будут давать. Но ни от каких работ он не отлынивал. Как бы ни было тяжело, брался со старанием, соскучившись по ним на фронте, и доводил до конца. Это семье, особенно Арине, была большая помощь и поддержка. Думалось, теперь им не страшны беды и печали, лишь только б не было войны.

Их легкий и быстрый ходок облепило много станичных ребяташек. Даже стояли на ступеньках и сзади на гибких планках. Кто был одет еще в шубейки, кто в более легкую весеннюю одежду с вязаными матерями или бабушками шарфами из овечьей шерсти. А кто и просто в душегрейку и даже без шапки.

- Маня, доставай балалайку!- закричали ребяташки.

И откуда-то, как по мановению руки, взялась коричневая Манина балалайка с блестящими на солнышке струнами. Она умело стала по ним брэнчать пальцами и даже негромко петь:

Светит месяц, светит ясный,

Светит белая луна...

И остальные дружно подхватили, запели, хотя и в разнотой, но громко и весело. Аж завылгядывали из окон любопытные жители.

На повороте в переулок у своего дома стояла разряженная вдова Настасья Вязьмина и махала Алексею Васильевичу рукой. Давно он не видел ее такой нарядной и не траурной, в черной одежде, как бывало до этого, а увидел какой-то собранной и даже интересной. С ее будущим мужем Николаем они еще в детстве были приятелями. И на фронт ушли вместе, и воевали в одной сотне. И хоронил его потом Алексей вместе со станичниками в чужой холодной земле.

- Давай почеломкаемся, Алеша!- как будто с вызовом вымолвила она.

И он не мог ей отказать. Спустился с ходка, крепко утер ладонью уста и негромко произнес;

- Христос воскрес!

Услышал ответ, крепко обнял ее и поцеловал.

- Ты вот вернулся, а Николая нет, светлая ему память. Зайди хоть на минутку в избу, помянем моего муженька.

И казак, махнув безнадежно рукой дочерям, чтобы ехали без него, завернул к вязьминскому крыльцу и вошел в дверь.

Дети не скоро накатались на ходке. Вернулись домой далеко после полудня.

- А где отец?- проницательно посмотрев на дочерей, спросила встревоженная Арина.

- Разве он не пришел?- в один голос пропели те.

- Не пришел.

- Еще утром остановился возле вязьминского двора. Похристосовался с теткой Настасьей. Может, куда в компанию попал?

- Знаем мы его компании!- недовольно мотнула головой мать и пошла давать корм птицам.

Сделав все домашние работы, она надела новый сарафан, бархатную жакетку, накинула пуховый платок и выглянула за ворота. На душе женщины было беспокойно, даже скверно. В последние недели ей не раз сообщали, что Алексей Васильевич заглядывает в дом Вязьминых. Сначала он отговаривался, что рассказывает вдове о гибели и похоронах Николая. Потом ссылаясь на то, что позвали полку в кухне прибить, калитку поправить. И хотя Арина Алексеевна была не ревнивой, все-таки червь подозрения завелся и в ее беспокойной голове. А тут еще мимо проходила Маврушка Сорока, как с хвоста, скинула:

- Ты чо одна? Алексей-то с Настей рассекает!

Как кнутом по сердцу, стегнула.

- Чо им, вдовам-то? Лишь бы до чужого да бесплатного добраться, а там хоть трава не расти!- рассуждала она сама с собою.- Так и все калитки им поправит, полки приколотит, что и в дом к ним не попадешь. Я вот вас, язвить тебя.

Она заторопилась в избу, сорвала со стены над кроватью висящий рядом с боевой пашкой револьвер и понеслась на всех парах в сторону вязьминского дома. Остановилась напротив окна, замерла за плетнем. Но в окне было темно. Прошла в переулок, увидела свет за не задернутой шторой кухонного окошка, празднично убранный стол и за ним сидящих в обнимку хозяйку и ее разлюбезного Алексея. Они, видать, были в хорошем подпитии, любовались друг другом и целовались. Кровь прилила к вискам казачки. И без того всегда красные щеки еще

сильней загорелись, слово свежий костер. Она пошарила вокруг взглядом, нашла полено и запустила его в окно. Но промахнулась и попала в простенок.

- Ах вы, суки кундравинские! Как собак, постреляю!- негромко закричала она, чтобы не всполошить соседей, и нацелила на окно зряженный револьвер.

Ее быстро заметили, тоже что-то закричали, потом бросились к двери. Первым к Арине подскочил распаренный в тепле Алексей. Отнял револьвер и принялся дубасить ее кулаками по лицу, спине и бокам, что попадалось под руку, только что-то взбучивало глухо.

- Это что за самоволие, за самоуправство?- шальным голосом завопил он.- Да я тебя, сука красномордая...

От его ударов Арину бросало из стороны в сторону. И она, бедная, не знала, как вырваться. Но тут подбежала Настасья, тоже распаренная и веселая, и начала хватать его за руки.

- Ты чо, Алеша, в своем уме? Законную супругу учишь принародно. Ну-ка кончай, пока полицейский не появился. А ну пошли все в избу!

Нехотя один за другим Ильины и хозяйка потянулись в ее дом. Смыли кровь с лица Арины, что-то говоря и горячо доказывая друг другу. Потом подсели к столу. В центре устроился казак, по бокам женщины. Налили в рюмки вина, вроде стали мириться.

- Ты уж не сердись ради Бога, Арина. Под горячую руку попала,- винился остывший муж.

- Хватит сердчать!- выплеснула хозяйка.- Христос воскрес!

А через полчаса они уже сидели беззлобно, обняв друг друга, и с веселыми лицами пели красивыми голосами, аж было слышно на улице.

Дам кинжал, дам коня,

Дам винтовку свою.

А за это за все

Ты отдай мне жену...

И те, кто их видел в эти минуты, никогда бы не подумали, что совсем недавно между ними шел бой не хуже, чем на германском фронте.

* * *

В последнее время ни слуху ни духу не было от травниковских казаков. В связи с Гражданской войной почта работала плохо, если вообще работала. Письма не приходили месяцами. Весточки передавались со знакомыми. А за тысячи верст не доходили и весточки со знакомыми, ибо не было этих самых знакомых.

И Петр Сорока в 1918 году вместе со своей возлюбленной так неожиданно появились в Травниках, что не верилось. Услышав об этом, в один из вечеров заглянул к нему Алексей Васильевич. Они крепко обнялись, по-мужски расцеловались, долго дружески били по плечам.

- Ну, как, герой, всю немчуру разогнал?- с интересом спрашивал Ильин.- Да еще и с трофеями вернулся?

- Был грех, да не для всех. А вот ты как тут управляешься? На Гражданскую не загремел? А то всех метут. Остатки нашей сотни тоже туда направили. Сняли с поезда в Златоусте. А мы с Зосей сбежали, навоевались под завязку.

- Да ты что?- дивился Ильин.- Просто молодчина. Пошли они все к ядерной матери.

- По приказу Атамана Дутова.

- А я думал, ты мне Гнедка привезешь. Я-то был не в состоянии.

- Моего коня однажды ранили. И я на твоём жеребце с месяц воевал. Спас он меня тоже не раз. А когда мой выздоровел, твоего атаман Морозов забрал. Обещал тебе заплатить за него. Его кобылу убило. Но вот сняли его в Златоусте и в Оренбург вместе с казаками и твоим Гнедком направили.

- Как же вы, Петро, до родных мест добрались в такой-то кутерьме-мясорубке?- поинтересовался Алексей Васильевич,

присаживаясь на табурет возле горячей печки.

- Сам удивляюсь. Доскакали мы до узловой станции, чтобы как-то добиться вагонов и уехать. А там светопреставление. Солдатни, казаков море. Все сгрудились у кабинета станционного начальства. Кричат, хватаются за оружие. Двинулись и мы туда, может, что и обломится. А там чуть ли стенка на стенку не лезут. Пробились и мы со своей стенкой. Лаемся с донскими казаками, тоже ставшими стенкой.

- Нам першим треба ехать до своих базов!- кричат они. Особенно один хрипатый шибздик, смотреть там не на кого.- Го-го-го, как гусак! Мы самые першие казаки в России. А вы, оленбурги, вит нас пишлы, вит донских!

- Как это от вас? Да мы сами по себе. От исетских, уральских казаков. Раньше вас появились на свете по божьему велению?- не сдаемся мы.- Это вы от нас произошли. Даже не от нас, а от облезьяны.

- Сами вы облезьяны! Нас атаман Каледин требует!- рвут красные пасти они. Вот-вот перекричат нас.

- А мы воевали под его правлением, кровь проливали, за что он «георгиев» нам вешал самолично. А чичас по приказу его и атамана Дутова едем в Оренбург усмирять взбунтовавшийся народ,- подал голос и я.

- Какой там шче Дутов или Дутый? Не Дутый он, а дутый - разутый!- не сдавались они и заржали, как кобылы на овес.- Дутый батька... Да мы его раздуем, як бычий пузырь

- А ну-ка смирно, ростовские парижаны, босятва казачья!- рассвирепел наш сотник Морозов, которому надоела перепалка.- Тут я атаман! А кто хочет добиться силой – подходи меряться со мной.

- Убрать его!

- Шашками порубать!- зашумели те.

- Цыц, шмакодьявки! Я вам мотни-то быстро поотрубаю, сучье племя, ехал – погонял!- взревел он медведем и не ударил, а вроде как наотмашь слегка оттолкнул рукой стенку донцов,

и поплыла она, повалилась, как ряд стоячих на попа поленьев, один на другого. И тут мы на радостях заржали жеребцами. И все другие ожидающие.- А вы чего рыгочете?- крикнул он на нас и толкнул другой рукой. Видно, чтобы донцам не обидно было. И мы также неожиданно повалились, гремя шашками, смеясь и матюкаясь. И соперники уже не зло засмеялись.

- Любо, атаман!- приветствовала его вся толпа.- Если бы так вышли один против другого царь Николашка и немец Вильгельм, и побоищ не было б, и народ остался б целым.

- Таким макарком мы и выбили несколько вагонов, погрузились и отправились в путь. И в Харькове нас хотели отцепить, и в Самаре, и в Уфе. Везде с боем продирались при помощи атаманского выражения «ехал – погонял». Я и спал в обнимку с лошаадьми да Зосей. Сколько намаялась она, бедная! Видать, казачья любовь помогла.

- А Морозов коня-то вернет мне?- забеспокоился вдруг Ильин.

- Да он же Оренбург пошел защищать, Троицк. Говорят, им подоспевший Блюхер задал трепку. Сгинул, наверно, наш атаман вместе с казаками и твоим Гнедком, царство им небесное. Да жеребец-то может прийти домой, если целый.

- Жаль атамана, хорошего человека,- сочувственно вздохнул расстроившийся Алексей Васильевич.- А коня своего еще больше жаль. И в бою он незаменим, и в телеге, санях ходить мастер.

- Да, брат Алёша,- с пониманием посочувствовал ему сосед.- Без коня казак – не казак. Всё мы там потеряли, а многие и свои жизни. Я хоть Зосю обрел. А то мать моя умерла, и за детьми некому присмотреть.

- И как она приняла их?- не задумываясь, спросил Ильин.

- Как зайчиха, ведь зайчихи кормят молоком не только своих, но и чужих зайчат, которых встречают в степи.

- Ну, дай Бог.

- Да вон она в ограде. Пойди поздоровкайся.

Они вышли во двор, свернули к стайке, и навстречу им вынырнула с полотенцем в одной руке и с подойником в другой белокурая и ясноглазая полячка. На ней не было модных нарядов, вместо привычных ботишков или модельных сапожек на ногах были обуты обрезки чьих-то сапог. Они хлябали и болтались, стучали по земле каблуками. На плечах красотки была накинута старая тужурка, не застегнутая на пуговицы. По ногам струилась складками черная юбка не первой свежести. И она так непривычно и забавно выглядела, словно неуклюжий медвежонок. И чинно вышагивала по грязному двору, стараясь попасть в чей-то старый след и не расплескать полный подойник только что надоенного молока. И казалось, что от нее самой пахло парным молоком.

- О-о! Пан Алексей!- передавая подойник Петру, звонко пропела она, приобняла Ильина гибкими руками, как близкого человека, и даже чмокнула в заросшую бородищей щеку.- День добже!

- Здравствуйте, пани Зося! С приездом вас на новое место. Думаю, вам тут понравится. Не пугайтесь крестьянской работы, детей и деревенской грязи. Петр – мужик вот такой!- поднял он большой палец.- В обиду не даст. Да и мы с Ариной рядом. Поддержим при надобности. Случатся неприятности – приходите к нам, поможем. Не вздумайте уезжать.

- А для чéго уезжать?- перебила скороговоркой она.

- Мало ли, может, условия не понравятся.

- А деток куда? Не можно так. И быдло кто будет давать хрум-хрум, выгонять пасти? Молочко доить?

- Выходит, понравилось тут?

- Пока понравилось!- в один голос заявили хозяева, и Алексей Васильевич откровенно порадовался за молодоженов. Наконец-то Петр Сорока обретет покой. Да и иноземная невеста не как сыр в масле каталась. С детства в их семье была непродоходимая бедность. А как подросла, расцвела лицом и фигуркой, пришлось идти на заработки в бордель. Собирать и копить

гроши, чтобы как-то прожить и помочь матери-вдове. А что стала проституткой – это судьба-злодейка виновата. Болтают, жена Иисуса Христа Магдалина тоже была падшей женщиной. А потом признана святой. Все в этом мире непрочно, невесело думал казак. Но жить-то надо, коль даровано Богом.

А политические события в России менялись с каждым днем. Начав Гражданскую войну, Временное правительство, контрреволюция и казачьи атаманы решили в одночасье смять молодую Советскую власть, отнять у трудового народа государственные фабрики, заводы и банки, а у крестьянства – землю, основу основ его жизни. Появились тысячи политических проходимцев и трескунов, норовивших забить простым людям головы, сбить с толку и нагреть на этом загребущие руки.

Среди них был и уроженец Оренбургской губернии Александр Ильич Дутов, дворянин казачьего войска, генерал-лейтенант с 1919 года. В Первую мировую войну был заместителем командира казачьего полка. В июне 1917 года избран председателем Всероссийского союза казачьих войск и возглавил контрреволюционный Всероссийский казачий съезд. Был связан с корниловщиной. В ноябре 1917 поднял мятеж в Оренбурге против Советской власти. В июне 1918 года при помощи Чехословацкого корпуса Дутов организовал борьбу за ликвидацию Советской власти на Урале. В 1918 – 1919 годах командовал Отдельной Оренбургской армией в войсках Колчака. Правда, после их разгрома бежал в Китай, где и был убит.

В это самое время и проходили на Южном Урале горячие события. Большевики защищали свою власть, а бывшие «хозяева» старались ее забрать. В спешке готовили боевые отряды казаков и мятежников. Вызывали в станицы и к местам приписки казачьих отпрысков, которые оставили земельные наделы, подались в города, овладели профессиями слесарей, кочегаров, машинистов, дворников, конюхов, ямщиков, портных, служащих всевозможных контор и ведомств. Казачье командование

решило поставить под штыки и сабли всю эту «крестьянско-промышленную» братию.

Вернули в станицу Травниковскую и служащего Омского отделения Сибирской железной дороги Василия Ильина. Он уверенно шагал по профессиональной лестнице и уже дослужился до старшего весовщика товарной конторы. Ему уже маячил пост заведующего конторой, ибо образование и смекалка соответствовали этой должности. И чин должен был следовать ему, только вот службу пришлось оставить, как известному герою Александра Грибоедова. Оставить, правда, не по своему желанию, а по требованию высокого начальства.

Да и начальство это действовало не от легкой жизни, ведь мобилизовались даже хромые и кривые калеки. А почему должны оставаться в стороне сильные, здоровые и умные молодые люди, даже если и давно они порвали с казачеством и жили за тысячи верст от своих родных станиц? Был приказ главнокомандующего Колчака и атамана Дутова, чьи войска в ноябре 1918 года вошли в состав армии адмирала.

Не остались в стороне и Советы, объявив военную службу обязательной для трудящихся от 18 до 40 лет. Даже нетрудовые элементы зачислялись в тыловое ополчение, ведь шла не только Гражданская война, но и началась военная интервенция других государств.

В Травниковской был целый переполох. Мобилизовали всех, кто мог стоять на ногах, ехать в седле или управлять конем в телеге, помогать белым войскам в обозе. Кормить боевые части, заготавливать продукты, фураж, разбивать санитарные палатки, ухаживать за ранеными. Не пощадили Кузикова, обоих Сорок, Ильина, к которому приехал сын, чтобы вместе с отцом уйти в армию адмирала Колчака.

В каждом доме – слезы жен, матерей, детей и скорые сборы. Наспех осматривали и готовили коней, сбрую, телеги, харчи в дорогу. Пробовали острие шашек и штыков. Смазывали барабаны револьверов, чистили их стволы и стволы винтовок.

Ильин тоже не был сторонним наблюдателем. Его любимого Гнедка нет. Придется взять его отпрыска Скакуна, что вызывало в душе суеверного казака тревогу. Как он себя поведет в бою и долгой дороге? Не будет ли пугаться пушечных и винтовочных выстрелов? А какую лошадь дать Василию? Мерина Серка или кобылу Майку? А тут еще отступающие беляки привязались: дай да дай лошадку!

У многих и бабы, а то и целые семьи засобирались в отступление, ведь красные уже заняли Златоуст и Екатеринбург. А на чем ехать? Кого брать с собой – детей, стариков или самим намылить пятки да бежать без оглядки на погибель? А скотину, хозяйство на кого бросить? Не отставала от соседок и боевая характером Арина.

- Я хуже других, что ли?- доказывала мужу.- Рядом с тобой и сыном буду. Присмотрю за вами.

- Может, тебе и шашку дать вострую? Разве из баб воители? А на кого все добро бросишь, ребятишек, скотину?

- А если красные придут, убивать да насильничать станут?

- Не бойтесь, Арина Алексеевна,- вступил в разговор стоявший у них на постое белый офицер Навалихин.- Красные такие же, как и мы, люди. Никто мирных жителей не тронет.

Женщины, дети, слава Богу, останутся и вскоре поймут, что господин офицер был прав.

А в последний перед отступлением вечер Алексей Васильевич крепко выпил с казаками в станичном кабаке. Кто знает, сумеют ли они выжить и встретиться после войны?

Повезет ли кому, или обагрит своей горячей кровью уральскую и сибирскую холодную землю? Потом они еще заезжали к кому-то, добавили. И он погнал махом по родной улице, возможно, в последний раз в жизни. У своего двора резко дернул за повод, чтобы повернуть коня к дому. Тот как-то нервно дернулся всем чутким телом, переходя на рысь. И казак вылетел из седла, что было плохой приметой, упал боком на землю и сильно ушиб. Он лежал какое-то время почти без движения и

корчился от невыносимой боли. Потом пошевелил руками, ногами. С трудом поднял голову и сам кое-как поднялся.

- Вот бешеный черт, мать твою за ногу!- ругнул коня, остановившегося у закрытых ворот. Прошел через калитку и завел во двор Скакуна. Заметно хромя, отвел в конюшню, снял седло и поставил в стойло, к кормушке.

Потом зашел в дом, с кряхтением разделся и, держась рукой за ушибленный бок, на котором скоро появится желто-фиолетовый синяк, осторожно опустился на постель. Завтра с рассветом казаки соберутся, простятся с родными, понуро пойдут к коням и подводам и длинной цепочкой растянутся по Уфимскому тракту. Впереди – отряд конников, возглавляемый новым атаманом Федором Подкорытовым. А за ними – телеги. И вслед им понесется рев жен и детей, как будто траурная мелодия невидимого оркестра провожала их на смертный, последний бой.

23

Миновав верст пять по Уфимскому тракту, командир отряда Навалихин вызвал к себе нескольких конных казаков.

- В шести верстах от тракта есть железнодорожная станция Бишкиль. Чтобы попасть на нее, нужно свернуть налево по медведевской дороге. Там разведать, нет ли красных. И на станции узнать насчет железнодорожных вагонов. Можно ли их мобилизовать на помощь нашей армии и погрузиться в них вместе с лошадьми, чтобы удалиться хотя бы до Кургана, а там устроить капитальную оборону и дать отпор войскам Блюхера,- сказал капитан Навалихин, вроде уже как старший над травниковскими казаками.- Есть желающие?

- Есть, господин капитан!- недолго думая, заявил Василий Ильин.- Я – бывший работник железной дороги.

- Похвально, молодой человек. Возьмите еще двоих-троих и поезжайте с Богом.

Взяв с собой молодых ребят Витьку Сороку и Пашку Крас-

ноперова, Василий прищпорил коня, и они поскакали крупной рысью вперед, временами переходя на галоп, аж за ними за клубилась горячая пыль. Стоял жаркий июль. В долине реки Бишкиль на их пути раскинулось торфяное болото, Торфяник, как его называли местные жители. Но они не поехали в объезд, где было на две версты больше, а гуськом направились напрямую, по небольшой тропе. Лето высушило много влаги, и они выбирали сухие места, ехали тихим шагом, чтобы случайно не провалились лошади и не сломали ногу.

У села Медведева была возвышенность, и пошел твердый грунт. Значит, можно увеличить скорость. А вскоре до них донесли разрывы артиллерийских снарядов. Станция отсюда находилась верстах в трех-четыре. И на подъезде к ней они стали натягивать поводья и сдерживать бег коней, ибо не знали, в чьих она руках. На улицах хутора было пустынно. И они спустились с небольшой возвышенности, подъехали к самому вокзалу. На другой стороне линии, недалеко от пакгауза, стоял на бровке насыпи белый офицер и что-то кричал невидимому за откосом человеку.

- Пойду и спрошу его,- бросил Василий,- а вы тут будьте внимательней.

Он протянул повод Витьке Сороке, а сам направился через железнодорожные пути навстречу офицеру. Но в это самое время послышался свист и близкий разрыв снаряда, который угодил прямо на то место, где только что стоял офицер в белом кителе и синих галифе. Василий не растерялся и сразу же присел, моментально расслабил мышцы ног. Но осколки пролетели выше его, посекали ветви тополей, закрывающих станцию с южной стороны.

Ильин кинулся назад, на ходу бросил землякам:

- Заводите коней за строения! Я пойду к дежурному.

Дежурный по станции, мужчина лет пятидесяти, стоял в небольшом коридорчике и с опаской выглядывал из-за желтых дверей.

- Добрый день, господин дежурный. Что тут у вас творится?- задал он вопрос.

- Дык война тутака, едри ее в хомут! Хлещут друг дружку неприятели. Вот и стекла повывадили, теперь вместо их хоть задницу вставляй. Сперва заняли белые, потом стали наседать красные. Никак скоро выбьют и этих, колчаковцев, едри их в хомут! А мы страдаем. Не дай Бог станцию размолотят, избенки и стайки наши! Где жить-то станем?

- А вагонов у вас нельзя добиться?- почти без надежды спросил казак.

- Какие вагоны, господин хороший? Видишь, пути пустые. Белые все забрали. Драпают без оглядки. Наверно, и перегоны, и мосты повредили. Так что покорно извиняемся...

Поняв, что из их затеи ничего не получится, травниковцы по-молодецки вскочили в седла и поскакали обратно. И их еще долго провожали звуки разрывов снарядов. Отряд их ожидал на Уфимском тракте. Выслушав доклад Ильина, капитан Навалихин скомандовал:

- Трогайте, господа! Едем на Челябину.

И они тут же выступили. Впереди ехали конники с оружием наготове. Посередине – повозки. А сзади тоже ехало несколько всадников. Это был созданный на всякий случай заградительный отряд, если вдруг нападет неприятель. У них и шашки под рукой, и винтовки заряжены.

На одной из подвод лежал Алексей Васильевич Ильин. У него сильно болел бок, и он время от времени негромко постанывал. Его конь был привязан сзади телеги.

- Живо-ой?- для приличия спрашивал Иван Сорока, хитро ухмыляясь про себя.

- Живо-ой, слава Богу,- с кряхтеньем отвечал тот, и его лопатообразная борода слегка колыхалась.- Весь бок синий, отбил. Как воевать-то стану?

- А чо нам воевать да пластаться со своими же, русскими, ведь не германцы они?

Пусть атаманы пластаются, им больше всех надо, звания дадут. Да наш Петька-дурак с твоим Васькой-ученым. А мы и без капитализма, и без революций проживем. Лишь бы нас не трогали. Пугачевский-то бунт подавили жестоко. А сколько нашего брата-казака в нем порешили?! Давай лучше шапку в охапку и будем драпать под бочок женок.

- То-то и оно, чтобы не трогали, мол, моя хата с краю, я ничего не знаю. А кто знать-то будет, дед Пихто, что ли, да больше никто? А за драпанье пойдешь под трибунал,- повысив голос, недовольно пробурчал Алексей Васильевич, пытаюсь повернуться на другой бок. И тут же застонал от сильной боли, закашлял.- Вот, мать твою за ногу! Расхворался...

А его сын не то вел агитационную работу, не то просто душевно рассказывал землякам.

- Эти штучки с баталиями и игры в войну императоров и капиталистов обошли только двенадцати участвовавшим в мировой бойне государствам потерей свыше 20 миллионов человек. Из них Австро-Венгрии 4,4 миллиона, Германии – 4,2, России – 5 миллионов человек, невинных граждан. А на долю США, как всегда, меньше всех – только 1,2 процента погибших. От воздействия разных боевых средств погибло много мирного населения. Произошло массовое уничтожение материальных средств, общая стоимость которых составила 58 миллиардов рублей. Целые районы, особенно в Северной Франции, превращены в пустыню. 3,5 миллиона человек остались калеками.

А сколько затрачено средств, чтобы задействовать в войне миллионы винтовок, пулеметов, снарядов, патронов, пушек, минометов, самолетов, танков, автомобилей! Одной колючей проволоки израсходовано 4 миллиона тонн! Многочисленные армии требовали непрерывного обеспечения их продовольствием, обмундированием, фуражом.

Русская армия только за три года потребила почти 10 миллионов тонн муки, 1,4 миллиона тонн крупы, почти 9 миллионов тонн мяса, более 11 миллионов тонн фуражного овса, 20

миллионов тонн сена и так далее. Общей стоимостью в 2,5 миллиарда рублей.

На фронт было отправлено 5 миллионов полушубков и бушлатов, более 38 миллионов фуфаяк и телогреек, свыше 75 миллионов пар нижнего белья, 86 миллионов пар сапог и ботинок, 6,6 миллиона пар валенок. На военные рельсы перешли более половины всех предприятий. Только в 1917 году на нужды войны в России работало 76 процентов рабочих. Поэтому не хватало товаров народного потребления. Поэтому цены безбожно выросли в несколько раз, начался голод, бескормица. Так кто в этом виноват – Ленин, большевики и идущие вместе с ними партии, которые были против продолжения мировой войны, или царь, капиталисты, которые ее развязали, как и гражданскую, и хотели нажиться на горе народа?

- Конечно, царь и капиталисты!- единогласно соглашались слушатели.

- То-то и оно, а валят на большевиков,- пояснил оратор.

- Ну, ты и Цицерон!- дивились казаки.

- Ну что вы, куда мне до Цицерона! Я, может быть, только малая частичка его дубины,- шуткой отмахивался Ильин.

- А коли ты против царей и богачей, тогда зачем идешь на войну, чтобы погибнуть?

- Радость народа – моя радость. А беда России – моя беда. Поэтому и иду на смерть. Не могу оставаться сторонним наблюдателем.

- А ведь правду-матку он режет, мужики!

- Конечно, правду!- дружно загалдели его спутники.- Поэтому за народ надо, а не за царя и господ. Правильно, что вышли из мировой войны, а вот из Гражданской выходить нельзя, нужна только победа. За народ, ребя, за наро-од!

- А казаки-то за кого и с кем должны идти?- подал голос Витька Сорока.

- Да ведь казаки-то тоже разные бывают,- начал доходчиво объяснять Ильин.- «Голытьба» и «Нетяги» - это бедные слои.

«Домовитые» - средние, из которых выделялась богатая верхушка, захватывающая руководящее положение в казачьих обществах, образовав группу старшин. К началу 19 века «старшина» вошла в состав дворянского сословия. Служилые казаки разделялись на городских (полковых) и станичных (сторожевых) и использовались соответственно городов и сторожевых постов, за что получали землю от правительства на условиях поместного владения и жалованье. Как социальная группа эти казаки были близки к стрельцам, многие переводились в податное сословие и вошли в категорию однодворцев. Другие вошли в состав казачьих войск, например, Оренбургского, Сибирского. Но это научно-историческая трактовка. А ты, Витёк, уж сам выбирай, к какому сословию относишься и к какому тебя тянет.

- Скорее всего, к голытьбе или нетягам,- почесав грязным пальцем затылок и осмотревшись, промямлил Сорока.

- Тогда тебе по пути с Пугачевым, как и нашим предкам было.

И казаки захохотали.

- Эй, ты, нетяга!

- А вы-то больно тяги! Хмельные от спиртяги! Ответил тот сердито и дал коню шенкелей.

* * *

Челябинск их встретил неприветливо. На подъезде к городу, в котором редко кто из них успел побывать, было выставлено несколько боевых застав, откуда грозно смотрели жерла артиллерийских орудий и непримиримо ощерились стволы пулеметов, винтовок. Тут и там зловеще горели и чадили костры. Их огонь отгонял ночной мрак, из которого в любую минуту могли выскочить разношерстные по одеянию отряды красных. На них не было единой формы. На одних висели скатки шинелей, напялены буденовки с красной звездой. На других – дражные фуфайки, тужурки чуланной свежести, рваные сапоги или старые ботинки, нередко просящие каши, а то и простые лапти,

в которых удобно выполнять полевые работы, но никак не воевать. На некоторых были накинута приталенные и со сборками недлинные кавалерийские бушлаты с короткими стоячими воротниками и железными крючками вместо пуговиц, что-то в виде казакинов, удобных для верховой езды. У многих на груди или фуражке красовались красные банты, горящие, как майские маки. Это в основном была непросветная беднота, рабочие и крестьяне Самары, Уфы, Златоуста, Бердяуша, других мест Оренбургской губернии. Татары и башкиры в рваных шубах, затхлых от долгого лежания в сундуках, сарыках, мохнатых шапках с лисьими хвостами. По одежде было заметно, что собирались надолго, чтобы не замерзнуть холодными уральскими и сибирскими ночами, в дождливую и снежную пору.

Вооруженные кто винтовкой, шашкой, дробовиком, а кто и вилами-трезубцами, топорами, будто хотели растревожить в берелогах диких медведей и поднять их на рогадины.

Их отряды были мобильные и юркие. Вроде и кони маленькие, лохматые, монгольской породы, но бегали резво и не мерзли холодной зимой.

- Секир башка будем делать баям и болярам-помещикам!-то и дело бешено вскрикивали они вместо приветствия своим сотоварищам, и те, хватаясь за кривые дедовские сабли, дружно отвечали:

- Секир башка неверным!

Нередко нацмены и пели, видимо, для большего устрашения:

Ай, барма, ай, барма,

Троцкий, Ленин, дай война!

Не подгадим никогда...

- Вон голь безлошадная и неумолимое зверье прет!- предупреждали отцы-командиры белых полков и дивизий.- Смотрите в оба, чтобы ночью не вырезали, как баранов, или не угнали в полон.

- Дикари-и! Власти захотели, земли! Мы вам повластвуем,

вздернем на рейки, как пугачевцев, и пустим по Миассу, Тоболу, Иртышу, по самой Оби-матушке и батюшке Енисею!- грозилась белые чины, стараясь поднять настроение плохо послушных подчиненных, которые ночами и при любом хорошем случае покидали свои подразделения и переходили к красным или разбегались по домам.- С нами Бог и правитель Сибири Александр Васильевич Колчак!

- То-то и от самой Самары чешете на всех парусах от этих дикарей!- негромко смеялись простые солдаты-крестьяне и казаки.- Натравливаете брата на брата, отца на сына. Бог-то вас, смутьянов, накажет за это!

Чувствовалось, что людям не хотелось воевать. И пока не отошли далеко от родных мест, стали сбегать ночами. После первых же выстрелов пропал вместе с конем и телегой непоседливый Иван Сорока. А потом часть чебаркульских, малковских и филимоновских казаков, с которыми объединились перед отправкой и дорогой.

Да кому охота погибать за здорово живешь, за чьи-то помещичьи угоды, капиталы в банках, фабрики и заводы, которые присвоили себе богатеи? Пусть сами и воюют, а бедному люду ближе по духу красные отряды, где такая же непросветная голытьба, как и они сами.

А войска Восточного фронта, 32 тысячи штыков и сабель, которыми командовал Михаил Васильевич Фрунзе, овладев Златоустом и Екатеринбургом, преследовали впопыхах отступающего противника, спешили овладеть Челябинском и Троицком. Отбросить врага к югу от Сибирской железнодорожной магистрали и выйти к реке Тобол на участке Кустанай – Иковская. Войскам 5-й армии Тухачевского противостояла белогвардейская армия генерала Сахарова – 27,5 тысячи штыков и сабель. Командование белогвардейцев совершило попытку уничтожить 5-ю армию фланговыми ударами с севера и юга. Для этого были созданы две ударные группировки: генерала Войцеховского (16 тысяч штыков и сабель) и генерала Каппеля (10 тысяч штыков

и сабель), то есть в общей сложности почти в два раза больше, чем у красных.

5-й армия, преследуя белых, вышла к Челябинску. И 24 июля ее 27-я стрелковая дивизия при содействии восставших рабочих овладела городом. И как ни пытались белогвардейцы генерала Каппеля прорвать фронт с юга, потерпели неудачу. 29 июля 5-я армия перешла в решительное наступление. А 21-я стрелковая дивизия форсированным маршем двинулась на Сибирскую железную дорогу и в районе станции Шумиха перерезала единственную коммуникацию белогвардейцев.

Разбитые в районе Челябинска колчаковские войска в панике отступили за Курган и реку Тобол. А 4 августа 24-я стрелковая дивизия освободила Троицк.

В результате Челябинской операции было завершено освобождение Урала Красной Армией и обеспечен выход на просторы Сибири. Колчаковские войска были рассеяны на восточную (1-я и 3-я армии) и южную (2-я армия) группы, потерявшие оперативную связь между собой. А 15 августа Советские войска вышли на реку Тобол.

- Почему же Красная Армия так успешно продвигалась вперед?- задавали и ныне задают себе вопрос многие и многие люди, правители и политики, помещики и бедняки, рабочие и крестьяне.- Ведь у верховного правителя России и главнокомандующего всеми белогвардейскими вооруженными силами страны Колчака к весне 1919 года была создана армия до 400 тысяч человек? В том числе около 30 тысяч отборных, вроде бы до конца преданных царской короне и вымуштрованных офицеров, 140 тысяч штыков и сабель?

Надо к этому дополнить, что правительство США передало Колчаку кредиты, предназначенные ранее Временному правительству, и представило в счет их 600 тысяч винтовок. Великобритания – 200 тысяч комплектов обмундирования. Франция – 30 самолетов, свыше 200 автомобилей. Колчак располагал огромным золотым запасом России, захваченным Чехословац-

ким корпусом в Казани летом 1918 года в сумме 651,5 миллиона рублей золотом и 100 миллионов кредитными билетами. За поставку вооружения и других материалов в 1919 году Великобритании было передано 2883 пуда золота. Японии – 2672, США – 2118, Франции – 1225, а всего свыше 9200 пудов золота! Государственного золота, то есть народного!

Колчака, как говорят исторические источники, активно поддерживали уральская и сибирская буржуазия, казачья верхушка, кулачество, городская мелкая буржуазия, башкирские и бурятские буржуазные националисты и феодалы, а также капиталисты, помещики, чиновники и офицеры, бежавшие из Центральной России. Колчак признал все иностранные долги России, чтобы понравиться мировым банкирам, чем подкупил другие страны (свыше 12 миллиардов рублей), вернул капиталистам национализированные Советской властью фабрики и заводы, широко субсидировал их, раздавал иностранным капиталистам концессии, почти всюду разогнал профсоюзы, жестоко преследовал коммунистов, революционно настроенных рабочих и крестьян, ликвидировал Советы. Отбирал у крестьян земли и возвращал бывшим владельцам. Вел политику под лозунгом «единой и неделимой России».

Восстанавливались старая власть, законы и порядки. Во главе губерний вновь ставились губернаторы. Революционные выступления жестоко подавлялись: только в Екатеринбургской губернии было расстреляно свыше 25 тысяч человек. А апологеты царизма и капитализма уже целый век пускают крокодиловы слезы и рвут луженые глотки по поводу якобы беспощадно убиенной в Екатеринбурге приснопамятной семьи императора Николая Второго, по чьей личной вине погибло в Первой мировой войне 5 миллионов русских. А разве их потеря и расстрел 25 тысяч невинных екатеринбуржцев дешевле жизни царя, незаконно признанного за свои грехи и деяния святым? А эти 25 тысяч мучеников - не святые, простые смертные и грешники? Господи, да отними ты у тех мракобесов поганый язык, кто не

только бессовестно отстаивает эту галиматью, но и заикается об этом! На раскаленной сковороде на том свете жариться их паскудным языкам!

Колчак вместе с другими «радетелями России» допустил в страну иностранную интервенцию, войска которой грабили Россию и уничтожали советский народ. А кто первым открыл концентрационные лагеря? Снова его Величество адмирал Колчак, где тысячами уничтожался невинный народ! Да, он кое-что сделал для своей империи в деле разработки минной защиты на море, в географической экспедиции. Но это и малой толики не покроеет того, разрушенного, побитого, искореженного, расстрелянного по его немилосердному приказу, тех потерь, которые обречена была понести бедная Россия.

Потому и поднялся трудовой народ против власти царей и их приспешников. Рабочий класс, несмотря на свою малочисленность, стал ведущей силой в борьбе против колчаковщины. И вспыхивали восстания в Омске, Канске, Бодайбо, Тюмени, Томске, других регионах.

Даже недовольное налогами Советов крестьянство не хотело по призыву Колчака вступать в его армию, а затем вообще перешло к партизанской борьбе против него, которая охватила значительную часть Алтайской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний. Возникали крупные партизанские объединения. Все это и привело к кризису колчаковщины. Боеспособность армии упала. Чехословацкий корпус под влиянием революционной пропаганды и поражений уже в конце 1918 года отказался сражаться против Красной Армии и требовал отправки из России. Ослабло и снабжение воинства Колчака Антантой.

На всю оставшуюся жизнь запомнил Василий Ильин челябинское сражение. Несмотря на пушки и пулеметы, встречающие беспощадным огнем и металлом наступающие отряды красных, они перли и перли, как одержимые, не обращая внимания на падение товарищей и потери. Видно, так сильно жаждали победы. Все больше тесня защитников, кавалерия и

пехота противника отбивали улицу за улицей, продвигаясь все дальше к центру, восточным и южным окраинам.

Отряд травниковских казаков был выпущен из резерва, когда уже не было сил защищаться. И они с криками, руганью понеслись навстречу «красным макам», как прозвали бойцов армии Фрунзе. Вдруг из переулка, целясь им в бок и норовя распороть надвое, с гиканьем выскочила кучка красных конников. Как раз с этого края и скакал молодой Ильин. Он заметил краем глаза, как один из нападающих, еще совсем безусый парнишка, направил своего солового и лохматого скакуна прямо на него. По форме одежды Василий определил, что это был оренбургский казак, может, даже из соседних хуторов. Красный от скачки и напряжения, жажды победы и крови, казачок резким рывком вскинул блеснувшую на солнце шашку и хотел утянуть наискось тела Ильина.

- Езжай мимо, не трону!- только и успел крикнуть травниковский казак, но шашка того уже опускалась в его сторону.

Конечно, Василий не хотел по глупости умереть, как и не хотел воевать со своими. Но своя рубашка ближе к телу, ведь этот мальчишка наделает бед, за долю секунды догадался он и умелым боковым движением выбил из руки того шашку и тут же ударил плашмя по шее или плечу, чтобы не зарубить, а ушибить. И тот, всплеснув тонкими руками, неуклюже вывалился из седла и какое-то время не мог высвободить ногу из стремени, его потащило по земле, пока не высвободилась нога и он не покатился по дорожной обочине.

В тех боях из их отряда погибло человек десять. Пятеро были из станицы Травниковской и ближних хуторов.

- Так мы все поляжем!- недовольно высказывались казаки.- А за какой, собственно, хрен? Чтобы помещик Мохирев набивал деньгами свои бездонные карманы?

- Бежать надо, ребя, пока целы!- все чаще признавались станичники.- Колчак-то давно пятки намылил, как и его генералы. А мы рыжие, что ли? Нам больше всех надо?

Армия Колчака несла трагические потери и отступала в беспорядке, аж падали на ходу от перегрузки насмерть загнанные кони. В этом воинском хаосе вместе с армией бежал и травниковский отряд. Алексею Васильевичу стало немножко полегче, и он уже не только ездил в телеге, но и садился в седло. Сын старался находиться рядом, чтобы помочь в трудную минуту.

Однажды, когда они еле успели переправиться через Тобол на правый берег и взорвать мост, их настигли красные. Близился вечер, и сил уже не было ни у тех, ни у других. Белые расположились саженьях в ста пятидесяти от берега в еле заметной низинке. Не ближе ста саженей были от левого берега и красные. Сил не осталось ни у кого. Да и мост был взорван, а переправляться вечером вплавь по широкой и быстрой воде было чревато горькими последствиями.

Разожгли костры, чтобы греться холодной ночью и отгонять навязчивых комаров и мошку. Повара готовили ужин, кормили уставших и голодных людей, у которых с раннего утра не было во рту и маковой росинки. А казаки еще и заботились о лошадях, тоже еле передвигающих ноги. Отпустили их пастись на прибрежную поляну. Пасти в тот день была очередь Ильиных. Да и приглядеть за рекой, противоположным берегом не мешало. Вдруг непредсказуемые красные попытаются форсировать реку и напасть? Не зря говорят: береженого Бог бережет.

Пастухи разожгли костер недалеко от крутого берега, чтобы не быть на свету, прилегли подальше от него по ветру, чтобы дымком отгоняло мошку и комаров. И мирно посматривали на пасущихся коней и вражеский берег. От реки несло прохладой, и уставших за день казаков клонило в сон. Но сон на посту опаснее смерти. Поэтому то подкидывали хворосту в костер, то негромко переговаривались.

- Когда же кончатся наши лишения?- спросил отец, лишь бы не молчать.

- Думается, не скоро. Пока красные не разобьют нас окончательно,- со знанием дела отвечал Василий.- Антанта же ввя-

залась. И хотя кое-кто помощь сбавил, американцы с японцами заняли Дальний Восток. Народ и большевики против иностранной интервенции. И мы постараемся побыстрее закончить с ней и Гражданской войной.

- Откуда ты все это знаешь?- удивился и как-то робко спросил отец. Уж больно совестно ему было спрашивать и узнавать от сына, которого он сам по казачьим законам должен учить уму-разуму.

- Еще учась в Златоусте, я посещал один довольно любопытный кружок, где встречались свободолюбивые люди и занимались политическим и экономическим образованием. Учился и я у умных людей. А когда поехал на работу в Омск, они дали мне адреса, куда обратиться, и дали нужные рекомендации. В Сибири мне и встретился известный революционный деятель, член партии с 1905 года Самуил Моисеевич Цвиллинг. Участник революции 1905 - 1907 годов, приговоренный, кстати, к смертной казни, замененной потом пятью годами тюрьмы.

- Жид, что ли?- неожиданно перебил отец.- И надо было казнить, чего от них ждать хорошего, кроме смуты да ростовщичества?

- Ну, ты скажешь! Он ведь за бедный народ стоял, за нас с тобой в том числе,- с жаром возразил начитанный сын, отогнав навязчивого комара.- И потом большевики стоят за интернационал, то есть за международное объединение и братство рабочих, чтобы не давать разгулу богачам. У нас не будет национального деления, ведь дружишь же ты с башкирами и татарами, кунаков имеешь. Все люди будут братья друг другу.

- Во-она, куда вас занесло, мать твою за ногу!- откровенно дивился старый казак, во все глаза глядя на молодого.- У вас так и хозяйство будет общее, и семьи, и жены? А зачем? Да и мы пока не голодранцы с тобой.

- А ты думаешь, мы богачи? Хозяйства коллективные, возможно, и будут, ведь Русь стоит на соборах. А вот за семьи и жен не беспокойся. Это дело строго индивидуальное,- не без

улыбки пояснил сын.- Мы пока не голодранцы, но скоро ими можем стать. А Цвиллинг вел партийную работу в Тобольске, Екатеринбурге, Троицке. После февральской революции 1917 года был председателем Челябинского совета комитета РСДРП. С ноября 1917 года создавал красногвардейские отряды для борьбы с мятежом Дутова. Стал председателем Оренбургского военно-революционного комитета. Убит белоказаками.

Он поднялся, чтобы посмотреть лошадей. Отец этим временем подбросил дров в затухающий костерок. Долго и пристально смотрел на чужой берег.

Обойдя поляну и убедившись, что все кони тут, Василий вернулся на место, поудобнее улегся на брошенный на траву бушлат и приготовился к дальнейшему разговору, как вдруг с неприятельского берега донеслись слова до боли знакомой и любимой песни:

При лужке, лужке, лужке,
При зеленом поле,
При знакомом табуне
Конь гулял по воле.

Ильины в растерянности глянули друг на друга и, ничего не соображая, тревожно закурили головами, пока не поняли, кто поет и почему поет эту песню, ведь это их, казачья, песня? И почему ее кто-то еще должен любить, кроме потомственных казаков? Даже собирались выстрелить в ту сторону для острас-тки. А песня продолжалась и набирала силу, мелодичность.

Ты гуляй, гуляй, мой конь,
Пока не поймаю.
А как поймаю – зануздаю
Шелковой уздою.

И снова их взгляды беспокойно забегали по сторонам. Показалось, что песня доносилась уже с другой стороны, от их стана.

Как поймал казак коня,
Зануздав уздою,

Вдарил шпоры под бока –
Конь летит стрелою.

И они догадались, что оба лагеря одновременно подхватили эту старую казачью песню, и она могучей волной поплыла по обоим берегам широкого и неутомимого Тобола. Уходила далеко в степь, будила станицы и села, будто призывая бросить ненужные распри, кровавые споры и войны, сесть в один большой круг и дружно запеть всем хором, всей Россией, чтобы навсегда вернулись мир и свобода, радость и счастье. Чтобы рождались и смеялись дети. И неслась, неслась над Зауральем и Сибирью могучая и примиряющая песня. И затихала тайга, замирало от удивления и напева все живое, все бегающее, летающее, скачущее, будто невидимая энергия пронизала.

Ты лети, лети, мой конь,
Лети, торопись!
Возле милкиных ворот,
Конь, остановися...

И травниковские казаки были ошарашены этим непредвиденным явлением, этой чудом-песней. Да, скорее всего, не только они, а все, кто находился на разных берегах одной реки. Молчали отец и сын Ильины, будто разучились говорить. Каждый размышлял про себя: «И в самом деле, чего воевать, чего нам делить? Земли у нас – шестая часть планеты, больше всех, от Черного и Балтийского морей протянулась на 11 тысяч верст до самого Тихого океана и Чукотки, включая могучий Урал и бескрайнюю Сибирь. И земли эти открывали и присоединяли к матушке России они – казаки, во главе с Ермаком Тимофеевичем и Семеном Ивановичем Дежнёвым. Так чего нам делить, самим открывшим и завоевавшим эту землю? Свою землю?!»

И только пламя костра высвечивало в их глазах редкие скупые мужские слезинки. Видать, до самого нутра, до самого сердца пробрало казаков. Значит, об одном думали и терзались.

Наверно, уже никто толком не помнил и не знал, как появился в станице австрийский военнопленный Ганс Штраус. То ли по какому-то государственному распределению, то ли по направлению начальства он попал сюда. А может, его привезли в качестве трофея станичные казаки, любители пошутить и отмочить хохму. Между собой его так и называли: «Немецкая трофея». Поначалу австрияк все присматривался - приглядывался. Был, как говорится, тише воды, ниже травы. Ростом высокий с худыми руками, ногами, длинной шеей и отвислым животом, он походил на экзотическую птицу. Из-за этого или из-за со-звучной фамилии его быстро нарекли Страусом.

Контроля за ним никакого не было, разве до контроля в русской безалаберности? И он как бы был брошен сам на себя. Да и до него разве в такой суматохе, когда, словно холерная волна, прокатились по станице то мобилизация на войну с германцем, то отступление белой армии, то наступление красной, все сметавшие на своем пути, выметавшие сусеки и не оставившие ни одного путного или здорового мужика? И мужские руки стали цениться в хозяйстве на вес золота.

Поначалу Ганс пристроился в пастухи. Помогал пасти большое стадо местных жителей. За это платили хлебом, молоком, одеждой, деньгами. А сердобольная хозяйка могла приютить и на ночь. Потом, когда начинались полевые работы, уборочная, он помогал бабам и ребятишкам косить сено и хлеба, молотить снопы и резать скот. Жил на хороших харчах, ибо хозяйки старались ему угодить, чтобы не нанялся в другой двор. И его уродливый живот все больше полнел, как у голодного клопа. И он был почти нарасхват.

- Господин Страус,- уже почтительно обращались к нему казачки,- не могли бы вы завтра помочь на сенокосе? Не бес-платно, конечно.

- Вас ист дас Страус?,- недовольно спрашивал он, выкатив зеленые глаза.- Это есть птычка? Их есть не Страус, а Штра-

ус. Композиторы Австрии Штраусы – слышали? Это есть мой грозфатер, дъедушка, а другой – дъядья. Вальсы писали.

- Извините, не шибко грамотные мы, в композиторах не разбираемся

- Ви есть русский дур. Но ладно, ми вас буддем учить культу,- благодушно махал тот рукой, словно отпусках грехи и снисходил до крестьянских бед.- Будем маленько кос-кос и горка делать.

«Горка» в его понятии, очевидно, был стог или копна.

- А ви за эт дает шиллинги или курка, гуська, брод тоже.

- Дади-им, только помогай!- с неподдельной радостью соглашались те.

И австриец незаметно богател, жил, как в раю, небось, как и в родной Австро-Венгрии не жил. И все больше задира л нос, вроде как уже мелким помещиком себя почувствовал. Домишко купил за бесценок у осиротевших детей. Все больше прирезал от вдовушек-соседак огорода, ведь им все равно не справиться. Сажал картошку, бобы, огурцы, капусту. Приторговывал ими возле Чебаркульского металлического завода. Решил и сходную бабенку присмотреть. Вначале для успокоения похоти закинул словечко Зосе Сороке, мол, она легкомысленная особа, имеющая половую слабость.

- Пардон, мадам, ви не хотели бы с нами раздеться и немножко поиграть в либен, э-э-э, любовь?

- Что вы себе позволяете, вельможный пан, мы же не в Австрии-потаскухе? Я замужняя дама и верна своему рыцарю-казаку, своей птичке с длинным клювом. Добже поняли?- возмущенно высказалась она и не захотела дальше разговаривать. Пошла своей дорогой.

Не особо расстроившись, Ганс стал коршуном кружить возле Власихи. Раз зашел – навесы на калитке поправил. В другой раз – плетень на огороде, чтобы скот не лез. И смотрел на нее такими преданными и просящими глазами, что бедная вдовушка не могла отказать. Вот и заночевал не однажды. Власиха –

баба, конечно, не первой свежести, вдова, иногда с горя и тоски рюмочкой баловалась, но эту слабость он быстро искоренит.

- Давай будем жить, два хауз объединять в один домишко,- предложил вскоре он.- Вести один хозяйств.

Вспомнила Власиха свои вдовьи мытарства, ведь гвоздя некому вбить, поросенка зарезать, огород вспахать, а этот хоть засраный австриячишка, как его называли местные, хоть и табак жует, но все-таки какой ни есть, но мужичок. Попытка – не пытка, решила она, согласно кивнув головой.

Была у Ганса вредная привычка – жевать табак. От этого его редкие длинные зубы, похожие на огородные колья, аж почернели. Из рта пахло жеваным табачищем.

- Да ведь не из его поганого рта кушать мне!- успокаивала она себя.- Ты и сама – не принцесса, полстаницы пьяных мужиков пропустила через свою постель. Какого рожна еще надо? Не гневи Бога. А на этого бугая еще можно грузить да грузить. Пусть мамону-то растрясет немного, на благо России поработает. И станут наши два «хауза» «гроссхаузами»,- захохотала Власиха от удачно найденного выражения.

И они зажили одним двором. И на огороде, и во дворе, и на поле работали вместе. И она все чаще стала улыбаться, а то и радостно петь:

Я, бывало, всем махала
На прощание платком.
Но таких, как ты, нахалов
Не отгонишь молотком.

- Данке щён!- благодарно кивал освоившийся в станице пленный, понимая сказанное ею через слово.

Да это его не очень и смущало, ведь русские бабы любят пустословить и не особо ценят время. Главным было то, что он без особого труда нашел в России свое счастье. Хозяйство его росло и наполнилось, как на дрожжах. Так может и богатеньким стать, пока эти русские дураки хлещутся между собою. А там

что Бог пошлет. Не нужно загадывать, чтобы не спугнуть птицу счастья, удачу.

И родился на русской земле новый стяжатель. А в станице уже начали побаиваться австрийца. То забьет насмерть пролезших через плетень в огород чужих цыплят, то пырнет вилами тянувшую шею через загородку сеника корову. Уже и слезы бабьи лились, и жалобы атаману были. А вскоре наступило безвластие, когда казаки покинули родную станицу. Вот-вот местную власть приберет в свои загребушие руки Ганс Штраус, аппетиты которого росли с каждым днем. Это похуже атамана и Совета будет, с боязнью думали травниковцы.

Но тут по станице, как гром среди ясного дня, прокатилась неожиданная весть:

- Иван Сорока вернулся! Что-то будет...
- Разве Гражданская война закончилась?
- Где там закончилась? Сбежал из армии!
- Свят-свят, и в армии уже нет порядка...

Он появился ночью. Подвернул к своему двору, с трудом открыл ворота, взял под уздцы лошадь и завел в ограду. Телега дико заскрипела, и он ругнулся, не в силах сдержать себя от долгой и утомительной езды.

Когда достучался домой и вошел в куть, ему на шею бросилась заспанная и растрепанная Мавра.

- Тятенька наш приехал, спаситель!- запричитала она от счастья, обливаясь слезами.- Слава тебе, Господи!

- Все, вернулся! Отвоевался! Баста! Хватит рёвы пускать, детей разбудишь,- успокаивал он жену.

- Война-то закончилась?- с надеждой допытывалась она.

- Какой там закончилась? Еще толком и не начиналась!- не обдуманно, как всегда, выпалил он, и Мавра еще больше перепугалась.- Это я сам закончил свою войну. Голову сложить за Колчака – это каким дураком надо быть? И позиций его я не разделяю, ведь не богатея, не пил кровь из трудового народа. Не успели мы прибыть в Челябину, как поперли красные дьяволы,

словно немилосердная саранча. Ни конца, ни края не видать. И это простые, бедные люди, значит, вынудила их жизнь! Отбивались мы, отбивались, а сила и правда, видать, на их стороне. Я это нутром почуял. И потом улучил момент, запряг лошадку и ушмыгнул темной ночью, какмышь.

- Ведь покарают за это,- вставила фразу супруга.

- Кому и за что карать? Нам надо их всех карать за то, что одну войну не успели закончить, как они вторую затеяли, бьют, не жалея, нашего брата-казака и трудовой люд. Вот я и сорвал когти. Ехал трактом и по темноте, чтобы не угодить кому-нибудь в лапы. И белых боялся, и красных остерегался. Кто знает, что в их дурных головах, еще примут за дезертира или шпиона. Чуть где увижу или услышу кого, сворачиваю в лес, чтобы не сцапали, не расстреляли или с собой не забрали. Пробирался проселками. А тут еще у Полетаева колесо заскрипело: скурлы-скурлы. Ступица полomalась, спицы чуть не рассыпались. Кое-как закрепил на соплях. Колесо стало вилять, как пьяное, железный обод сваливаться. Еле стянул веревкой. А он еще и по тележной доске шоркал, аж лошадь стала пугаться и уросить, не слушаться. Чуть не бросил с горяча. Ведь с таким бесовским скрипом я не только волков распугаю, но и врагов на ноги подниму. И дегтя нет с собой, нечем ступицу с осью смазать. Уж мочился на них не раз, пока было чем, чтобы не скрипели. А они с версту проедут молча и опять: скурлы-скурлы. Думал, с ума спячу. Больше никаких войн, никаких мобилизаций. Пусть хоть убьют.

- Так за кого мы теперь будем?- осторожно спросила взволнованная жена.- Белые отступали – забирали лучших коней, красные наступали – остальных забирали. Обещали потом расплатиться.

- Чем они все расплатятся, разве своими несмышленными головами или нашими?- возразил разгорячившийся Иван.- Надо думать, Советская власть теперь установится. Адмирала Колчака загонят в сибирскую берлогу и там поднимут на рогатину,

как бешеного медведя, чтобы морской адмирал не лез не в свое сухопутное и крестьянское дело. В нем мы и сами разберемся.

Мавра знала, что хотя Ивана многие и считают дураковатым, но иногда в его голове рождались разумные мысли. И выразить словами он их умел. Поэтому стала успокаиваться. Собрала на стол, достала вареных яиц, сала, луку, нарезала ломтями хлеба. Слазила в голбец и подала ковшик холодного кваса.

- Небось, проголодался с дороги? Ешь вот.

- Вы тут как?- поинтересовался между делом хозяин.

- Колотимся. И покос, и скотина, и огород. Да ведь все так колотятся, мужики-то на фронте. Воители. А тут индюшата забрались в огород Страуса. Побил он их, немецкая колокольня.

- Побил, говоришь?- вспыхнул гневом хозяин.- Довоевались, уже пленные нами командуют! Завтра мы им покажем кузькину мать!

Немного поспав и отдохнув, Иван поднялся довольно рано. Выгнал скотину из стайки. Почистил и выкидал навоз. Заглянул в огород. Подправил покосившееся прясло и даже сам удивился, откуда в нем появилась такая хозяйская прыть? Видать, соскучился по крестьянской работе. Потом завернул в сарай, выбрал похожую на батог суковатую березовую палку и направился за ворота. Ему встречались идущие по воду с коромыслами на плечах бабы, здоровались, спрашивали про своих служак.

- Потом, потом!- коротко бросал казак и продолжал путь.

Он остановился у знакомых ворот Власихи, постучал по ним батогом. Навстречу вышел новый хозяин, который сразу не понравился горячему Сороке, посмотрел сверху вниз, как с пожарной каланчи. Изогнул гусиную голову вопросительным знаком.

- Это ты Страус?- взял с места в карьер Сорока.

- Найн. Страус – это большой птычка. Я есть Штраус.

- Один шут – что в лоб, что по лбу. Немчура пузатая есть немчура. Ты почему наших индюшат побил, длиннобудылая тварь?

- Ваш индюшка лазил огород, цап-царап урожай, корох, морковчик. Ваш козьяка плох смотрел...

- Значит, надо побить молодняк? Без мяса оставить семью? А почему твой плетень худой, не починен? Тогда не обижайся, хозяин хренов,- сдерживая гнев, заявил Сорока.- Знаешь анекдот про немца и пуделя?

- Найд,- заискивающе заглядывая в глаза и надеясь на мирный исход, ответил Штраус.

- Тогда слушай. Кудрявый пудель украл у немца кусок колбасы, а тот его не может поймать и наказать. Тогда немец взял другой кусок и пошел к собаке со словами:

- Пудель, пудель, на колбас, сзади палька никс!»

- Вот и ты на колбас, австрийская харя! Кулак нашелся! Мы вас всех, дармоедов, скоро раздавим, как клопов!

Предвидя неладное, Ганс пустился наутек, но Иван тяжелым батоном с силой огрел его по спине. Тот взвыл от боли и подхватил сильнее, с разбегу перемахнул через изгородь и лосем понесся в сторону леса, время от времени визгливо вскрикивая:

- Я – рот фронт, рот фронт!

- И в рот, и во фронт тебе будет, длиннолапый Страус!- зло кричал ему вслед Сорока и грозил суковатой палкой.

* * *

Чем меньше дней оставалось до уборочной страды, тем каждый из них казался все более напряженным и беспокойным. Как удачно скосить хлеба, связать в снопы, отвезти под крышу и обмолотить? Ведь практически в станице не осталось ни мужиков, ни лошадей. Все забрали неразумные воители, не подумав о народе, нации. Почти все они полягут на полях сражений. И некому будет убирать хлеб, снабжать продовольствием села и города. Значит, на народ обрушатся, словно немилосердная чума, голод и холод. Будут большие жертвы среди населения. Особенно пострадают дети. Катастрофически ухудшится де-

мография. Не станет и прироста, ибо большая часть мужского населения будет выбита за шесть лет двух немилосердных и неоправданных войн.

Конечно, те, кто остался в станицах и селах, женщины, старики и дети, не собирались сдаваться и помирать голодной смертью. Помня о подвигах и испытаниях сыновей, мужей, отцов, братьев, они с еще большим старанием готовились к уборочной. Налаживали лобогрейки, у кого имелись, отбивали косы, насаживали держак, чинили сбрую и свои одёвки, обувь. Подкармливали получше оставшихся в живых старых одров, еще хоть как-то передвигающих уставшие за долгую жизнь ноги. Договаривались с соседскими старухами, обещая даже отрезать юбку, на кого можно бросить маленьких детишек, кто может присмотреть за ними, прийти и покормить птицу, свиней, прибрать из стада и подоить коров. Напоить водой или пойлом эту ревущую, кудахтающую, хрюкающую и бляющую свору. Выпустить утром в стадо коров, телят и овец с козами. Ведь в эти горячие дни уборки хозяева будут хлестаться на поле до потери сил, а порой и сознания, заменяя отцов и мужей, и им некогда приезжать домой. Они останутся ночевать на заимках и в шалашах, прикорнув часа два-три.

И если станичники каким-то чудом вытянут уборку и соберут урожай этого года, то пахоту и посевную следующей весной без возвращения мужчин им просто не осилить. А еще надо благополучно собрать, обмолотить и сохранить нынешнее зерно. Оставить на семена и подготовить к посеву. Продать излишки, чтобы залатать прорехи в бюджете семьи и хозяйства. Нет, никак не нужна война крестьянам, ибо может вымереть весь народ.

Были заняты подготовкой к уборочной и Ильины. Арина Алексеевна, правда, сбегала ненадолго к Сорокам, порасспрашивала Ивана про своих: «Живые ли, целые?»

- Це-элые, чо им сделаца? - весело отвечал не то дезертир, не то командир Сорока. Сам черт его не поймет, придурковатого,

думала Арина.- Бьют они красных,- привирал он от себя.- Веле-ли урожай тебе собирать да печь караваи к их возвращению.

Ничего толком не поняла соседка. Разве поймешь эту балаболку? Но и за то низкий ему поклон, что живы ее муж с сыном, здоровы. Прибежав домой, крикнула детям:

- Таиска, Венка, давайте кормите, поите живность! А ты, Маруся, сходи в завозню, там где-то ведерко или чайник с дегтем и чопом, надо смазать колеса. Да бруски поищи, молоток отбивать литовки.

Вот и возились целый день бабы да дети с хозяйством, готовились к страде, больше некому.

- А кто лобогрейкой-то будет править?- спросила у матери Манюшка.- И кого в нее запрягать? Наш хромой Рыжко один не потянет?

- Попробую уговорить Ивана Сороку, если наши мужики не вернуться: получится ли прок от него, не знаю. Никогда не звали его. Иначе хлеба будем сами валить косами, снопы вязать и возить,- чуть не со слезами произнесла издерганная и уставшая за последние недели Арина.- А там и Сорокам надо помочь в благодарность. И лобогрейку дать.

С наступлением темноты станица замирала, казалась вымершей. Даже собачьего лая, густого в прежние годы, не слышно. Видать, никто не ходил, не шатался бесцельно. Даже редкие выпивохи куда-то пропали или улетели, как перелетные птицы, в другие края. Даже вечерок не собиралось. С кем собираться, когда всех ребят выхлестали войны или мобилизовали на фронт? А девок все больше и больше подходило с каждым летом до нужных кондиций. Спелые, как августовские маковки, полные загадочных зерен и соков, они маялись вечерами, не зная, что делать, куда себя деть и как сопротивляться вечному зову природы и любви? Их зрелые груди ломились от энергии. Им, как одиноким птицам, были срочно нужны пары, чтобы свить свое теплое гнездышко, создать свое счастье, дать природе потомство, достойно вырастить и воспитать его и передать

эстафету человеческой жизни на земле другим.

Но святые законы природы были вероломно нарушены войной и действовали против самой природы, с каждым днем уменьшая народонаселение планеты, напавшая кровью поля и леса, захламляя их смертоносным металлом.

Несмотря на усталость, все-таки изредка приходили девочки на лавочку, стоящую возле двора Ильиных. Садились тесной цепочкой, как курочки на насесте, о чем-то шептались, мечтали, смеялись и плакали. Звали Манюшку с балалайкой, чтобы с горя попеть любимые песни.

И Манюшка не отказывала. Брала балалайку и выходила к подругам. Ей уже было семнадцать лет, а в это время, если еще и не выходят, то уже готовятся замуж. Она была стройной и симпатичной девушкой, душевной и подельчивой подругой, которую любила вся улица. Вот только небольшой дефект был у нее в ноге. Нет, она не хромила, а лишь незаметно, если только присмотришься, слегка подтаскивала ногу. Рукодельница и хозяйка, одна из лучших учеников школы, она очень стеснялась своего дефекта, случившегося после падения в колодец, и не особо надеялась и мечтала о выгодном, скором замужестве и семейном счастье. Откуда сейчас быть женихам, когда их почти всех перевела война? А тех, кто вернется, ждут тысячи, миллионы городских и сельских девчат-красавиц, которые в это нелегкое время не будут набивать себе цену и кочевряжиться, а пойдут за первого попавшегося жениха, который в состоянии предложить руку и сердце. Лишь бы не остаться бобылкой. Лишь бы благополучно выполнить свое природное предназначение. Даже калеками не побрезгуют.

И куда было тягаться Манюше с этими крепкими и здоровыми, как молодые кобылицы, соперницами? Одно лишь ей предоставлялось право – робко ждать своего звездного часа и скромной возможности выбрать свою судьбу. Да и то если Бог поможет. Так ей думалось, во всяком случае. И она с этим почти смирилась.

Мария здоровалась и обнималась с подругами, садилась в середину компании на уступленное ей кем-то место.

- Сыграй нам, Машенька,- просили ее. И она не без стеснения клала на колени балалайку, и ее гибкие молодые пальцы начинали бегать и ударять по звонким струнам.- Давайте споем про Марусю и Ивана.

И она робко начинала:

С хуторов, станиц, селений
И от Коелги-реки
Уходили на сраженье
Молодые казаки.

И один за другим в общую мелодию вливались голоса подруг, от чего она крепла, набирала сил и певучести. И казалось, что сама темная ночь стала к ней внимательно прислушиваться.

На прощанье бряцнув шпорой
И обняв любимый стан
Той красавицы, с которой
Жребий жить ему не дан.
Крикнул он: - Прощай, Маруся!
И с победой поджидай!
Ну а та в ответ:- Дождусь я,
Только скоро приезжай!

А голоса уже зазвенели как-то по-особому, тревожно и даже тоскливо, что наполняло душу непокоем и даже скорбью:

Он унесся ветром в поле,
Только пыль из-под копыт.
И не виделись с ним боле,
Видно, был в бою убит.

И земли могильный холмик
Уж травой давно зарос.
Только сердце Ваню помнит
Столько вёсен, столько рос.

На этом месте струны замолкали, и девушки тоже замолкали, как по команде. Долго и тихо сидели, боясь сказать первыми слова, боясь откровенно разрыдаться. Потом как-то медленно, без привычного смеха и гама незаметно срывались с лавочки, будто ласточки с ветки, и исчезали в сторону своих домов. А вечерняя темнота казалась особенно неласковой и зловещей, будто всасывала в себя людей и не собиралась их отпускать.

25

Присвоение звания урядника было неожиданным для Василия Ильина, совершенно не мечтавшего о военной карьере. «За что, за какие заслуги?»- спрашивал он себя. Ну, не дрогнул в Челябинской операции 20 - 29 июля. Отчаянно махал шашкой. По словам очевидцев, даже срезал красного конника, хотя Василий уверен, что это не так, просто выбил из седла. Да и операция эта – задумка красных и выиграна красными, ибо в ней были разбиты последние резервы Колчака, и он начал пешное отступление в Сибирь.

Скорее всего, догадывался Ильин-младший, звание присвоено за его образованность. Он считался начитанным, способным быстро ориентироваться. Хорошо знал не только историю, но и русский язык, литературу, математику, разбирался в политике. И даже слишком, как считал капитан особого отдела Халезин. В присвоении звания, очевидно, помог Семен Максимович Навалихин, уже сам ставший майором и начальником штаба полка. Нравился ему этот бывший служащий железной дороги. Поэтому нередко привлекал его для работы в штабе, выполнения особых поручений, временной замены дежурного

по штабу и телефониста, заготовке продовольствия, мяса, овощей у крестьян.

Семен Максимович надеялся на него и всегда встречал вежливо, даже с ласковой улыбкой, чего не скажешь про Халезина. Его глаза были вечно настороженными, словно ждали удара, пронизательными и вездными, как стальные шурупы. Способными, как с содроганием думал Ильин, проникнуть в самые потаенные глубины души и вытрясти ее, как мотню рыбацкого невода.

- Я давно вас веду и наблюдаю, голубчик,- признался однажды он, простреливая взглядом щучьих глаз.- Еще со времен деятельности в Омске. Знаю и златоустовские дела.

- Вы меня подозреваете в предательстве, шпионаже?- пошел в открытую Ильин, стрельнув недовольным взглядом.- И у вас, господин капитан, есть доказательства?

- Я этого не сказал, господин кадет, или как там вас – большевик?

- С кадетами, конституционными демократами, я не имею ничего общего. И вообще какое вам дело до моей политической принадлежности или вероисповедания?- спросил молодой урядник.- Казак я – вот кто! И посильно несу свою службу. А про златоустовские дела, коль вы их знаете, хочу спросить вас. Не вы ли устроили Златоустовскую бойню и безжалостно казнили стачечников оружейного завода, расстреляв 69 и ранив 250 душ? А ведь они всего-навсего просили не отменять льготы на пользование землей.

- Никак нет, я тогда был еще молод. Но с удовольствием бы поучаствовал,- с наглой ухмылкой ответил капитан.

- А я вообще был ребенком,- заявил Василий Алексеевич, уходя.- Имею честь!

- Я знаю о посещении вами запрещенных кружков!- бросил вдогонку Халезин.- И это наводит на определенные мысли.

«Этот Змей-Горыныч не даст покоя»,- с тревогой подумал Ильин и пошел по делам службы, которые требовали срочного

выполнения. Вскоре он вообще забыл об этом инциденте, ведь Халезина не любили в полку. Он кого-нибудь да подозревал, был привязчивым, как прилипала, и многим не давал покоя. И его уже не раз грозились угробить сослуживцы. Но и им было не до него.

Командование бросало полк то в одну, то в другую операцию. А большого толка, тем более крупных викторий в сражениях не было. Только потери, и нередко невосполнимые. Так, где-то между Петропавловском и Омском был убит и Витька Сорока. Их отряд ехал ложиной, чтобы обойти с левой стороны артиллерийскую батарею красных. И оставалось саженой сто, как они бы скрылись за невысокий холмик.

- Но!- гнали казаки коней крупным наметом, аж летели из-под копыт ошметки земли. Передние всадники уже миновали опасную зону.

И тут раздался разрыв шрапнели. Сотни невидимых кусков металла засвистели в воздухе и обрушились в сторону казаков. Василий быстро пригнулся и ощупал себя, бросил беглый взгляд на коня. Вроде оба были целы, мелькнула радостная мысль. А теперь уже снаряды их не достанут. И вдруг он увидел в правой стороне клонящегося набок друга Виктора Сороку. Тот еще продержался несколько саженой в седле, а потом, замысловато взмахнув руками, бессильно вывалился из седла и уже на земле дважды перекувыркнулся через голову и затих.

- Тпру-у!- рявкнул Ильин, придерживая и поворачивая коня. Потом спрыгнул и склонился над поверженным другом, увидев страшную картину. Верхняя часть черепа была снесена осколками. Лицо и плечи косоворотки были залиты алой кровью. И по краям ее уже окружали нахальные осенние мухи.

Для Петра Сороки смерть Витьки стала неизбежным горем. Увидев изувеченное тело сына, он бессильно упал на его еще теплую грудь и застонал еле слышно, с какой-то большой натугой и болью. И от утраты, обиды случившегося с ним горя долго не мог подняться и стоять на ногах. Видать, моральные и

физические силы покинули этого еще не очень старого и крепкого человека. Он только как-то вскашливал, будто захлебывался, и пытался сказать сквозь слезы:

- Ви-итька-а! Сыно-ок...

Но кашель и нервное возбуждение, от которого трясло все тело, почти съедали слова.

Все станичники провожали молодого земляка в последний путь. Многие из них, не говоря про отца, не могли сдержать скупых слез. И эти казачьи слезы случались все чаще и чаще. И нужно было срочно уходить, чтобы самим не остаться навечно под могильным холмиком холодной сибирской земли, на котором в память о них могут так же остаться фуражки с ярким околышем. Надвигающиеся осенние дожди и снегопады, ветры и метели собьют эти фуражки с холмиков, изомнут и унесут в степь, похоронят в сугробах. И уж никто не узнает, где навсегда упокоилась молодая душа травниковского казака. И эти неизвестные могильные холмики, словно верстовые вехи, запятнают всю территорию, всю землю от Урала до Восточной Сибири и даже дальше, докуда дойдет Гражданская война.

Ильин-младший хорошо знал город Омск. Когда в нем жил, любил в свободное время гулять по его улицам и переулкам, где было много зеленых деревьев и кустарников. Ходил на берег Иртыша и любовался его красотами и разливами. Не раз с ним была и любимая девушка Верочка, в которой души не чаял. Река ему всегда казалась воплощением сибирской мощи. И когда он уходил с ее берега, то чувствовал прилив физических и духовных сил. И ему казалось, что и русский народ вот такой же сильный и непобедимый, только вот попал в невидимые сети дельцов и мошенников, которые выжимали из него последние соки. И жить было трудно, нужно немедленно порвать эти сети, освободиться навсегда и жить свободной жизнью без царей и помещиков, без эксплуатации человека человеком. Радоваться жизни и ковать свое счастье, свою свободу.

Он сразу же наладил связь с партийными товарищами, пе-

решедшими на время захвата города белогвардейцами на подпольную работу. Их тайную штаб-квартиру нашел в поселке работников паровозного депо. Туда в один из вечеров незаметно и пробрался Василий Алексеевич. Там и нашел своего знакомого, бывшего инженера депо Овсянникова.

- Привет казакам!- не поверив глазам, воскликнул Овсянников, человек с рябоватым лицом и плотно прижатыми к голове ушами.- Каким ветром, Василий?

- Здравия желаю подпольным кротам!- с радостной улыбкой, будто встретил родного брата, ответил Ильин.- Занесен ветрами революции и Гражданской войны.

- Молодец, бродяга! Со стороны белых занесен?

- Естественно, ведь казаков почему-то считают слугами царя. Это вольных-то людей, которые бегут от царей и прочей нахальной власти?

- Бежите от красных?

- Бежим, слава Богу! Как на крыльях, несемся, будто зад нам хреном намазали. И ничего нельзя сделать с вами, басурманами. Хоть бы временную передышку дали,- засмеялся Василий.- Хоть бы в баньке помыться-попариться.

- Это прекрасно. А наши басурманы – это бедный и обворованный народ. А против народа никакие цари-императоры и помещики не устоят!- не без гордости заметил подпольщик.- Как настроение в армии?

- Хвастать нечем, товарищ Овсянников, очень плохое настроение. Каждый второй, если не больше, готов хоть сейчас бросить оружие и податься домой, под бочок жёнушки. Ждет удобного случая, чтобы выйти из-под контроля начальства, не поплатиться жизнью.

- А агитацию-то ведешь?

- Еще как! Самого особиста и начальника штаба хочу перетянуть на свою сторону,- опять с улыбкой проговорил Ильин.

- Тогда дам тебе интересную литературу и кой-какие документы...

Они еще долго разговаривали, вспоминали прошлое, намечали планы на будущее. Пили чай. Перед прощанием Василий спросил:

- А как там моя любимая Верочка?

- Верочка на задании в Томске в Сибирском областном комитете РКП (б). Она будет несказанно рада весточке о тебе. Я непременно ей передам. Так что береги себя, казак. Надеюсь погулять на вашей свадьбе, а то революция революцией, а по-полнять демографию нации тоже надо.

Они расстались с улыбками и надеждой. А наутро Ильина вызвали в штаб и провели к самому Навалихину.

- Здравствуй, Василий,- по-отечески поприветствовал он и пригласил садиться.- Верховный главнокомандующий просит важные документы. Мы их сейчас подготовим, а ты пока приведи себя в полный порядок, как ты можешь выглядеть по-молодечки. И пойдешь при полной боевой выправке, при которой смотришься соколом. Не подведи и создай хорошее впечатление. Отдашь бумаги и дождешься ответа. Тебя на всякий случай будут сопровождать два казака.

- Слушаюсь, господин майор!- отдал честь урядник.- Разрешите исполнять?

Пока готовили бумаги, Василий сбегал на квартиру. Надел новый китель, до блеска вычистил хромовые сапоги с узкими и высокими голенищами, надел еще добрую и не мятую шинель. И они направились к известному особняку верховного главнокомандующего. С трепетом души он поднимался по мраморным ступенькам, шел по ковровой дорожке коридора, вошел в приемную и начал докладывать:

- Урядник второго полка Ильин привез пакет его превосходительству...

- Ладно-ладно, господин урядник!- остановил его адъютант, смотревшийся в отутюженной новой форме, как картинка из московского журнала. Василий в какой-то мере был интеллигентом и сразу оценил облик и серьезность старшего офицера.-

Господин адмирал ожидает вас. Давайте пакет и пока присядьте возле дверей.

Почти чеканя шаг, адъютант подошел и постучал в обитую дерматином дверь, затем распахнул ее, и Ильин увидел просторный кабинет, украшенный коврами, бархатными порттьерами, картинами в золоченых рамках. Увидел на короткий миг, но запомнил надолго, ведь это было таким ему незнакомым, чужим и заморским, хотя он бывал до войны в домах небедных омских людей, купцов, обывателей. Вскоре адъютант вернулся и небрежно бросил ему:

- Немного придется подождать. Александр Васильич изучает бумаги.

И тут же зазвонил один из телефонов. Офицер поднял серебристую трубку и стал говорить без всякого волнения обычным голосом служащего.

- Господин Каппель? Здравствуйте, Владимир Оскарович! Да, господин адмирал у себя. Сейчас соединю, минутку...

Он быстро открыл дверь кабинета, откуда вдруг донеслись слова негромкой песни:

Гори, гори, моя звезда,
Звезда моих минувших дней...

- Александр Васильич, с вами просит переговорить генерал-лейтенант Каппель.

- Хорошо,- спокойно ответил тот и поднял с аппарата трубку. Дверь кабинета была заперта неплотно, и Ильин даже слышал его разговор.- Добрый день, Владимир Оскарович! Как на вашем фронте? Плохо... Красные давят... А кого они нынче не давят? Нужно постараться не отводить армию и сохранить позиции, людей. Помочь другим, иначе белое движение захлебнется, и мы потеряем Святую Русь... Вы спрашиваете, что делать с лагерями военнопленных? Перевербовывать на свою сторону. А кто не согласится воевать под нашими знаменами,

расстрелять! Да, расстрелять, уничтожить к чертовой матери. До свидания, Владимир Оскарович. Храни вас Бог!..

Ты у меня одна заветная,
Другой не будет никогда...

Закончив разговор, адмирал снова затянул. Василий где-то слышал, что Колчак любил эту душевную песню, возможно, даже являлся ее автором. И она даже немного нравилась Ильину, вроде бы соответствовала их скорбному и невеселому времени. Но удивило его не это, а то, что, отдав генералу Каппелю приказ о расстреле бедных военнопленных, у Верховного правителя не только не дрогнуло сердце или голос, но даже не упало настроение. И он напевал в свое удовольствие:

Ты у меня одна заветная,
Другой не будет никогда...

Значит, смерть тысяч пленных, тысяч русских граждан, среди которых могут быть и знакомые Василию, даже родственники, его ни капли не взволновала? Можно бить их, как поганых мух, раз они не хотят защищать интересы Колчака, интересы контрреволюции, как ее называли большевики?

И его обуяло такое зло, что захотелось ворваться в этот чуть ли не святой кабинет и выпустить в заевшего от власти адмирала весь барабан своего револьвера. Но револьвер и шашку он сдал при входе в особняк строгой охране. Значит, бояться эксцессов. А расправиться голыми руками не успеет, ведь рядом с ним торчит азиатская овчарка, да и не дадут сидящие в приемной офицеры.

Ему хотелось закричать во всю глотку, завывать волком от обиды и беспомощности. Но он нашел в себе силы сдержать душевный порыв, чтобы не попасться по-глупому, не подвести товарищей, ведь от этого пользы ни народу, ни землякам аб-

солютно не будет. Хотя так же, как с военнопленными, могут расправиться и с травниковцами.

Об услышанном Ильин доложил своим сослуживцам и Овсянникову, и тот обещал передать дальше и сделать все, чтобы предотвратить чудовищное побоище и уничтожение лагерей военнопленных. Но разве это в силах скромного деповского инженера и его товарищей, когда в уничтожении людей задействована такая чудовищная и мощная машина?

- Да, такие лагеря открывали, когда беляки и контрреволюция сделали переворот и захватили власть, и сейчас колчаковцы открывают. Огораживают бараки или прямо голое место колючей проволокой и загоняют подневольных людей. По-моему, это впервые в международной практике. И этому как-то нужно помешать.

Надо сказать, что позже такие лагеря будут именовать концентрационными. И их примут на вооружение шизофреник Гитлер и немецкие фашисты, где уничтожат миллионы невинных людей. А американцы в них станут загонять еще и краснокожих индейцев и величать их резервациями.

* * *

Если посмотреть с большой высоты на соединения и полки армии Колчака, то они могли показаться безостановочно ползущими змеями, удаляющимися все дальше на восток, юг, север. Эти ядовитые змеи с шипением и натугой метались и тыкались мордами во все возможные проходы и щели, селения и густую тайгу и с шипением бросались из стороны в сторону, ища выхода из создавшегося положения, в которое их завело командование, жаждающая дорогого спасения. Колчаковцев по пятам преследовала Красная Армия, не давали покоя и перли из тайги и урочищ, как голодные муравьи, красные партизаны. А тут еще наступила суровая зима. Температура воздуха доходила до 50 и больше градусов холода. Не хватало продовольствия, фуража. Даже птицы замерзали на лету. Порой люди и кони коченели на

ночевках и стоянках под открытым небом или в промерзлых и покрытых куржаком и льдом сараях. А то и замерзали на ходу. Хватятся какого-нибудь казака, а он вместе с лошадьё превратился в ледышку. Казалось, брось на землю, и может рассыпаться, как стекло.

Косили простуда и другие болезни. Неделями, а то и месяцами не видели бани. Пропотевшая, давно не стиранная, одежда торчала на плечах колом и способствовала заболевани-ям. А откровенные атаки неумолимых вшей казаки называли «вторым фронтом», ибо ни днем, ни ночью не давали покоя. И их даже на жарком костре не могли вывести до конца. От недостатка витаминов у многих начиналась цинга. Но еще худшим бедствием стал сыпной тиф, который гулял, словно свободный таежный ветер, по дивизиям и полкам Колчака, унося тысячи заморенных и истерзанных нечеловеческими испытаниями военных людей. И не было возможностей от него скрыться, уско-кать на коне, убежать и спрятаться в трущобу. Везде находил, безжалостно заражал и уничтожал.

Отступал и полк Ильина, проезжая в день до сотни и более изрытых природой и климатом верст, пока не падали люди и кони. Ночевали где и как придется. Далеко не всегда в жили-щах, хлевах, заброшенных зимовьях и заимках, а у костров, ук-рывая воротниками полушубков обмороженные черные щеки с обрывками оставшихся на них лохмотьями кожи. Потерпев по-ражение под Новониколаевском, разбитые части Колчака отхо-дили к Байкалу и в район Иркутска, Красноярска, рассчитывая закрепиться на рубеже реки Енисея и задержать наступление Красной Армии.

Планом советского командования предусматривалось окру-жение войск Колчака в Междуречье Чулыма и Енисея южнее железной дороги. Главный удар наносила 30-я дивизия начдива Лапина, которая обходила Красноярск с северо-запада. А 35-я дивизия Неймана совместно с партизанскими отрядами Крав-ченко, Щетинкина наступала на город с юга и юго-запада.

30-я дивизия, завязав 3 января бои у станций Кемчуг, Чернореченская, Козулька, отбила атаки остатков войск колчаковцев, вышедших из тайги и пытавшихся прорваться к железной дороге. В этот же день в районе населенных пунктов Большая Серезжская - Белахтинское дивизия разгромила Волжскую группу колчаковцев. В разгар боев 4 января большевики Красноярска подняли восстание и захватили власть. 8 тысяч рабочих-дружинников и примкнувших к ним солдат-повстанцев двое суток отбивали яростные атаки белых. В это время в авангарде 30-й дивизии бригада Грязнова с северо-запада и части 35-й дивизии с отрядами партизан с юго-запада полностью отрезали пути отхода противника на восток. Попав в безвыходное положение, основные силы 2-й и 3-й колчаковских армий (свыше 60 тысяч человек) сдались в плен. Через Енисей удалось бежать только небольшой группе войск генерала Каппеля. Только в декабре он был назначен Колчаком главнокомандующим Восточным фронтом. А в начале января позорно бежал от непрофессиональных красногвардейских войск. Сей грозный генерал погиб при отступлении белогвардейцев от Иркутска, и остатки колчаковских войск в Забайкалье и на Дальнем Востоке назовут себя «каппелевцами».

Такая же незавидная участь, даже трагичнее этой, выпала на долю «Верховного правителя Российского Государства» и верховного главнокомандующего Колчака. После разгрома белогвардейских войск он из Омска бежал в Иркутск, где по указанию Верховного совета Антанты 27 декабря 1919 года взят под международную охрану Чехословацким корпусом. 4 января Колчак издает указ о передаче прав «верховного правителя» Деникину. А на Дальнем Востоке - сибирскому казачьему атаману Семенову. 15 января 1920 года по требованию восставших рабочих Колчак выдан эсеро-меньшевистскому Политцентру, а затем передан большевистскому Ревкому. После следствия и суда вместе с председателем Совета Министров Пепеляевым его расстреляли 7 февраля.

5 марта части Красной Армии вступили в Иркутск. Ввиду того, что дальнейшее наступление на восток могло привести к войне с Японией, Советское правительство приостановило продвижение Красной Армии на территорию Дальнего Востока. От Байкала до Тихого океана была образована Дальневосточная республика.

А травниковцы вместе с другими частями сдались красным войскам и перешли на их сторону. Большинство – по собственному желанию. В том числе Василий Ильин. Он сразу же стал искать комиссара и у самого штаба наткнулся на бывшего отцовского работника Аполку. В телячьей шапке с красной лентой по лбу, увесистым парабеллумом на поясе, он только что вышел от начальства и важно вышагивал, как сытый осенний гусь, лениво и даже презрительно посматривая по сторонам. Увидев Ильина-младшего, он от неожиданности замер на месте, словно легавый пес, учуявший перепелку, и вдруг не то радостно, не то злорадно воскликнул:

- Вот она, на конце намотана! Господин молодой травниковский хозяйчик! Ксплуататор народной бедноты. Ща-ас я тя шлёпну, шипион колчаковский!

- Аполка, ты?- не сдержал удивления Ильин.- Какими судьбами?- чуть не полез обниматься с земляком Василий Алексеевич, пока не засомневался, что мог чего-то напутать.- Не узнал своих?

- Свой тебе атаман Дутов да адмирал Колчак. Щас я тебе покажу своего!- схватился он за парабеллум.

Дело набирало неприятный оборот. Но тут из дверей штабной избенки вышел высокий немолодой мужчина с обмороженным лицом, как раз оказавшийся комиссаром.

- Шпиона задержал, товарищ комиссар полка! К вам хотел вести. Он вместе с паханом меня в юности ксплуатировал, держал в работниках и морил с голоду.

- Пошли в дом!- скомандовал черноволосый мужчина и направился к двери.- Давайте рассказывайте.

- Он, действительно, был у нас в работниках в начале 900-х годов. Хозяева его держали вместе с собой, кормили за одним столом. А он в благодарность украл наших лошадей, да и у родственников прихватил, конокрад. А в станице остаться без лошадей – равно, что пойти по миру. Да я не про это. Я ищу комиссара, чтобы доложить о себе. Я – член Омского союза... - начал объяснять Ильин.

- А ты, оказывается, и вправду вороватый жук,- обратился комиссар к Аполке.- Давно на тебя жалуются однополчане. И мы в этом разберемся. А пока ступай...

Затем он внимательно выслушал объяснения Ильина и предложил:

- Может, пойдешь служить в штаб, займешься агитацией и пропагандой бойцов? Этот участок у нас наиболее уязвим. Хотя сейчас не менее важная задача, чем война с врагом, борьба с тифом и захоронение трупов. Земля промерзла на сажень с лишним. Ни ломом, ни кайлом, ни динамитом не возьмешь. Кострами не отогреешь под могилы такой массы людей. Тысячи трупов – вот до чего довела колчаковщина! Зимой от этого нестерпимый смрад, а что будет летом? Повально заразим и сгноим всю Сибирь. Партизаны их давно хоронят своими силами и методами. Складывают вперемешку с дровами, как поленицы, и поджигают. Иначе никак. Так соглашаешься? А потом разберемся. И своих однополчан уговори, ведь они с конями. Вот тебе первое боевое задание Красной Армии.

Задание не из приятных. Из огня да в полымя, как говорится. Да ничего не попишешь, ведь задание надо выполнять, хорошо, хоть в расход не пустили. Такие политики, как Аполка, быстро пустят. Им чем не больше крови, тем лучше, приспособленцам.

Будущий известный писатель Всеволод Иванов, сам побывавший в лапах колчаковцев и по счастливой случайности не расстрелянный и не повешенный, так писал об этой картине в литературных записках. «Видел растянувшиеся на сотни са-

женей и мерзлые поленницы трупов. В снегах – разрушенные поезда, эшелоны с замерзшими ранеными. Видел, как партизаны жгли трупы (закапывать не хватало сил), - один ряд трупов, другой ряд бревен из изб. И так на двухэтажную высоту. И от человеческого дыма небо было словно копчёное. Тупики, забитые поездами с тифозными, и сам я в тифу, и меня хотят соседи выбросить из вагона (боятся заразиться), а у меня под подушкой револьвер, и я никого не подпускаю к себе (выбросят – замерзнешь, а наш вагон все же кто-то топил). И так в бреду семь суток лежал я с револьвером и кричал:

- Не подходи, убью!

А по бокам дороги в крестьянских избах награбленные штуки материи. Ветер, словно камни, и простые, как огонь, смерти».

Наверно, самый жестокий небесный ад не так страшен, как эта земная картина. И ее наблюдал каждый день бывший урядник и травниковский казак Василий Ильин вместе со своим отцом, Петром Сорокой и другими земляками, волею судьбы оказавшимися в этом аду. Его конь погиб месяц назад, И не только его. А оставшихся они сейчас впрягали в сани и со всех ближних мест боев, деревень свозили в кучу замерзших раненых и тифозных. Они смерзлись в несгибаемых позах, что невозможно выпрямить, разорвать, кто раскинув руки, ноги, кто обняв себя за голову, видно, почувствовал сильную боль. Кто раздетый до гола или в одних кальсонах, нательной рубашке, наверно, присужденный к расстрелу или раздетый перед ним. И казаки собирали с отвращением, грузили их в таких позах, будто кедровые пеньки с корнями или измятые мотки проволоки. Сваливали в одну кучу, перемежая с дровами. И получались многометровые поленницы из бревен и человеческих трупов.

Их обливали керосином, обкладывали берестой, чтобы быстрее загорались, потом пальцами зажимали носы, кидались в сани и мчались крупной рысью подальше, чтобы не задох-

нуться от дыма и смрада людского пожарища и смертельного пепелища, чтобы не догнала их и не скрутила бесовская хворь, от которой спасение – лишь благосклонность самого Господа Бога. А еще иногда и крепкий спирт.

И так продолжалось недели две или три. Отец Василия, еще не излечившись до конца от былых ран и ушибов, еле представлял ноги. И сын то и дело перехватывал его груз или переваливал на себя. Алексей Васильевич изменился почти до неузнаваемости. Давно не стриженные волосы и лопатообразная борода закрывали все его лицо и голову. И порой казалось, что поблекшие глаза выглядывали откуда-то из норы или кустов. Чуть получше выглядел Петр Сорока, все еще переживающий потерю сына и казавшийся не от мира сего. Да и сам Василий был похож на ходячий труп. Не случайно каждый день кто-нибудь из травниковцев или их роты попадал в тифозный барак. А потом в костер.

Не обошла судьба-индейка и Ильиных с Сорокой. Все трое и лежали рядом, а отец с сыном даже на одной кровати, ибо мест трагически не хватало. Василий еще кое-как сумел подстричь дядю Петра и отца, не оставив ему даже привычной и классической казачьей бороды, ибо тифозная вошь больше всего обожала волосяные покровы и зверствовала там в свое полное удовольствие, напичкивая человеческое тело инфекционной заразой. Подстригал овечьими ножницами, случайно попавшими под руку. И по всей голове и лицу разбегались отвратительные ступеньки, за что бы в былые времена он непременно получил выволочку. Волосы и борода отваливались, как слой овечьей шерсти с подстриженной овцы. Но докторов и помощников в избавлении от болезни не судят. Да и кому было там судить?

А вскоре он и совсем свалился. Поначалу еще пытался поить отца кипяченой водой, накрыть заскорузлым одеялом, просить фельдшера или медсестру принести лекарство. А потом сам стал терять сознание, проваливаться в пустоту. И когда к

нему приходили видения из прошлого или будущего, даже тяжело стонал. Вот он увидел, как к нему вновь прицепился Халезин.

- Я узнал о ваших встречах в Омске!- гневно бросал он.

- С адмиралом Колчаком?- откровенно нагло спросил Василий.

- Нет, с подпольщиком Овсянниковым, о передаче вами ему ценной информации. И вынужден вас задержать.

- И сдать красным? Вот они уже близ околицы.

- Устроить над вами полевой суд.

- Да пошел ты подальше!- ругнулся казак.- Лучше шкуру свою спасай.

- Молчать! Следовать за мной!- приказал тот и достал револьвер.

Выходя из сеней, Ильин заметил поленицу дров, быстрым движением схватил полено и ударил Халезина по голове. Капитан, выронив револьвер и потеряв сознание, рухнул наземь. А Василий, перешагнув его, бросился к калитке.

Потом вдруг увидел свою милую Верочку, учительку из Омска, с которой познакомились в марксистском кружке. Они крепко полюбили друг друга и собирались пожениться. Но помешала Гражданская война. А сейчас они шли с нею по родной травниковской улице близ отцовского дома. Якобы готовились к свадьбе. Потом свернули к реке, чтобы посидеть у воды, искупаться. Начали раздеваться. И она в голубом городском купальнике стала одна заходить в незнакомую воду. Все дальше и дальше, словно хотела уплыть от него.

- Подожди меня, Верочка!- крикнул он ей тревожно и поспешил следом.

Но ее уже подхватили набежавшие волны и моментально увлекли в пучину. Василий нырял вслед за ней, несколько раз туда и обратно переплыл относительно спокойную Коелгу, но все было тщетно. Последнее, что он услышал на этой земле, это

призывный и жалобный голос матери:

- Ва-асенька, мой степной Василек! Приди ко мне, мальчик, сынок! Я очень тебя ожидаю и очень люблю...

26

Жизнь в чужом краю редко бывает раем. И это молодой Иван Овчинников понял быстро, как и многие казаки, переехавшие в Ташкент. Жизнь его не стала медом. В семье дяди Антона, соблаздившего его переездом и сладкими фруктами, были постоянные нехватки, и на племянника недобро косились. Особенно тетка Катерина, женщина характерная и без словесных тормозов...

- Ну и привез ты в рай, хоть ложись да помирай!- то и дело строгала она муженька.

- А ты сама-то разве не хотела этого рая?- недовольно огрызнулся он, глядя исподлобья. Эти Катериныны нападки осточертели в общем-то спокойному и незлому казаку.

- Дыни тут сахарные, урюк на березах растет, сабза! Сам ты сабза – понимаешь меньше пса!- все больше распалаялась горячая женщина.

- Зато ты теперь домохозяйка. Не жнешь, не молотишь. Как бухарская царевна живешь, как белая барыня.

- Сам ты кот бухарский. Еще племянничка - дармоеда с собой притащил в такую даль!- наступала агрессивная Катерина, вытаращив большие черные глаза.

- Какой он дармоед, когда сам нас кормит?- возражал возмущенный Антон Степанович.- Он и на путях помогает, и на извозе, рынке подрабатывает, не то, что твои неспособные сыночки - лодырюки!

- А может, твои, ведь в тебя пошли, а не в меня, не в наш благородный род?- насакивала она, как растравленная маленькая собачонка, готовая вцепиться зубами.- Раз кормит всех, зна-

чит, и сам себя сможет прокормить. И надо направить его от двора.

- Куда отправишь, я же его сманил, дядя его? А он сын моего брата Авери. Как-то не по-христиански это?

- Дело твое, а мой сказ такой... Вон какое тревожное время, то восстания, то войны. Народ гибнет ни за понюшку табаку. За этим сюда ехал Васька Замотаев, чтобы погибнуть от рук чучмеков?

- Это случайность, - не сдавался супруг.

- Какая случайность, когда узбеки ятаганы на нас точат? Им самим тут жрать нечего, а еще русских черт принес.

Иван давно почувствовал неприязнь тетушки. И старался изо всех сил. То на дистанции пути подряжался возить шпалы на перегон для ремонта железнодорожного полотна, то щебень, гравий на подсыпку под рельсы. Возил арбузы с полей по дворам декхан и на базар, хлопок с плантаций. С утра до позднего вечера колготился с телегой и меринком Савраской, который не знал устали, был неприхотливым, тянул и тянул возы с поклажей. За услуги не бог знает, сколько отваливали. Нередко вместо денег рассчитывались натурой, теми же дынями, арбузами, которые надоели до отвращения, овощами. А то и нерусскими монетами, которые, правда, брали продавцы. Но и это было радостью в семье дяди Антона, где нехватки родились раньше хозяев.

Иван старался реже бывать дома, не приезжал на обед, чтобы не мельтешить перед глазами неприветливой хозяйки, поев на ходу арбуза или перекусив лепешкой. Летом и ночевал во дворе, кинув охапку соломы или старую теплушку на телегу.

Но случилась беда: полунищее население стал немилосердно косить сыпной тиф. Постоянно якшаясь с незнакомыми людьми, крутясь среди рыночных торговцев, покупателей и нищих, он быстро подхватил эту страшную заразу. Занемог и лежал пластом на родной телеге, готовый отдать Богу душу, пока не хватился дядюшка и не обратился в инфекционный пункт.

Выздоровливал юноша с большим трудом. Не хотел принимать пищу. Часто терял сознание и что-то турусил непонятное, куда-то вроде бы собирался и ехал. Скорее всего, на свою южноуральскую родину, в станицу Петропавловскую. Испуганные до смерти родственники его почти не посещали, не помогали. Умрет – туда и дорога. Невелика беда. Зато мерина Савраску не выпрягали из оглобель, ездили в дело и не в дело двоюродные братья, понукая и утягивая по холке кнутом. А вскоре и его не стало. Подрядились они месить саман. Вдоль и поперек раствора гоняли бедного мерина. И тот ступил нечаянно в какую-то ямку или щель, сломал ногу. Разве вылечишь конскую ногу, решила семья дяди Антона, не надеясь на выздоровление хозяина. И пустили Савраску под нож. Дело было зимой, мясо сохранялось дольше, чем жарким летом. Часть даже засолили, а часть продали: узбеки и татары, которых тут было много, любили конское мясо и варили, как они называли его, махан. На вырученные деньги купили Катерине кофту из ангорской шерсти, обутки сыновьям да пуд пшеничной муки на хлеб и блины.

Когда вернулся еще слабым после болезни Иван, дядя старался не смотреть ему в глаза. Виляла и Катерина.

- Мы так ждали, так ждали тебя, дорогой племянничек,- лебезила она и пела елеиным голоском.- Беспокоились и ждали. Вот и бульончик сварили из костей дорогого Савраски. И котлет нажарили. Кушай, родимый племянничек, тебе после тифа надо сил набираться.

- Не уберегли мы мерина, ты уж прости нас, Иванка,- опустив повинную голову, признался Антон Степанович.

- Да ведь черт его занес на эти ямы!- помогала ему супруга.

И у Ивана от услышанного потекли слезы. Он вспомнил детство и этого доброго, спокойного мерина, на которого ни разу не рассердился, не стегнул со зла кнутом. Он был ласковым и безотказным. А в последние годы спасал юношу и семейство дяди Антона от голодной смерти. Он казался Ивану роднее род-

ного. Ни за каких дядей, тетей, братьев он не променял бы его, своего безотказного кормильца, в чьих яслях не раз спал в детстве.

Теперь-то его уже никто не будет держать в этой семье, и нужно уходить из дому, искать новое пристанище. А кому он нужен, еле передвигающий ноги после опасной болезни? Его и за один кусок хлеба не возьмут даже в батраки, пастухи, ибо там надо быть подвижным и сильным, много трудиться и бегать.

- Не-ет, тут мне не выжить!- окончательно решил он в одну из ночей.- Нужно подаваться на родину, ведь чужая земля – мачеха. А с мачехой ты нажился.

С неделю он пробыл у родственников. А потом, когда начал чаще подниматься с постели и уже выходить во двор, отвел дядюшку за угол и признался:

- Я хочу ехать домой, дядя Антон.

- Как ехать, на чем ехать, на хрену боком, что ли? Ведь деньги нужны!- откровенно удивился Антон Степанович, бессильно разведя руками и часто моргая.- Ты уж прости меня, сбил тебя с толку. Да это Катька-сука виновата, всю обедню испортила! Прости и ее. Дай Бог тебе благополучно добраться. Да и кто там тебя ждет – не дождетса, мачеха? Нужен ты ей сто лет!

- Уж как получится, хоть пешком, но пойду. Может, умирать на родной земле. И то радостно.

- Ладно, смотри сам. Вот у меня немного мелочи есть, возьми в дорогу. Катерину заставлю калачей тебе испечь. Тут на поезд постараюсь посадить к знакомому проводнику. А там уж смотри в оба сам. Поклонись и от нас родной земле, больше не увижу.

Почти месяц добирался до Южного Урала Овчинников. Знакомый дядин проводник уютом его не баловал.

- Лезь на третью багажную полку и носа не показывай. А то начальник поезда или контролеры сразу разнюхают. Вместе

с тобой и меня попрут. Когда будешь за котлом приглядывать, огонь в топке поддерживать. Уборную чистить. В случае чего – меня не знаешь, сам в вагон проник безбилетником. Меня не впутывай. Да и взять с тебя нечего.

- На вот, дяденька, хоть пшеничный калач. Денег-то у меня только несколько монеток.

- Давай хоть калач. Сдохлой овцы хоть шерсти клок. Ездют тут всякие бродяги да шарлатаны...

Всю грязь и угольную паровозную копоть собрал на себя Иванка на третьей полке. Добавлял и от печки, которую «кочегарил» ночами, когда проводник кемарил в служебке, нарушая железнодорожный устав. В это же время норовил забежать в туалет, хотя и не после чего было особо забегать. Съедал три отломленных от караваев скромных кусочка уже зачерствевшего хлеба вместо завтрака, обеда и ужина да запивал холодной водичкой. Ему бы мяска после такой болезни побольше. Медку да молочка, чтобы быстрее восстановить силы. Но кто все это припасет для сироты? Кому нужно чужое горе?

А тут черт ревизора принес. Привязался к парнишке:

- Кто впустил, проводник?- плямкал он беззубым ртом.

- Нет, я сам.

- Кто разрешал? Вас тут много, Аркашек, шастает. Смотрите, что плохо лежит!

- Ничо я не гляжу. На родину мне надо, в оренбургскую станицу. После тифа я!- слезно оправдывался и упрасивал Овчинников, размазывая по щекам грязь.

- Тифо-озный он! Хочешь заразить всех господ пассажиров? На первой же станции пойдешь в каталажку, понял?

Его высадили на какой-то незнакомой станции. Не успел поезд остановиться, как он вырвался из рук ревизора, спрыгнул на перрон и дал деру.

- Держи безбилетника!- прошамкал ревизор. А к вагону уже спешил человек в форме.

- Что случилось, дараго-ой?- певучим голосом спросил он, видать, узбек.

- Безбилетник скрылся, в рот ему пуговку! После тифа. Найди его,- проговорил страж билетного порядка, но того уже и след простыл.

Нырнув под вагон, Иван кое-как побежал в конец станции. Спрятался в какой-то путейский сарай и не вылезал до наступления темноты. Потом увидел отправляющийся в его сторону небольшой товарный состав и запрыгнул на тормозную площадку.

Так он и добирался от станции до станции. Перелазил с состава на состав, ехал на крышах и переходных площадках. Хлеб давно кончился, и он внимательно высматривал по сторонам, как голодный пес, где бы чем-нибудь поживиться съестным? Пытался помочь за кусок хлеба или пяточок носить вещи, хотя носильщик из него был еще нукудышный. Даже ненадолго нанимался в работники.

А когда не было попутных поездов, отправлялся пешком, семена мелкими шажками по частым шпалам, от которых пахло мазутом и креозотом. Боялся охраны и путевых обходчиков. Правда, ночью они выдавали себя тусклым светом керосиновых фонарей, и он обходил их, словно волков, далеко стороной или прятался в ближайших кустах.

Его исхудавшее тело дрожало от холода. Оставляли последние силенки. И ему порой даже хотелось замерзнуть где-нибудь в кустах, чтобы никто не нашел. Но он тут же гнал прочь эти мрачные мысли и заставлял себя идти дальше по осточертевшим частым шпалам, нередко сбиваясь с них и выравнивая шаг. Однажды, кое-как передвигая непослушные ноги, он зашел на большой и длинный железнодорожный мост. Под ним в ночной темноте угадывалось течение незамерзшей реки. Он присмотрелся к ней и даже остановился.

- Хватит! Больше нет сил!- прошептал отреченно и попробовал перекинуть через поручень ногу.

Но сил уже не хватило и на это. И тут он услышал мужской грубый окрик охранника.

- Кто там шастает? А ну ко мне!

И Иван, вздрогнув от неожиданности, покорно и робко пошел к нему навстречу, даже не думая о побеге. На него навалилось такое безразличие, и уже было все равно – что жить, что умереть, попасть в руки властей, которые почему-то все его ловят, или топтать дальше по шпалам. Сбоку после окончания фермы моста он вдруг заметил маленькую сторожку, в окне которой тускло мерцал огонек фонаря.

- Заходи!- приказал хозяин.- Рассказывай, кто ты, откуда?

И Иванка, присев на лавку рядом с горячей печкой и понурившись, начал скучно рассказывать о себе. А потом и уснул, сморенный усталостью и теплом.

- Ну что, Ванюшка, выспался?- растолкал его утром мостовой охранник.- На-ка попей горячего чайку. А потом пойдём ко мне. Старуха покормит и даст в дорогу харчей. Тут рядом разъезд, и я тебя посажу со знакомым машинистом. Хоть в дыму и пару поедешь, зато в тепле.

Старик жил в железнодорожном бараке, что в полукилометре от моста. Он привел его домой, велел старухе умыть и покормить сироту. Собрать в дорогу харчей и найти добрые онучи, рубаху, варежки. Сам же полез на полати, достал старенькие, но еще добротные валенки, подшитые умелым мастером.

- Одевайся теплее, сынок. Мой старший когда-то носил их.

На хорошем свете гость внимательно разглядел хозяина. Это был седовласый мужчина лет под шестьдесят. Но еще в силе, бойко передвигающийся по комнате. Его движения казались уверенными. И он чем-то был похож на Иванова деда Степана Петровича.

Когда подошли к разъезду, там увидели стоящий под парами паровоз, к которому было прицеплено с дюжину товарных вагонов.

- Добрый день, Никодим Севастьяныч!- крикнул сверху машинист паровоза.

- Здравствуй, Борис Поликарпыч,- тепло отозвался мостовой охранник.- Возьми-ка вот моего внучка-сиротку. В Оренбург или Полетаево ему надо.

- Мы ж туда не доедем, только до Орска,- с видимым сожалением ответил машинист. Видно, тут уважали старика.

- Ну, докуда доедете. А там посадите дальше со знакомой бригадой.

- Поднимайся, хлопчик,- пригласил чумазый от мазута и копоты машинист и открыл узкую железную дверь, до которой нужно было подниматься по крутым ступеням.- Доведем, не волнуйся, Севастьяныч.

Так и доехал он до Полетаева. Боязливо осматриваясь, вошел в каменный железнодорожный вокзал. Присел с краю на ребристую планочную скамейку, обвел недоверчивым взглядом редких пассажиров, остановившись на молодом пареньке примерно его возраста.

- Ты куда, малый?- спросил его тот.

- Сам не знаю, куда,- честно признался Овчинников.- Еду вроде домой, только дому-то у меня и нету. Попробую до Мисса.

- Как это нету дома?- удивился тот.- Ты казак?

- Казак.

- У казака не бывает без дома. Да его на худой конец любой кустик ночевать пустит. А хочешь, со мной поедем в станицу Травниковскую? Тут верст сорок.

- А к кому? Родни у меня там нет.

- Чудак-человек! Да казак казаку всегда родня, как брат будто!- весело возразил тот.- Меня Митькой Сорокой звать. Разберемся там. Казаки-то многие на фронте побиты. Остались вдовы да дети-сироты. Нужны им помощники в хозяйстве, работники.

- Работником – это можно,- согласился сразу Иван.- Я еще в

детстве был у попа работником. Хороший он человек. Не обижал, кормил справно. В Рождество, Пасху ходил поздравлять жителей, молитву читал, кадиллом махал. Столько всего ему, бывало, надают, что крашенные яйца в погребе хранились до самого Петрова дня. Встанет утром, позавтракает, рюмку водки жахнет, покурит возле амбара в рукав, чтоб никто не видел, и отправляется в храм. Добрую память о себе оставил. А в вашей семье нельзя устроиться работником?

- У нас осталось маленькое хозяйство. Да и отец, хотя еще и хворый после тифа, но недавно вернулся домой. Найдем где-нибудь место, батраки-то нужны.

На первый путь подошел пассажирский поезд, который станционные жители называли дачным, ибо был местным. Ребята неспешно подошли к последним вагонам, что находились в хвосте поезда. Постояли возле подножек. А когда прозвенел станционный колокол и состав тронулся, вскочили на ступеньки, потом пролезли на переходную площадку, что соединяла два вагона, нависла над сцепками и была выше буферов. На ходу она дико раскачивалась, скрипела, переходные железные языки подпрыгивали и гремели. Но при надобности ехать было можно, особенно если входные двери тамбура были открыты. Тогда вообще можно ехать не на ветру, а в тепле, светле, не хуже, чем в «люксе», смеялись безбилетники.

Поезд останавливался на всех станциях и разъездах. Одни пассажиры выходили из вагонов и спускались на перрон, другие наоборот садились в вагоны, тащили тяжелые баулы и сидора. Сильно спешили, боясь отстать. А зайдя в купе, спокойно рассаживались и разваливались по деревянным полкам, очевидно, почувствовав себя людьми уважаемыми и успешными.

Но ребятам было не до фантазий. Они ехали обычными «зайцами» и молили Бога, чтобы быстрее оказаться на нужной станции.

- Подъезжаем к Бишкекю,- сообщил бойкий Митька, когда миновали большой железнодорожный мост.- Поезд долго сто-

ит, и мы сбегает за вокзал, глянем, нет ли земляков с лошадьми, чтоб до Травников добраться. Если нет, поедет до Шахматова. Там пеши топать ближе. А вдруг и повозка найдется!

Так и сделали. В Бишкеке травниковских подвод не оказалось. Снова запрыгнули на подножку. Погода стояла весенняя. Солнце начинало греть сильнее, и уже ноздреватый снег стал заметно оседать, плотнеть. Опускались, садились и сугробы у заборов и палисадников, все больше оголяя ошкуренные серые жерди и деревянные планки. Тепло уже сильно чувствовалось.

Минут через двадцать поезд остановился на Шахматовском разъезде. Лошадей до Травниковской вновь не оказалось. И они двинулись пешком, то и дело скользя и проваливаясь промо-ченными пимами в распухший от невидимой воды и скользкий снег. Наступала дружная весна. И это радовало молодых людей и обещало доброе лето.

27

Петр Сорока добирался из Сибири тоже нелегко, да ведь многие тысячи верст надо было преодолеть. В Сибири чуть не умер от тифа. Потерял в бою сына. Потерял надежного друга, соседа Алексея Ильина и его сына Василия, которые ему, как родные. Да еще и не каждый родной по крови может оказаться таким близким и надежным, как Ильины. Сколько раз спасал его Алексей Васильевич от смерти, не жалея себя! Даже конь его, Гнедко, увозил от гибели с поля боя в войну с германцем, когда Сорокин рысак был ранен. И вот теперь не стало самых близких ему людей, самых надежных друзей.

- Что ты скажешь вдове Арине, деткам-сиротам Алеши?!- мрачно спрашивал себя Петр и не находил ответа.- Лучше б сам окочурился.

Когда он пришел в себя в тифозной палате и не увидел по соседству Ильиных, сразу понял: произошло что-то неладное и неотвратимое. «А может, они уже выздоровели, выписались из

больницы?- мелькнула секундная надежда. Но он тут же заметил стоящие под кроватью знакомые пимы.- Значит, уже увезли на мазарки». Почему-то ему вспомнилось детство, когда купались в Коелге и таскали из нее метровых щук. Юность, когда бесшабашно плясали на вечеринках. Алексей был живее всех и так наяривал «Барыню» и «Комаринскую», что никто не мог с ним сравниться. Поэтому и девки липли. Да еще и пел во весь голос самим им или кем-то другим придуманные слова:

Шла барыня из Мисяша,
Вроде пьяна, вроде наша.
Барыня, будешь чья ты –
И баская, и не мята?
И дошла до Травников.
Ну, а я к тебе готов!
Барыня, фути-фути,
Мне сказала: - Лешка, ну тя!
Барыня, барыня,
Сударыня-барыня!

- Кого потерял – Ильиных?- прервал его воспоминания корнет Чайковский.

- И-их,- протяжно ответил Сорока.

- Преставились мужики, царство им небесное. Алексей Васильич бредил перед кончиной. Все Арину звал, Манюшку, Таису с Венкой. А потом вытянулся, как столб, аж ноги протянулись дальше кровати.

Петр с содроганием представил, как могут пойти в костер из человеческих трупов его соседи, если не смогут выдолбить могилу в мерзлоте, и крупная слеза выкатилась из-под покрасневших липких век, сползла мимо уха на шею и сорвалась на подушку.

- Чо же я Арине-то скажу?- скорбно повторил он.- Кто ей теперь пахать, молотить станет? Так и с голоду помрут.

Болезненное, худое и небритое лицо его неприятно сморщилось, вдоль него протянулись бледные, в рыжих волосах, складки, и он, не в силах выдержать этой муки, скорбно закрыл глаза, все еще надеясь, что это бред или сон.

В госпитале ему дали справку, по которой он долго добирался до дому. Пересаживался из одного состава в другой. Если была возможность, взбирался с трудом на полку и ложился отдохнуть, ибо сил почти не было, подремать, положив голову на завернутые в тряпку две пары пимов – Алексея и Василия. Была у казаков такая традиция – если погиб товарищ, привезти родным какую-либо его вещь, чтобы поверили, что погиб, и помнили о сыне, отце или муже.

Не успел он добраться до дому, обнять истосковавшихся Зосю, сына Митьку и дочку Нюрку, как прибежала в накинутаю на плечи шали соседка.

- Здравствуй, Арина, проходи вперед!- уважительно поднялся ей навстречу хозяин.- Садись тут, садись.

- А Алеша, Василёк?- только и вымолвила она тревожно. И ее взгляд заметался по комнате, будто они могли оказаться тут, будто кто-то их специально спрятал, чтобы ее разыграть.- Где они?

- Прости, Аринушка, не уберегли мы их. Вражья пуля не взяла, так скопил колчаковский красноярский тиф. Такая вот немилосердная скотина. Пимы вон ихние привез, хоть ребяташки доносят,- еле сдерживая слезы, как во сне, произносил Сорока.

- Пани Арина, может, чай?- пыталась успокоить ее хозяйка Зося, но та уже ничего не видела и не слышала. Машинально прихватив пимы, она на ощупь нашла выходную дверь. И, шатаясь, словно пьяная, побрела к своему подворью, чтобы обессиленно упасть на кровать и дать волю слезам. А может, и завывать протяжно, по-волчьи, чтобы прогнать вон навалившееся горе и унять душу.

А Петр постепенно приходил в себя от болезни. За недели хворобы силы почти покинули его и возвращались с трудом.

Наступала весна, и нужно было готовиться к пахоте, севу. Внимательно просмотреть и починить плуги, бороны, телеги, селялки. Не забыть конскую сбрую, тягловый скот, у кого он был. Проростить семена, подлатать домишко на заимке. Договориться с кем-нибудь насчет объединения на время полевых работ. Знал, что вместе их легче осилить. Это доказано самой жизнью. Отыскал масленку, дёготь, топор, ножовку, молоток, заржавевшие без него гвозди. Что-то принялся ладить, а силенок еще не хватает. Не набрал еще, не отъелся на домашних харчах. Да и какие харчи может приготовить иностранка, предпочитающая кофе и каши?

А тут Митька еще какого-то бродяжку подобрал и привел в дом по доброте душевной. Не выгонишь, ведь ты не помещик, у которого каждая копейка на учете. А парнишка-то еще и казачком оказался. «Вон даже зайчиха кормит в поле чужого зайчонка, а мы хуже зверька, что ли?»- невесело рассуждал Петро.- Пусть маленько поживет, а там, может, пристроим куда. Вон и у Ильиных некому работать».

Иванка ему понравился сразу. Не сидел без дела, не ждал команды, а сам находил работу. Подсоблял хозяину. То оси смажет, то хомут починить возьмется. Даже попытался тяжелую телегу вывезти из завозни, но не хватило силенок. Последствия болезни-то не скоро пройдут, догадался опытный Сорока. Но хватка и хозяйский характер сразу чувствуются у парня. Заглянул Петр к соседке, спросил для приличия о житье-бытье, а потом набрался смелости.

- У тебя, Арина, шибко-то некому работать, а ведь скоро землю пахать, сеять. Митька вон подобрал на улице какого-то зимогора. Сироту из петропавловских казаков. После тифа он еще не одыгал. Но видно сразу, что не дармоед, не лодырь царя Гороха, за все берется с душой и почти все умеет. У меня-то хлеба лишнего нету его кормить, да и мы своими силами как-нибудь справимся. А у вас нет мужиков, кто тяжелые работы станет ломить? Да и девки у тебя, может, и сладитесь, породни-

тесь. Он вроде из известного казачьего рода. Корнями к временам Пугача уходит. Дед его есаулом служил.

Думала, мерёкала вдова. И прогадать не охота, ведь может таким жуликом-конокрадом, как Аполка, оказаться. Долго ли обмишулить и обобрать бедную вдову с детками-сиротами? Но ведь и самим-то не справиться! Венка еще маленький. А что возьмешь с бабьего батальона? Им и с плугом не справиться, и литовку не отбить. И все-таки решилась, пошла на риск.

- Ладно, присылай, тебе я верю, не как братцу Ивану,- согласно кивнула.

А работник уж тут, как тут. Замер на месте, словно филин.

- Здравствуйте, тетушка Арина,- почтительно заговорил, сняв шапку и низко поклонившись.- Меня Иваном звать.

- Вижу по сбруе, что не помещик Мохирев, наш дядя,- осмотрев с головы до пят, вымолвила хозяйка.- Тебе сколько годов-то?

- Семнадцать. Нет, восемнадцатый пошел!- поправился он, видимо, для солидности.

Он был одет в старую мерлушковую шапку, дырявый полушубок, подшитые пимы. Роста небольшого, исхудавший, со стриженными наголо волосами на голове. А кулачки выделялись. Хоть не широкие и костлявые, как у Ильинской породы, а пухленькие, широкопалые. Такие работы не должны бояться. И глаза коричневые с легким желтым оттенком. И не хитрые вроде, но сразу по незнанию не назовешь добрыми. Чужие глаза, как и душа, могут показаться потемками. Но было в них что-то не только тоскливое и просящее, но и уверенное, обнадеживающее и успокаивающее, мол, не сомневайся, добрая хозяйюшка, не подведу, буду верен, как сторожевой пес. И вдова поверила. Да и не будешь ковыряться, вянгать, ибо больше не из кого выбирать, и деться ей некуда.

- А сколько брать будешь?- чуть не забыла спросить Арина, почти уже согласившись его взять.

- Много не буду, не басурман или рвач сыростанский,- с

достоинством ответил юноша.- Терпимый харч, сносная одежка. А с деньгами потом решим, если появятся, сколько сами положите, и сколько не жалко,- рискуя не понравиться, все же признался он.

Харч-то мы наскребем, с радостью подумала хозяйка. И одежка кое-какая осталась после мужа и сына. Денег пока не просит. Да ведь это, считай, находка, если еще и работающим будет.

- Ладно, Ванюшка, беру. Но с испытанием. Посмотрим, как себя покажешь,- согласилась хозяйка.- Жить можешь в старой избе или с нами. Места всем хватит. Мы не гордые. Да и топлива надо меньше.

А тут, откуда ни возьмись, на крыльцо высыпали любопытные Манюшка с Таиской, а за ними и Венка увязался.

- Это кто?- выйдя вперед, смело спросил мальчишка.

- Наш работник,- с полуулыбкой объяснила мать.

- А чо у него шапка-то старая? Вся мерлушка износилась?- живо заинтересовался любопытный Венка, оглядывая того удивленными голубыми глазами.

- Шапку новую справим, лишь бы от двора не пришлось направлять.

- Вон, какой жених к нам пожаловал!- горячо зашептала Манюшке младшая сестренка.- Глаза-то, как у коршуна, небось, насквозь все видят!

Иван Овчинников не подвел хозяйку и рекомендовавшего его дядю Петю, чьи слова, к счастью, окажутся пророческими. С момента прихода он впервые обошел двор, по-хозяйски осматривал амбары, завозню, конюшню, заглянул в каждый уголок. Подался в огород. Прошел вдоль плетня, зачем-то отворил двери бани, потрогал котел, нагнулся к топке. И его глаза вместе с памятью отмечали и запоминали все недостатки. Потом спросил, где хранится инструмент, сбруя, рубанки, фуганки, вилы и грабли, смазочные материалы. Выкатил на середину завозни колеса, стал внимательно осматривать и обстукивать, стараясь

найти слабые места, шатающиеся спицы, ободья. Смазывать ступицы и оси. Вытянул из угла сабан. Осмотрел ржавые колеса, лемех, цепь. Взялся за телеги, починку сбруи.

Арина не то, что не доверяла ему и сомневалась в его способностях, но все-таки в первое время то и дело незаметно поглядывала в его сторону, стараясь понять, хорошо ли, не для блезиру он делает свое дело? А потом, когда работник уходил куда-нибудь, даже проверяла работу, внимательно осматривая каждую мелочь. Нет, пока не было у нее претензий! Может, по своему бабьему уму она чего-то и недопонимала. Или вообще не соображала? Но придраться было не к чему. Да и не любила она придираться, не такой характер у этого доброго и даже веселого человека. Вот только жизнь часто делала ей пакости. Но это уже судьба. Ее не выбирают и не сетуют на нее: какая достанется или какую даст Господь, такую и принимай.

Весна была дружной, ранней. Быстро сошли бурные полые воды. Почва стала подсыхать. Дошла очередь и до полей. Запряг Иван Рыжку, погрузил на телегу плуг, посадил хозяйку со старшей дочерью. Младшую с Венкой оставили на хозяйстве. Не забыли харчей, и тронулись в путь. Местность понравилась юноше. Березовые перелески, ровные черноземные поля без больших холмов. Мягкая земля, в которую, казалось, весной воткни оглоблю, к осени вырастет телега. И рожь, и пшеница, и овес тут должны вырастать хорошими, смекал он. Значит, и жизнь казачью можно сделать хорошей.

И домишко на заимке еще оказался подходящим. Видно, покойный хозяин был заботливым. Подмажь где трещины, замени пару плах на крыше, почисти от угольной пыли печные дымоходы, и можно использовать его, даже при надобности жить постоянно не один десяток лет, рассуждал про себя работник. Жить целой семьей и растить детей. Колодец и болотце есть, поле и лес рядом, сенокос. Значит, не останешься без сена, дров, без тепла в холодные зимы, в любые бураны, которые в этих краях любят бушевать неделями.

Первый день – приезда, осмотра и подготовки – кончился. А на второй, еще затемно, Иван по-хозяйски запряг мерина, и они поехали на самое дальнее поле, чтобы начать с него и чтобы пахота не мешала подъезду к нему. Сняли на землю плуг, впрягли мерина, и повел Иван первую борозду. Поначалу раз или два вильнул в сторону, а потом выправился и пошел, пошел нарезать пласты мягкого, словно пух, чернозема, которые неслышно и нежно отваливались в сторону, давая возможность дышать земле полными легкими. И это ее белое дыхание, белый пар был виден простому глазу. Он не торопко поднимался к небу, все более разрежаясь в атмосфере и становясь невидимым. Глядя на это, Иван даже радостно вымолвил:

- Все тянется к Господу Богу: и мы, и наше дыхание, и нутро земли-матушки! Помоги нам, Всевышний...

Они с хозяйкой боялись, что пахать одному мерину будет тяжело или даже не под силу. Но где взять второго коня, когда всех забрали белые с красными? Пока же земля, к счастью, была еще мягкой и по силам одному Рыжке. Конечно, он столько не вспашет за день, как в паре. И все-таки пашет. А если земля пойдет хуже, то придется с кем-то объединяться конями и добивать пахоту вместе.

* * *

Неожиданно быстро прижился у Ильиных работник Иван. Он не жалел себя на работе, правда, и ел за троих. Но это хороший знак, ведь некоторые хозяева нанимали тех батраков, которые много ели. Поэтому его организм быстро набирал силу, мышцы наливались энергией и крепили. Иван, как говорится, совался во все дырки, словно являлся хозяином в доме. И Арина Алексеевна, прежде, чем принять какое-либо серьезное решение, сначала обращалась к нему или просто советовалась.

- Как быть со второй лошадей, Рыжко-то, хотя безотказный, но ведь еще и хромает? Так мы его быстро загоним.

- Я думаю, надо корову или телку с двумя овцами поменять на жеребенка-двухлетку, которого скоро можно будет запрягать.

- С кем поменять-то?- растерянно недоумевала хозяйка.

- Хотя бы с Набоковыми. У них семьяща, детям нужно молоко, а молочной ведёрницы нету. Корова-то ихняя картошкой подавилась.

- Ну, так давай менять,- согласилась Арина Алексеевна, откровенно дивясь находчивости работника.

Вскоре выменянного жеребенка, точнее, молодую кобылицу, стали запрягать в волокушу, а потом и в оглобли телеги, приучили ходить в борозде и пристяжке, тянуть борону. И это все заслуга Ивана. Он, будто молодой орел, обретший могучие крылья, кружил над всеми угожьями и работами семьи Ильиных, словно делами управлял умелый диспетчер. Управлял вроде ненавязчиво, иногда даже позабыв посоветоваться с хозяйкой, что порою ее обижало и сердило. Но, хорошенько обмозговав, она считала его действия правильными и умилялась прозорливости и находчивости еще молодого, да уже раннего, как выражались в станице, человека.

И дела их вроде пошли на поправку. И скот у них более или менее справный, и кони не уросливые, сильные и работающие. И крыши на доме, старой избушке, сараях, конюшне, амбарах поправлены. И огородные плетни, и заборы залатаны.

- Не Алексей Васильич вернулся домой?- спрашивали любопытные станичники.- Все поправлено, как новенькое, присмотрено, ухожено?

- Какой Алексей Васильич, разве с того света возвращаются?- на вопрос отвечала вопросом Арина.- Ванюшка у нас такой хозяйственный да боевой!

- Это кто – сын, что ли? Или работник?- с подвохом притворялись сударки.

- Я и сама уже не пойму: то ли сын, то ли работник?- не без радостной нотки говорила она.

Да он и вправду порою казался ей сыном. И она б не против была, если бы он стал ей сыном.

- Дак у тебя же две девки. Чего ты робеешь?- настаивали доброжелатели.- Разве можно такой фарт упускать?

В последнее время она даже замечала, что Иван стал неравнодушен к Манюшке. И та на него посматривала мечтательным взглядом. Но ведь как-то не совсем прилично выдавать дочь за работника. Разве ты самая последняя беднячка в станице? Но тут же мысленно заступалась за него. Он же из известного казачьего рода, а бедняком его сделала судьба, сиротство. И от этого, как от сумы и тюрьмы, нельзя зарекаться. Всякое может случиться. Да уж если Иван посватает, то можно, наверно, и отдать Манюшку. Все легче станет. А женихи сейчас на вес золота, невесело думала казачка.

А молодые уже и не скрывали восхищения друг другом. Все чаще заигрывали и смеялись. А то и уединялись где-нибудь в укромном месте да шептались о чем-то. А однажды, когда Маруся шла с полным подойником молока по хлеву, он несмело обнял ее сзади и попытался неумело поцеловать. Она стала вырываться и пролила парное молоко себе на широкую юбку и ему на сапоги.

- Ох, ах!- заохали и засмеялись молодые люди.

- Вы тут чо делаете, насгальники?- взялась откуда-то с граблями мать.

- Да вот запнулись и молоко пролили,- со смехом оправдывались они.

- Я вот вам, зимогорам, пролью! Быстро граблями отхожу, пока худых дел не натворили, глупым баловством не занялись.

- Да мы и не занимаемся, тетка Арина,- запротестовал осмелевший Иван.- Мы же по-серьезному.

- Как это по-серьезному, с размаху под рубаху, что ли, или с разбегу под телегу?- допытывалась бойкая на язык Арина.- Я быстро вам все телеги разломаю!

- Ну, вы и скажете! По-человечески я хочу... Посватать,

если согласитесь. Больно любя мне Маруся...

- А он тебе?- не выпуская грабель, допытывалась она у дочери, уставившись немигающими глазами.

- И он мне люб!- поспешила с ответом Манюшка.

- Вот язвить-то их, дожила ты, Арина, до веселой жизни, скоро бабушкой станешь!- вымолвила она на последнем дыхании и бессильно навалилась на перекладину стойла.- Бог с тобой, засылай сватов. Кочевряться не стану.

Шел 1922 год. Год неимоверно трудный, голодный. Некоторые люди даже ели лебеду.

Недавно закончились Гражданская война и интервенция капиталистических государств. Тиф и голод обуяли Россию, потерявшую в войнах миллионы человек напрасных жертв и большую часть казачества. И стране были крайне нужны новые людские ресурсы. Поэтому свадьбы считались чуть ли ни святым делом в жизни обывателей и крестьян. Да вот только проводить их не на что было. Да и не все их приветствовали.

Испекла Арина рыбный пирог, шанег. Сварила домашнюю лапшу. Достала из голбца двухлитровую корчагу старой кислой браги. Позвали Петра Сороку, Зою и сына Митрия, который где-то на железнодорожном перегоне или станции откопал и привез в станицу Ваньку Овчинникова, будущую радость и счастье семьи Ильиных. Старались посылно соблюсти обычай. Главным сватом был Петро Сорока. Ему помогала торовавшая супруга пани Зося, звонко выкрикнувшая под конец сватовства:

- Добже, паны казаки!

И венчание было в травниковской церкви, где молодые поклонялись на иконе быть верными друг другу до гроба.

За свадебным столом, если его можно так назвать, речей было немного. Но слова и пожелания говорились от души. Особенно Ивану понравились фразы и действия тещи.

- С законным браком вас поздравляю, с божьим благословением, и живите долго, счастливо и мирно. Нарожайте много

деток, чтобы восполнить казачий стан, и берегите душу друг друга. А я вам со стороны семьи дарю стельную телку и две овечки. А если будете отделяться, дам и птицы, кур, гусей, уток. Только разводите и богатейте. Горько!- напоследок выкрикнула она, подняв кружку с брагой.

И это в жизни недавнего сироты Ивана Овчинникова стало большим событием и великим праздником, как и в жизни Марии. Правда, впереди их ожидало столько трудностей, забот и работ, о которых даже они, люди работающие, не имели особого представления. Но, как говорится, бабы каются, а девки собираются. И все эти сложности поймут только через много лет. Правда, не каждый и покается в совершенном. Значит, жили не зря, и жизнь того стоила.

28

Иван Овчинников был несказанно рад женитьбе на дочери казаков Ильиных. И хотя эту семью потрепала Гражданская война, разорила хозяйство, все-таки теща не оставила молодых одних, а кое-что выделила на первое время. А время было тяжелое. 8 ноября 1917 года был издан Декрет о земле, и частная собственность на нее была отменена, как и на недра, леса, воды. Земля объявлена государственной собственностью и стала считаться экономической основой кооперирования крестьянских хозяйств. Правда, многие травниковские казаки и без ленинского Декрета давно при надобности кооперировались на вспашке земли, уборке посевов и молотье зерна, ибо в небогатых и небольших семьях на это не хватало ни сил, ни средств.

Теперь же официально появились две формы собственности – общенародная (государственная) и кооперативная. Вводились то продразверстка, которую многие крестьяне встречали в штыки, то продналог. Хрен не слаще редьки, был уверен Иван. По своей политической и экономической необразованности Иван толком не понимал, что это такое, впрочем, далеко не один не

понимал. На практике же получалось, что он уже побыл в кооперативе с дядей Антоном, из которого ничего хорошего не получилось, а он остался гол, как сокол, и чуть не погиб с голоду. Поэтому всю жизнь будет бояться, как черт ладана, всяких кооперативов и объединений, коллективных форм хозяйствования и обобществления.

- Надейся только на себя, Ванька, на свои скромные силы! - не раз он вбивал в молодую голову и убеждался в правоте своих помыслов.

Постепенно оправившись от тифа, откормившись, он вновь стал силен, подвижен, а молодость его только расцветала. Чернобровый и краснощекий, похожий наружностью и лицом на молодого купчика, он с темна до темна возился с хозяйством, не чувствуя усталости. И ночью был горяч с молодой женой, которая не могла нарадоваться на молодого и работающего мужа.

В связи с захватом власти белыми, с Гражданской войной, указы и декреты Советов не всегда доходили до уральской глубинки и претворялись в жизнь. Поэтому продразверстка почти ее не задела. И не очень коснулся продналог, который в апреле 1923 года был заменен единым прямым сельхозналогом. Не шибко Иван разбирался и в НЭПе.

Правда, обобществленную землю и поля пришлось перекраивать и перемеривать. Не стали выделять по десять десятин пашни на каждого казака, а организовывали коллективные хозяйства: сельскохозяйственные коммуны, товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы), сельхозартели и тому подобное.

В результате последовательного проведения в жизнь кооперативного плана В. И. Ленина и большой организационной и финансовой помощи государства положение трудящихся крестьян в период восстановления народного хозяйства заметно улучшилось, официально утверждали власть предрержащие и газеты. В деревне значительно выросла доля середняков. Если до революции беднота составляла 65 процентов всех крестьян-

ских дворов, то к 1928 – 29 годам удельный вес ее снизился до 35 процентов, середняцких хозяйств стало 60 процентов вместо бывших 20. Удельный вес кулаков снизился с 15 до 5 процентов.

Как бы там ни говорили власти и пресса, Овчинников был далек от них. Он знал, что раньше у Ильиных было несколько лошадей и коров. На троих казаков им выделялось 30 десятин земли

- А где теперь эти лошади и земли?- спрашивал Иван себя.- Значит, и надеяться нужно только на самого. И вести единоличное хозяйство.

Ни он, ни тёща не хотели вступать ни в какие ТОЗы, СТОЗы, кооперативы, а оставались единоличниками. Платили немалые налоги. Но они были им посильными, ибо в работе себя не жалели.

Иван с семьей даже жил на заимке, подальше от людской суеты и греха. Мария ему от души помогала, не отказывалась ни от пахоты и сенокоса, ни от обмолота снопов. Да еще и ребятишек подтаскивала. Через год после замужества родила дочку Катеньку. Уже начала бегать она, топотя босыми ножонками по полу, бросаться в объятья, но на втором году жизни ее скосила дизентерия. Не повезло и сыну Коленьке, от родимчика помер. Врачей на заимке, естественно, не было, а знахарки далеко не от всего спасали, да и не жили они там. Но потом появился на свет Бориска, черноглазый и широколобый, как отец. А года через три и Сережка, широкоскулый и с голубыми глазами, как у матери. Дружными и веселыми станут сыновья. Выйдут на улицу, увидят у камышей длинноногих журавлей и запоют:

Журка, Журка, журавель –
Журавушка молодой!

Дети радовали родителей. Да только дела не очень. Власти то просили больше сдавать государству хлеба, то не разрешали его продавать на сторону. А на что и как покупать инвентарь,

одежду, соль, спички, керосин? То заставляли вступать в образующиеся колхозы, нарушая Устав. Поэтому поначалу и желающих было немного.

- Как это – сдать коней, сельхозтехнику в общий котел, а кто за ними следить будет, Нюрка Ключина, что ли?- кричали на сходке.

- Так легче вести хозяйство, - старался спокойно объяснить им председатель Совета Петр Сорока.

Но его не очень-то слушали, хотя и уважаемым был человеком. Станица вдруг раскололась на несколько лагерей, каждый из которых старался отстоять свои личные интересы.

- Не надо колхозов, там и бабы будут общие, не только коровы!- рвали глотки горластые станичники.

- Мы сами с усами! И без колхозов проживем! Это Петька Сорока все выдумывает со своим полоумным братцем.

- Долой его с председателей!- заорал откуда-то взявшийся недавно в станице Аполка, бывший Ильинский работник, выбранный в прошлом месяце в Совет.- Он людей ксплуатировал, за Колчака воевал!..

А завтрашним темным вечером, когда Петр Сорока загонял в хлев скотину, кто-то из-за плетня выстрелил из обрез. Выстрел громким эхом пронесся по восточному краю станицы, которое унеслось за реку. Петр, схватившись за ногу, со стоном упал. Из избы выскочил Митька с отцовским револьвером, пальнул вдоль улицы в одну сторону, другую, но стрелявшего и след простыл.

- Что стряслось?- с криками выскочила Зося.- Вот злыдни, кто тебя стрелял? Це твое председательство не дает им покоя!

Они с Митькой и Нюркой затащили Петра в комнату, положили на кровать и увидели кровь на штанах. Картечины попали в бедро, и раны сильно кровоточили. Митька побежал за фельдшером, а Зося принялась промывать раны, накладывать на них листья подорожника, завязывать куском старой простыни.

- Аполкино дело,- пересиливая боль, вымолвил с трудом Сорока.- Взъелся он на нас еще в Сибири, чуть Васю Ильина не шлепнул. Да вы не переживайте, разберемся.

Раны оказались серьезными, и Петро долго не мог подняться, наступать на больную ногу. А общественные дела требовали его непременно присутствия на службе.

- Я больше не в состоянии работать и отказываюсь от должности,- передал он советчикам.- Избирайте нового голову.

- Хватит править трудовым народом колчаковцу!- кричал громче всех на заседании Совета Аполка.- Разве с ним организуешь враждебный ему колхоз? За своих казаков он заступается. Не дает раскулачивать кулачку Ильину, ксплуататора моего и своего зятя!

Забил головы правленцам бывший красноармеец, за которого он себя выдавал. Чтобы не связываться с таким горлохватом, его и избрали председателем. И начались раскулачивания. На другой же день вызвал он Арину Алексеевну.

- Не узнала, кулачка? Батрак твой бывший, Аполка, но не свиристёлка. В колхоз-то думаешь вступать?

- Да не с чем мне вступать. Как говорится, вчера в дерьмо ступила, а сегодня в колхоз надо вступать. И лет мне уже шестьдесят, на покой пора.

- Как не с чем? А кони? Зажулить хотела?

- Из коней остался один хромой мерин Рыжка. Остальных белые да красные конфисковали.

- А кобыла?

- Кобылу на приданое младшей дочке Таиске отдала. Замуж она вышла.

- А дом?

- А что дом? В нем сын Венка, кроме меня, проживает. Он в колхозе числится и отказывается от меня, самостоятельно хочет жить. И зять Иван с дочерью живут.

- Смотри-ка, все предусмотрела, всех по углам рассовала, кулачка хренова! А коровы, овечки? Разбазарила все хозяйство,

чтобы подставить ножку колхозному прогрессивному строю! А где лобогрейка? Дом и подворье конфискуем. Кто за это голосует, товарищи?

Поднялись несмело две-три руки, и те норовили спрятаться за сидящих. Набочиха да и Иван Сорока, которые, бывало, и не вылезали от Ильиных, что-нибудь да клянчили. А вот теперь врагами их посчитали. Но никто и не подсчитывал поднятые руки.

И она еле плелась обратно. Ноги кое-как держали. И куда силушка казачья делась? Не думала и не гадала, что в одночасье станет раскулаченной, нищей, останется без крова на улице! Как паршивая собачонка! Ее душили слезы. Куда идти? К кому проситься на постой или в работники? Или в петлю залезть? Как и на что жить дальше, когда осталась в одних галошах?

- За хромого мерина раскулачили! Господи, куда же ты смотришь?- подняла она глаза к небу.- Заступись за нас, горемычных сирот, покарай этого безбожника Аполку! Разорит всю станицу, бес...

Она бессильно опустила у забора, еще вчера принадлежавшего ей, даже час назад, а сегодня ставшего общественной собственностью вместе с домом, который рубили своими руками, амбаром, завозней, сараем, баней, конюшней...

И неудержимые слезы покатались по ее лицу, которое она закрыла дрожащими крупными крестьянскими ладонями, что не боялись самых трудных сельских работ.

- Господи! Есть ли ты на белом свете?- взмолилась бедная женщина, валясь набок и чуть не теряя сознание.

* * *

Не один день проходила она, как во сне, никого не замечая, ни с кем не разговаривая. Кому она нужна – родной сын отказался, а зятю и подавно не нужна, ведь он уже стал на крыло? У него своя семья, свои заботы и беды. Хорошо, хоть ее не выслали в Сибирь, только дом и хозяйство отобрали. Да и куда

уж дальше-то высылать, и на Урале немного желающих жить? Сюда с Кубани перли помещиков да кулаков! Ночевала то в банях, то в чьем-нибудь стогу. Есть нечего, работать никто не берет. Самим бы в такой бедности выжить. Встретила однажды на улице знакомого старика Солдатова, кивнула головой. А он остановился, пристально посмотрел на нее и несмело спросил:

- Все одна, Алексеевна?

- А куда денешься? Одна вот осталась. Раскулачили, зимогоры...

- И я один, как перст. И меня раскулачили да из дому вышвырнули, как паршивую собачонку. Живу в заброшенной завалюхе сына, погибшего на войне. Летом-то можно, пока никто не трогает. Может, сообща заживем. Вдвоем-то легче?

- Небось, легче,- согласилась она.- Давай попробуем. Попытка – не пытка.

И столковались. Объединили два горя в одно. Все не так одиноко и горько. Пара стариков. Куда ни пойдут, все вместе, вдвоем. Только вот мимо своего родного подворья не хотелось ходить, где все такое свое, знакомое до мелочей, даже собачий лай. Душа разрывалась на части. Но ведь и жить как-то надо, не вечно же горевать. Повадились ходить за рыбой. То в Непряхино, то в Мисяш, Чебаркуль, а то и в Караси. Верст за 15 – 20, не ближний свет! Пока сходишь туда - сюда, язык на плечо вывалишь. Но что больше делать? Там рыбные озера, полно рыбаков. И рыба дешевле намного. Наберут они в заплечные мешки-сидорки и тянут назад. В деревни заходят, кричат в два голоса, будто на паперти поют:

- Ры-ба!

- Рыба окунь, едет боком! Покупайте, казаки, пока пляшут окуньки!

На самом-то деле там не только окуньки, но и хорошие щуки, желтые, как новые лапти, караси, чебаки и колючие ерши, ухе из которых нет равных. А еще лини попадают и ленивые гибкие налимы, будто совсем без позвоночника. А пироги-то из всего

этого добра – одно объединение. А про уху, жареху и говорить нечего. Даже вялить можно.

И брали люди изредка. Кто деньги давал, а кто муки, картошки, баранью лытку или старенькую одежду сунет. Бедным все кстати. Сколько верст наматывали за день, аж ноги к вечеру не держали! Падали, будто мертвые, на лавку. Но жили ведь, жили! А это в те трудные годы совсем немало. И спать ложились не на голодный желудок. И разговоры разные говорили по вечерам, когда от усталости отходили. Особенно про довоенные хлебные годы. Не молчали, как немтыри, а как обычные люди говорили, судили – рядили о чем-то своем, хотя и радостей на душе особых не было, но ведь жили же! Существовали. А разве еще что-то надо, когда жизнь хватает за горло?

К зиме стали готовиться. Глины наносили, песку. Раствор делали. Фрол Миронович печные колодцы и боровки почистил, швы между кирпичами замазал раствором. А Арина Алексеевна быстренько побелила. И сразу светлее стало в избушке, которая вдруг горенкой показалась. Когда и улыбка мелькнет. Чаше, конечно, нечаянная, но иногда и по делу. Не все же суровыми быть, нелюдимыми.

А тут как-то и Мария подъехала на новой кобыле Майке. Из жеребенка вырастили. Нашла мамку, кинулась со слезами на шею.

- Как ты здесь?

- Да живем вот с Миронычем, хлеб жуем.

- Хоть бы к нам приехала.

- Да чо вам мешать? И некогда. У нас с Фролом свое предприятие. Рыбу из Непряхина да откуда носим. Торговля, в общем, дело. А вы-то как?

- Единоличники,- невесело ответила дочь.- Надоело уж. Косятся на нас, будто чего стибрили. Иван уж хочет бросать это и промышлять извозом, плотницким делом или на рудники пойдет.

- А в колхоз?

- Уперся, как бык, боится, что ли. Ни от кого не хочет зависеть. Я вам гостинцев привезла. Пуд муки да картошки, луку, сметанки, семечек. Будете по вечерам лузгать, как, бывало, на родной лавочке...

Поговорили, чаю попили, все новости перетерли. И дочь засобиралась домой.

- От зятя и внуков тебе поклон.

- Большие уж внуки-то?

- Растут, чо им делается? Приезжайте...

Обнялись на прощание, аж слезы у обеих выступили. Потом Мария села в телегу, и Майка, пятнистая молодая кобыла, сразу взяла рысью. Хорошая кобыла, подумала мать, помахав вслед дочери рукой. Дай Бог им счастья!

Худо-бедно, но жили раскулаченные старики. Правда, со временем Арина Алексеевна стала все чаще замечать Фрола Мироновича каким-то задумчивым, расстроенным.

- Ты не заболел ли, дед?- спрашивала.

- Да нет, ничего,- отнекивался тот и уходил во двор или ложился на широкую скамью. Жалел, видать, свой былой дом, хозяйство. Да и какому уважаемому себя человеку понравится эта нищенская жизнь?

Да, она видела, что маялся дед, но ведь ни на что и не жаловался. То ли его давило горе, то ли еще что-то. Но он не находил себе места. Бродил бесцельно по избенке и двору, стараясь не смотреть ей в глаза. А однажды, когда Арина вернулась из керосиновой лавки, не застала его дома. Поставив в угол бутыль с керосином, она открыла дверь избы, которую никогда не закрывали на замок. В станице вообще не запирали дверей, только подпирали палочкой, чтобы не зашли с грязными лапами куры, не нагадили на полу.

И хотя у них ни кур, ни гусей теперь не было, подпирали дверь по многолетней привычке. Но палочки не было видно, и она быстро вошла в комнату. И вдруг чего-то забеспокоилась, словно почувствовала неладное. Туда - сюда посмотрела бег-

лым взглядом. Выскочила во двор, может, что-то делает, или ограду подметает, или колет дрова. Но кругом было тихо.

- Фро-ол? Фрол Мироныч? Ты где?- тревожно, но негромко позвала, открывая сарай, и сразу же испуганно отшатнулась.

Недалеко от входа висел на белой бельевой веревке ее новый спутник неласковой жизни.

- Ты чо, Фрол?- выкрикнула женщина и подбежала ближе.

Прислонив руку к телу, поняла, что повесился совсем недавно, ведь тело еще было горячим. Схватила посередине руками, попробовала приподнять и вытащить. Но было неудобно и тяжело. Сбросив надетые на босую ногу галоши, она кинулась в дом, нашла кухонный ножик и понеслась обратно. Полоснула им по веревке наотмашь, да не сообразила бабьим умом, что поддержать надо тело, иначе оно свалится и человек ушибется. Так полоснула, что Фрол Миронович мешком свалился на пол вместе с концом веревки на шее. И застонал, заподрагивал телом, как петух, которому только что отсекли голову. Освободив и отбросив конец веревки, она подхватила его под мышки и поволокла на воздух. Расстегнула дрожащими руками ворот рубахи, оторвав впопыхах пуговицу, развязала поясок, чтобы легче стало телу. Притащила молока, давай отпаивать.

Но оно почти не проходило в горло. Оказывается, при падении старик сильно прикусил язык. Он кровоточил и быстро начал распухать, аж не закрывался рот.

- Что делать, что делать?- металась и нервно спрашивала она себя.- Мёду надо, мёду...

Прихватив кружку, бросилась к соседям.

- Василиса! Беда там с Фролом! Надумал повеситься, да язык прикусил. Не дашь немного медку?

И соседка не отказала. Так и маялась почти месяц со стариком. Он ничего не мог есть. И только свежий мед с теплым молоком или чаем спасали его от голодной смерти. Да еще заботливые руки старой казачки.

Ивану Овчинникову с детства хотелось быть хозяином. Выращивать хлеб, ухаживать за скотом. Хорошим примером для него были в этом дедушка Степан Петрович со своей дорогой супругой Анной Митрофановной. У них как-то все шло слаженно и продуманно. И урожай часто собирали хороший, и коней держали, как на подбор. И за двором следили, и жили мирно между собою, уважительно относясь друг к другу, не в пример отцу с мачехой.

Но дед был вояка и рубака, воспитанный на примере пугачевских казаков. И отчаюга, каких надо поискать. Иван же рос в сиротстве, морально придавленным, в общем-то, был тихим и мирным мальчишкой. Ни с кем никогда не дрался. И драться-то, похоже, по-настоящему не умел. И хотя дед научил его бойко ездить на коне, джигитовать с шашкой в руках, в душе он был против этого и не прельщался военной карьерой. Ему бы тихо пахать где-нибудь на затерявшихся в березовых колках полях. Косить и грести траву на заячьих еланиях. Метать стога и ухаживать за лошадьми, коровами, овцами. Растить послушных ребятишек, которые дружно встречают тебя вечером после полевых работ и наперегонки лезут на колени. Ему бы хоть небольшой уют в доме, тепло печи и сытный ужин. А что еще надо труженику полей?

И вроде все шло по его задуманному желанию. И жена досталась работающая. И дети пока послушные. И скот с лошастью были. Да вот пошла дурь среди народа. Ни Бога, ни царя не стал почитать. Отец на сына, сын на брата пошли и стали немилосердно истреблять друг друга. В душе он был, конечно, за простой и бедный народ, ибо сам сызмальства натерпелся бедности и сиротства. Но был не против если не богатства, то хотя бы терпимого достатка. И не за счет чужого труда, эксплуатации человека человеком, как многими говорилось в последнее время, а за счет своего личного труда, не знающего лени и притязания на чужое богатство.

А работать он умел и любил. Считал, что только напряженный труд может сделать жизнь обеспеченной, ведь он даже обезьяну превратил в человека. Это ж какая сила ему дана! Знал не из книжек, ибо читать почти не умел. Да и некогда ему было читать, хотя два месяца ходил в ликбез. Буквы-то через одну научился писать. И даже в своей фамилии делал ошибки. Ни работ Маркса с Лениным, ни Энгельса со Сталиным он, естественно, не изучал. Но у него было собственное понятие жизни и мерило человеческих поступков. Скорее всего – это были совесть и Бог, который не делал ничего предосудительного и был во всем справедлив, как говорили сведущие люди и церковники.

И вот только пошло его дело на лад, как появилось новое веяние – вступай в колхоз. А чего там добьешься, когда большинство безлошадные, бедные из бедных? Наверное, и бедные потому, что не хотели еще при старой власти работать. А может, несчастные, печально думал Иван. А если один с сошкой, а семеро с ложкой – разве разбогатеешь? Только и будешь дармоедов кормить. И на трудодни получишь фигу с маслом.

Единоличником он бы потянул, как ему казалось, да ведь налоги на единоличников накладывали неподъемные, явно экономически загоняя людей в колхоз или совхоз. И больше некуда деться крестьянину.

- Не-ет,- горестно рассуждал Иван.- Я уже кормил мачеху с ее детьми, семью дяди Антона. И остался бездомным нищим. Последнего мерина не пожалели и сожрали, пока валялся в тифу. Ученый уже.

А тут Марусина сестра Таська приехали с мужем Василием. Он сам промышлял лошадей. То возил по найму какие-то грузы, то на золотых приисках подрабатывал. Был бойким и задиристым. Даже драчливым, если навеселе.

- Сытый, пьяный и нос в табаке!- хвастал частенько он.- Давай к нам, Иван. Первое время подсоблю, помогу устроиться, а там будь сам с усам, разберешься.

Оставил семью на займке, а сам поехал на резвой кобылке

к миасским золотоискателям. Устроился на прииске где-то недалеко от Тургояка. С утра до вечера возил песок на драгу, где тот промывался. Нередко сам кидал на телегу, понукал Майку, и без того быструю кобылицу. Вываливал, куда велел десятник. И гнал чуть ни галопом обратно. Не раз перевыполнял норму, а денег больших и не видел. Всё жилы хорошей не попадалось, объясняло начальство. Да и работа сезонная. А вокруг все какие-то подозрительные личности слонялись. Не то бывалые золотари, не то начинающие проходимцы. Все присматривались да принохивались, где и что плохо лежит. Золотыми самородками бредили, ведь по рассказам старожилов, откопал же двухпудовый самородок царь-батюшка! И еще такой же самородок был найден в ближних окрестностях. Значит, миасская земля золотом набита, как гусь пухом. Пробей шурф или копни кайлом в руднике – и станешь золотым королем, обладателем несметных богатств.

Однажды эти подозрительные люди остановили Ивана. Один, бородатый и неопрятный, как бродяга, сел с другой стороны телеги, а второй, сутулый с лицом, похожим на бульдожью морду, остановился рядом с возчиком.

- Слышь, дядя,- сказал стоящий рядом.- Мы тут самородок с кулак бросили тебе в песок. Давай отъедем к лесу, найдем его и поделим? И вообще есть предложение – самим промывать и искать золотишко.

- Какой еще самородок в таком песке? Самородок надо в забое искать, как царь-батюшка искал,- отбрил их Овчинников.- Не мешайте работать, а то десятнику нажалуюсь!

- Мы те нажалуемся, дурную макитру быстро расколем!- начали те стращать.

- Да пошли вы, шарлатаны!- дернул он вожжи и понукал коня, и Майка быстро подхватила и пошла крупной рысью.

Тот, что стоял возле телеги, остался на месте, а бородатого мужика Иван толкнул, и он полетел вверх тормашками.

Свалив песок с телеги, он направился к десятнику.

- Прошу расчет. Больше не могу работать по семейным обстоятельствам.

Десятник не стал возражать, и вскоре, забрав нехитрые пожитки, Овчинников уже ехал по Уфимскому тракту домой.

- Хрена вот выкусите!- показал он мясистый кулак в сторону Миасса.- Жулики миасские. То целые горы американцам продают, то честных трудяг грабят. Самим лень работать...

Проезжая село Малково, он заметил у одного из домов скопление мужиков. Они были одеты в рабочую одежду, у многих в руках ящики с плотницким инструментом, топорами, ножовками, долотами, молотками.

- Что тут у вас, базар? - остановив кобылу, поинтересовался он.

- Артель. Мосты строим. А ныне аванс дают.

- И чо получаете?

- Средне. Богатыми не назовешь, но без хлеба спать не ложимся.

- А рабочих набирают?

- Набирают плотников. Подойди вон к десятнику.

- Привязав лошадь, Иван отыскал десятника, мужика высокого, рыжего и конопатого. Вежливо поздоровался. Спросил не нахально:

- Устроиться можно? Лошадь своя, ездовым могу.

- А плотничать можешь? Мосты мы по деревням строим.

- Могу и плотничать, в сиротстве вырос! - немного приврал Овчинников, хотя хорошим плотником не был. Но бревна тесать – не Бог знает, какое умение и ум надо. А что еще нужно уметь на строительстве мостов?

- Живешь-то где?

- Да в Травниках, будь они неладны.

- Далековато будет. Придется устраиваться на постой. Да мы все с места на место кочуем, - нерешительно проговорил десятник, видно, не надеясь, что тот согласится.- Если хочешь, я найду домишко. Семью перевезешь или один жить будешь.

- Договорились.

- Тогда с понедельника выходи на работу.

Так казак Иван стал рабочим человеком. Овладевал плотницким мастерством. И мастерство не ахти, какое сложное. Теши и пили бревна. Вбивай сваи поглубже, чтобы полой водой не снесло. Ставь поперечину, распорки, боковые ограждения, настилай плахи. Ледоломы не забудь, если река с течением. Мужики подобрались – не мастера высокой квалификации, но топором тюкать умели и пилой пользоваться, рубанком. Порой и загуливали с получки, но рыжий десятник Григорий Акимович Пивоваров быстро пресекал выпивку и гнал на работу. А порой и прогонял с работы и из артели.

- Быстро на объект, иначе с котла исключю.

И снова брались за работу мужики. А Овчинников и вообще не пил, не курил. В свободное от работы время, когда артель отдыхала, то бревна подвозил, то камни, гравий для укрепления берегов. И вскоре Григорий Акимович стал с ним больше советовать, чем с бригадиром.

- Думаю, сваи тут надо вбивать зимой, пока лед стоит и воды мало,- высказывал свои мысли Иван, и Пивоваров все чаще с ним соглашался.

Овчинников снял пустую избенку, привез в выходной семью, и они зажили на новом месте, ни клятые, ни мятые, как говорилось в их краю. Он даже и Венку перетянул к себе, Марусиного младшего брата. Первое время учил его, как правильно держать топор, работать коловоротом, рубанком. И парень удивительно быстро схватывал на лету. А вскоре и учителя перещеголял. Даже столярничать начал. Заказы посыпались со всех сторон: то табуретку изготовить, то зыбку ребенку сделать или двери навесить. Все-то у него получалось. Еще не до конца оформившись фигурой, Венка был высокого роста с мослатыми, еще неуклюжими руками и ногами, крупным античным носом. И уже тогда чувствовалось, что в будущем станет видным, породистым мужиком.

А вечерами, когда оставались силы, он иногда брал в руки русскую гармошку, садился на деревянную лавочку и наяривал переборы на ладах и басах. Аж девки и бабы выглядывали из-за плетней, дивясь незнакомому не то ухажеру, не то женатику, лихо поющему травниковские частушки.

Мы с заречинской матаней
Долго парилися в бане.
Кто-то баню подождёт –
Я чуть ноги уволок...

Гармонист – всегда первый парень на селе. К нему липли друзья и подруги. Но Венка был скромным, часто стеснительно опускал глаза. Да и девушка у него была в Травниках, не сегодня-завтра поженятся. И играл он на гармошке в Малкове не для народа, а для успокоения тоскующей души. Тянуло его в родную станицу, тянуло к своей зазнобе. Но и жить как-то было надо. Надоело считаться подкулачником и сыном кулачки.

* * *

Пока население и правительство разбирались с сельским хозяйством, промышленность СССР росла и шагала семимильными шагами. Царское административное деление территории России не устраивало новую страну. В том числе казаков, живущих на севере и востоке от Оренбурга. Ездить в губернский город по делам было и далеко, и несподручно, и накладно. Гораздо ближе был город Челябинск. Он основан в 1736 году как русская крепость на месте башкирского поселка Селяба (Челяба) и речки Селябки. Через семь лет стал городом, центром Исетской провинции. Его занимали отряды Е. И. Пугачева. С 1781 года стал уездным городом Екатеринбургской провинции (Пермского, затем Уфимского наместничества), с 1796 года – Оренбургской губернии.

В 90-е годы 19 века со строительством Великой Сибирской

железнодорожной магистрали стал крупным транспортным и торговым центром. Способствовал вывозу сибирского и уральского хлеба, леса, полезных ископаемых, золота и других ценностей, которыми были богаты эти периферийные регионы.

В Челябинске и соседних городах быстро развивалась промышленность, в том числе металлургическая, строились крупные заводы, среди которых был Челябинский тракторный гигант ЧТЗ, сданный в эксплуатацию в 1933 году. И вскоре этот город затмил собою другие южно-уральские города и веси. Поэтому в 1934 году стал областным центром, в подчинение которому отошли многие земли и районы соседних губерний.

Это стало удобней жителям Сатки, Усть-Катава, Златоуста, Миасса, Магнитогорска, Троицка, Чебаркуля и других районов и городов, где начинала расти промышленность. И многие жители сельской местности, а особенно казаки, которые воевали на стороне белых, уходили в города, получали рабочие профессии, навсегда бросая привычное земледелие. Бросая родную землю, которая вскормила не одно их поколение.

Уходили целыми семьями, лишь бы избежать преследований и репрессий со стороны высших и сельских властей, вдруг ставших хозяевами порядков и их земли, которая вроде бы Конституцией отдана крестьянам в вечное пользование. Там оставались угодья и родные подворья. Там были могилы их предков, отцов и матерей, давших им жизнь и направивших их по своим стопам. Отцы и матери, ведь это самое дорогое в нашей жизни. И разве можно порвать с ними хотя бы символическую связь, загробную? Они ведь так же дороги людям, как сам Господь, как сам Иисус Христос. Без них не будет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Отцы и матери – это наше все и даже больше!

Но времена меняются и формации меняются. Не зря говорят, не дай Бог жить в эпоху потрясений и преобразований, когда невинно гибнет масса народа.

- А для чего, по чьей вине загублено столько людей?- сер-

дито спрашивал себя и других старый казак Петр Павлович Сорока. - Кому это было нужно?

Где-то читал он или слышал, что только в 1916 году на военной службе у царя состояло 285 тысяч казаков. А сколько их гибло каждый год в Первой мировой войне, если русских не вернулось с полей сражений 5 миллионов человек? И в Гражданской войне, развязанной Временным правительством, буржуазно-помещичьей контрреволюцией и казачьими атаманами, в которой общие потери населения на фронтах и в тылу от голода, болезней и террора белогвардейцев составили 8 миллионов человек?

- И уж тут-то казаков вы положили, так вашу мать!- ругался Сорока.- А ведь о них сам Ленин сказал: «И если что решило исход борьбы с Колчаком и Деникиным в нашу пользу, несмотря на то, что Колчака и Деникина поддерживали великие державы, так это то, что в конце концов и крестьяне, и трудовое казачество, которые долгое время оставались потусторонниками, теперь перешли на сторону рабочих и крестьян, и только это в последнем счете решило войну и дало нам победу». От войны же народное хозяйство потеряло 50 миллиардов золотых рублей, промышленное производство упало до 4 – 20 процентов от уровня 1913 года. Так кого в этом – большевиков винить?

Конечно, потери понесли казаки, которых осталось от былого количества с гулькин нос, и от коллективизации. Но ведь их раскулачивалось не больше, чем остальных крестьян-кулаков. И не надо все валить с большой головы на здоровую. Сельская власть на местах, комитетчики по раскулачиванию виноваты в первую очередь. Не готовы они были к такому объему власти. Не разобрались в глубоком смысле и выгоде коллективизации, и давай всех стричь под одну гребенку!

Сорока говорил это не раз и членам сельского Совета, и жителям Травниковской. Передвигаясь на костылях с искалеченной врагами ногой, он не сидел на месте, к кому-то шел, горячо и с пеной у рта доказывал. Только вот кто его слушал?

- Да там такие дураки, как наш Ванька, который сбежал с фронта и просил себе председательское место, а голосовал за раскулачивание Арины Ильиной, чьи муж и сын погибли на стороне красных! Какую работу вел Василий Алексеич среди казаков! Разъяснял сложившееся положение и политическую ситуацию. А наши местные турки раскулачивают его мать за то, что имела хромого мерина, что когда-то ее муж имел лобогрейку, давно заржавевшую и выброшенную в утиль! Послушали врага народа Аполку! Не зря его, в конце концов, разоблачили и упекли.

Они же немтыри неграмотные, газет не читают. А ведь было два Устава. По Уставу сельскохозяйственной коммуны обобществлялось все. По Уставу сельскохозяйственной артели обобществлялись только основные средства производства, главным образом по зерновому хозяйству: труд, землепользование, машины и прочий инвентарь, рабочий скот. В артели не обобществляются: приусадебные участки, земли огородов, садов, жилых построек, молочный скот, мелкий скот, домашняя птица.

И эти дремучие придурки не могли разобраться в двух соснах. И наворочали таких дел, а потом все свалят на товарища Сталина и большевиков. Теперь кое-кому стало ясно, только допущенного не вернешь...

В те далекие годы Петр Сорока даже не мог и предположить, что через несколько десятилетий на землях травниковских казаков и соседних сел вырастет огромный «Чебаркульский» совхоз, о котором будет написано и дан фотоснимок сева на его полях пшеницы в 29 томе Большой Советской Энциклопедии. А прародителями этого огромного и богатого хозяйства станут травниковские казаки и их первые товарищества по совместной обработке земли.

А пока Сорока дрался за своих земляков, за землю, которую все чаще стали бросать казаки и подаваться в города, на заводы, фабрики, грандиозные стройки.

- Как можно бросить землю, ведь она нам отец и мать?!- сердечно переживал старый хлебопашец, бессильно, как подстреленная птица, взмахивая руками.

Наверно, за его переживания и борьбу на очередном сельском сходе кандидатуру Петра Павловича Сороки выдвинули в председатели Совета.

- Петра Сороку!- закричало большинство.

- Соро-оку! Он был лучше всех и заступался за самых бедных, лишенцев, за нас! Больше всех переживает за землю!

- Спасибо, граждане казаки, дорогие мои земляки, за доверие,- низко поклонился он.- Чем смогу, помогу. Только стар я уже, искалеченный. Разве мало среди вас умных, молодых, трудолюбивых и добрых людей?

- Тогда сына его Митьку! Этот пошел в отца, как в коня овёс!- понеслось с дальних рядов. И понеслось сильно, видать, там много собралось людей, имеющих одно мнение.

- Мал еще Митька, молод!

- Отец поможет!- и не думало сдаваться большинство.- Мал золотник, да дорог.

Его и избрали, ставку сделали на молодого, значит, поверили в будущее станицы, в будущее страны? И рад был старый воjak Петр Сорока, что не вся молодежь покинула станицу, бросила политую кровью и потом казачью землю. Значит, не будет ей погибели и не будет переводу казачьему роду.

- Пусть услышит их Бог!- негромко вымолвил старый Сорока и направился к своему дому.

30

И снова дорога. Сколько прошел и проехал этих дорог Иван Овчинников! Надоела цыганская жизнь. Потянуло остановиться где-нибудь на одном месте, сгрузить нехитрый скарб, бросить там навсегда корни и больше никуда ни шагу. Завести свой дом, хозяйство. Сажать огород. А может, и образумятся власти,

землю будут давать под посев зерна. Если по-старому, по десять десятин на казака, то Овчинниковым достанется сорок десятин на отца и троих сыновей, считай, целое море, ведь две недели назад появился на свет третий сын – Сашка. Вырастут ребята – какая помощь будет отцу, какая силища!

Думали-думали они с Марией, как быть дальше? Вроде пока заработок есть, но не всегда находятся объекты и спрос на мастеровые руки. А если совсем не станет работы, закроется артель? Куда тогда – снова в колхоз? А жить где, когда ни кола, ни двора нет своих? На квартире, постояльцем? С тремя-то пацанами? А чем за нее платить?

Встретил как-то Иван травниковского казака Кузикова, бывшего ильинского соседа. Разговорился.

- Многие покидают станицу, и мы собрались уезжать.

- Куда?

- На станцию Бишкиль. Железная дорога набирает обороты, и туда требуются рабочие на ремонт путей и обслуживание. Заработок хоть небольшой, но каждый месяц платят. И льготы, и земля под огород. И жилье дают. И я собираюсь там пристроиться. Может, вместе поедем, веселей будет и безопасней? Чо ты маисся по займам да чужим углам?

- И, правда,- согласился Овчинников и начал уговаривать Марусю.

- Давай поедем, пока молодые. Сюда всегда успеем вернуться и надеть крестьянскую петлю.

На другой же день он помчался в Бишкиль. Нашел путейского мастера Зубкова.

- Вам требуются рабочие?- спросил, изучающее глядя в глаза.

- Требуются на ремонт путей и путевые обходчики. Здоровье как – не слепой, не глухой?

- Нормальное. А уголка для жилья не найдется, ведь у меня жена, детей трое?

- Почему не найдется? Обижает, молодой человек. Желез-

ная дорога – не какой-нибудь кулак-временщик, а фирма солидная и серьезная. У нас даже на перегонах будки и казармы стоят. И на станции есть казарма. Еще одну собираемся строить. Уважим и тебя. А еще бесплатные проездные билеты на пассажирских поездах по своей дороге и раз в год в любую точку Советского Союза. Да провизионка: два раза в месяц можешь съездить с иждивенцами в Челябинск за покупкой товаров. Да и снабжение у нас свое. Ходит вагон-лавка, привозит хлеб, другие продукты. Магазин свой – «железкой» кличут.

Иван ушам своим не поверил, согласился без разговора.

- Только работа очень тяжелая и на свежем воздухе. И в дождь, и в мороз, и в буран,- предупредил мастер.- Шпалы таскать, рельсы пилить и гнуть, костыли забивать.

- Не боюсь я работы.

- Да чую, не из хилых, видать, силенки есть. Тогда даю направление на медицинскую комиссию. И поезжай в Челябинск в железнодорожную поликлинику.

Иван оформился быстро. Не успев вернуться в Малково и обрадовать жену, побежал к десятнику.

- Давай расчет, Григорий Акимыч.

- Такую работу бросаешь: не бей лежачего. Не работа, а сказка,- начал отговаривать Пивоваров.

- Хорошая сказка не бывает долгой и кончается быстро,- мудро возразил ему молодой казак.- Там деньги каждый месяц платят, жильё дают, огороды, сенокосы.

- Ну ладно, Иван, силой мил не будешь.- Работящий ты мужик, не пьяница, не лодырь. И жалко тебя терять. Удачи тебе на новом месте. Завидую я вам, молодым.

- Завидовать надо не молодым, а старым, что прожили много лет. Пусть молодые столько проживут,- не согласился Овчинников и протянул на прощание руку.

Дорога была длинной и тряской. Для взрослых людей и старших сыновей терпимо. А вот как понравится Шурке, появившемуся на свет две недели назад? Но сын, к счастью, мол-

чал и тихо посапывал в одеяле. Телегу потрясывало и качало. И это ему было вместо зыбки. Время от времени мать кормила его грудью, меняла мокрые пеленки. И тихо радовалась, что скоро приедут на нужное место, где можно остановиться навсегда, до самой старости. Как их примут на работе, в бараке, где живут несколько семей? В станице они не привыкли жить с другими соседями под одной крышей. Но с приходом Советской власти в трудовой жизни и в быту появилось много нового, неизведанного. Какие-то коммуны организовались. Значит, можно работать и жить вместе?

На телеге, кроме домашнего скарба, лежала на боку швейная машинка «Зингер», блестя на солнце черной лакированной станиной, на которой виделись педаль и узкая ременная передача. За телегой шла привязанная за поводок корова. Ехали Овчинниковы в совершенно незнакомую обстановку. Как примет их железнодорожная станция? Какой тут народ? Вон отец Алексей Васильевич не успел сесть в поезд, как его тут же обмишулили карточные шулера. Но об этом заранее никто не догадывался и не знал. Правда, их питали оптимистические надежды. А жить с надеждой намного легче.

Почему-то станция называлась Бишкилём, а поселок вокруг нее и хутор – Казанкой? И при въезде в селение со стороны Медведева Мария прочитала вывеску «Поселок Казанка». И вспомнила, что когда везли раненого на фронте отца, то эта вывеска уже ей попадалась. Проехав по разбитой деревенской улице с полкилометра, они уперлись в железнодорожный переезд, пропускающий через пути гужевой и редкий автомобильный транспорт. Направо от него и несколько ниже насыпи стоял одноэтажный барак, рубленный из железнодорожных шпал. В нем было с десяток однокомнатных и даже двухкомнатных квартир с теплыми, тоже рубленными из шпал сенцами. В широком и длинном дворе стоял ряд стоек, где путейцы держали скот. А за ними были обширные огороды, где сажали картошку, капусту, огурцы, лук, морковь, репу, брюкву и прочую мелочь,

необходимую для приготовления пищи.

Им выделили пустующую квартиру, и они, бегло осмотрев ее, стали перетаскивать манатки. К стене поставили деревянную кровать. К другой, ближе к боковому окну, сундук, на котором будет спать кто-то из старших сыновей. В простенок между окнами, выходящими к железнодорожному полотну, вместили швейную машинку. Там будет удобно швее вдевать нитку в иголку, свет падал с левой и правой сторон, и не надо сильно напрягать зрение.

Когда занесли весь скарб, Мария с детьми стали расставлять его по местам, рассовывать по углам, чтобы не мешался на дороге. А его еще с их-то бедностью и немало оказалось. Что и полетело на печку, в духовку. А Иван пошел посмотреть стайку, куда можно загонять корову и ставить лошадь. Посмотрел и сарайчик для дров и угля. И ему новое место понравилось.

Вечером они попили чаю и тихо расселись, кто и где мог. Поначалу в новом доме им было немного грустно и непривычно. Но мальчишки вскоре вывалили на улицу, чтобы хорошо осмотреться и познакомиться со станционными сверстниками, завести новых друзей

- Не поют про Журку,- улыбнулся отец.- Загрустили что-то.

А по железнодорожной магистрали то со стороны станции, то со стороны горы Савинухи шли тяжелые товарные составы, ведомые черными, как грачи, паровозами ФЭДэ. Железнодорожная насыпь и земля на много метров вокруг нее нервно дрожали и колебались, как будто начиналось землетрясение. И мальчишки аж вздрагивали с непривычки и смотрели во все глаза на быстро бегущие мимо, шипящие паром и обдающие густым угольным дымом стальные чудовища.

Что ждет их завтра или в скором будущем – никто не знал.
Шел 1934 год.

* * *

К работе Овчинников приступил со следующего после при-

езда дня. Нельзя сказать, что она была ему незнакомой. В Ташкенте он в качестве ездового подрабатывал на дистанции пути, где трудился его дядя Антон. Но там он не таскал рельсы и шпалы, не забивал тяжелым молотом костыли. Не возил по одному рельсу двухколесную тележку с длинной ручкой.

Тут же пришлось с первых минут впрягаться в тяжелый хомут ремонтника, волочь и таскать на себе непосильные тяжести. Но Иван уже был взрослым и сильным мужчиной, которого трудно напугать тяжелой работой. Да и деньги ни за что никто платить не собирался. И он быстро вписался в бригаду, как будто давно являлся ее членом. Бригадир Никитин был лет на десять – пятнадцать старше его. Мужик видный, красивый на вид и знающий свое дело, он в душе был неплохой человек. Зря не ругался, но и мягкотелым не казался, ибо работа была очень ответственной. Составы в основном шли тяжелые, нередко ведомые двумя паровозами. И тут Иван сразу увидел разительное отличие между Южно-Уральской и Оренбурго-Ташкентской железными дорогами.

Бригада следила за путями. Меняла пришедшие в негодность рельсы. Делала на них поворотные изгибы, кажились с тяжелыми стальными ломанами и стуча увесистыми кувалдами. Ремонтники подрывали гравий вокруг гнилых шпал, вытаскивали, как щипцами, длинными металлическими захватами, меняли на новые, прибавляли подкладки длинными квадратными костылями, доводя эту нехитрую операцию до совершенства, то есть умения забить костыль одним ударом молота. И этим мастерством овладел Иван.

Но в бригаде еще работал шурин Никитина – Павел Воронков. Он был почти немым, и его звали между собой Муму. Широкоплечий, почти двухметрового роста, он мог в одиночку поднять стрелочный брус, который раза в два больше обычной шпалы, и отнести куда нужно. А на гнутье стальных рельсов ему не было равных.

- Р-раз, р-раз!- командовал бригадир, и бригада дружно на-

валивалась всей массой тел. И медленно, но все-таки подавалась стальная громада, каждый погонный метр которой весил более полуцентнера. И принимала нужный угол. И тут Пашина сила приходилась, как нельзя к стати.

Нередко, любуясь его работой, Овчинников размышлял: «Я не самый слабый человек и представляю как бы русское крестьянство. А Павел представляет промышленность, производство, которое, выходит, пока посильнее села. Потому, наверно, рабочий класс и считается ведущим. Вот за ним нам и надо тянуться».

В жизни Воронков был тихим и спокойным человеком. Не ввязывался ни в какие затеи. Лишь один был у него существенный недостаток: не знал нормы в еде.

- У него нет выти,- отзывались о нем рабочие и знакомые.

И когда его сажали за стол вместе с другими, кто-то обязательно находился рядом и следил за ним. Он мог выхлебать полкотла похлебки, съесть полпуда хлеба, заднюю баранью ляжку сжевать почти вместе с костями. Его челюсти были, как мясорубка или жернова. Поэтому надо его вовремя останавливать и подсказывать, что хватит есть.

Павел не обижался, склонял виноватую голову и мычал что-то вроде:

- Сиба.

Он приходился братом жене Никитина и обитал вместе с ними. Они приглядывали за ним и присматривали ему подругу жизни. Но он не только был почти немой, в основном лишь мычал, но у него и голова считалась не совсем в порядке. Наверно, за все это ему и прилепили кличку тургеневского героя Муму.

Весть об устройстве Ивана Овчинникова на железной дороге быстро долетела до станицы Травниковской.

- Там деньги лопатой гребут!- безбожно перевирали Иван Сорока.- Хлеб, рыбу, крупы им привозит вагон-лавка. Билеты бесплатные по всей стране. Углем, дровами снабжают. Хочешь, держи лошадь, паши землю, коси сено! Как в раю живут! И не

раскулачивают их. А мы тут, как навозные жуки, в земле ковыряемся да деремся из-за нее!

Говорили всяко. Но только никто толком не знал, что такое ремонтный путевой рабочий? Что за адский труд он исполнял, тяжелее которого нет на всем железнодорожном транспорте? Об этом по рассказам сестры и зятя знал лишь Вениамин Ильин да его мать Арина Алексеевна. Но для них больше не было выбора. И они потихоньку снялись и ночью выехали в Бишкиль. Влезли в завалюху, что притаилась рядом с избенкой Кузиковых, и стали потихоньку жить, чтобы никому не мешать, не мозолить глаза.

А станция все численно уменьшалась и, как река в засуху, мелела и мелела народом. Теряла последних потомственных не то исетско-оренбургских, не то уже южно-уральских казаков, для которых земля уже не оставалась жизненной опорой, надеждой и кормилицей, а была мачехой. Забывались старые отцы и матери, на смену которым они сами должны были прийти – нынешние сыновья и дочери.

ПРОДОЛЖАЯ ПУШКИНСКУЮ ТЕМУ

Вместо послесловия

Трудно после «Тихого Дона», «Даурии», «Молока волчицы» и других романов о казачестве удивить наших образованных читателей. И все-таки Владимир Кожевников рискнул. Правда, его роман «Отцы и матери» не о донском, забайкальском или терском казачестве, а об оренбургском, или южно-уральском, исетском, как еще называет его автор. Но ведь об оренбургских и уральских казаках писал сам патриарх русской литературы А. С. Пушкин и в «Капитанской дочке», и в «Истории Пугачева». Он проехал по местам пугачевских сражений, в том числе по местам, где родился нынешний автор, и собрал еще «живой» после недавних событий материал. Разве угнаться за ним простому смертному писателю? Мне кажется, Кожевникову, потомственному по линии отца и матери южно-уральскому казаку, это удалось.

Никогда в жизни не надев чекменя и не пристегнув казацкой шашки, автор с молоком матери впитал казачий характер и быт. Похоже, Кожевниковы, что, по утверждению Пушкина, прятали на своем хуторе Емельяна Пугачева, не просто однофамильцы, а совсем не чужие автору люди. Поэтому он не только помнит легенды о казачьих предводителях Нечае и Шамае, старухе Гугнихе, но и предлагает свои, которые органично вписываются в быт казаков.

Хорош язык романа! Колоритный, емкий. Многие слова и фразы вытащил писатель из исторического забытья и мещанской плесени. «Зимогор», «нищеврод», «ухабака», «мазарки», «уросливый», «вяньгать» и другие слова-диалекты, значение которых порой можно отыскать только в Толковом словаре

Даля и которые нельзя забывать, чтобы не обеднять русский язык. К счастью, автор не злоупотребляет диалектами, но чувствует место, куда их можно вставить.

С особым трепетом он относится к животным, описывая, например, картину, когда казак Алексей Ильин вез на германский фронт в грузовом вагоне своего дорогого жеребца Гнедка, которого любил пуще, чем порой любят человека. Боготворил и обихаживал, кормил, чистил, обнимал и нежно гладил руками. И Гнедко за его любовь не раз выручал хозяина из беды и спасал от смерти. А перед войной, уведенный со двора работником-конокрадом, он, изодранный волками или поротый вилами, вернулся домой, чем несказанно удивил и обрадовал чуткое сердце казака.

Автор умеет показать яркими мазками казачий быт, природу, картину горя, трагедии и тут же привести соленую шутку. И только что вытиравший слезы читатель начинает от души смеяться. И это редкое умение автора приносит еще больше накала и делает произведение более совершенным, заставляет сопереживать вместе с героями.

Владимира Кожевникова глубоко волнует судьба родного казачества, в том числе Оренбургского войска, третьего по численности в России после Донского и Кубанского. Не раз казаки сражались за Родину и царя, недаром по нынешней Челябинской области выростали города и селения с незнакомыми названиями в честь тех иностранных городов, которые они брали в боях, не жалея своих жизней.

Но многие нынешние политики и постсоветские идеологи или по необразованности, или по нахальной привычке валить с больной головы на здоровую, истребление казачества сваливают на Советскую власть, коллективизацию. Да, немало казачьих семей пострадали в то неласковое время. Но пострадали не больше, чем семьи помещиков, кулаков и священников, поднявшихся против трудового народа, против Советской власти. И далеко не все казачество поднялось против нее,

ибо с ней воевали, как пелось в песне, «мундир английский, сапог японский, правитель омский». Автор напоминает, что Гражданскую войну развязали не большевики, а Временное правительство, буржуазно-помещичья контрреволюция и казачьи атаманы. И по их милости в той войне общие потери населения на фронтах и в тылу от голода, болезней и террора белогвардейцев составили 8 миллионов человек.

Казаки активно участвовали как в белом движении, так и шли с красными. И не надо их причислять под одну гребенку. Не случайно В. И. Ленин сказал: «И если что решило исход борьбы с Колчаком и Деникиным в нашу пользу, несмотря на то, что Колчака и Деникина поддержали великие державы, так это то, что в конце концов и крестьяне, и трудовое казачество, которые долгое время оставались потусторонниками, теперь перешли на сторону рабочих и крестьян, и только это в последнем счете решило войну и дало нам победу».

Так кого тут винить? Цари-батюшки нещадно преследовали казаков, наверное, за то, что они защищали рубежи Отечества. Поэтому и убегали на окраины, устраивали бунты. Это коммунисты или императрица Екатерина Вторая жестоко подавила восстание Пугачева, пустив тысячи виселиц вниз по течению Урала и Волги? Вырывала ноздри восставшим против невыносимой жизни хлопушам? А не военачальники ли Михельсон, Бибииков, Панин, любимец армии Александр Суворов, прочие графы и князья немилосердно расправлялись с этой чернью? Даже поэт-царедворец Гаврила Державин служил на этом поприще. Почему об этом забыли нынешние политики-пустомели и дурят народу головы?

Зато о расстреле царской семьи почти век каркают, словно вороны, таскаясь с царскими мощами, как дураки со ступой. Почему же забыли о расстрелянных колчаковцами 25 тысячах невинных жертв в том же Екатеринбурге? Николая Второго церковь отнесла к лику святых. А к какому лику отнесены эти 25 тысяч рабочих и крестьян, на чьей шее кормилась, как вошь,

вся эта камарилья? И те 5 миллионов русских, погибших в Первой мировой войне, развязанной этим «святым» царем? Уж не говорю о Ходынском поле.

Таким же безжалостным был «верховный правитель Российской империи» Колчак. Первым придумавший концлагеря, он без малейшего смущения отдает приказ генералу Каппелю – безжалостно расстрелять всех мучеников этих лагерей, кто не перейдет на сторону белых. И, как ни в чем не бывало, продолжает напевать свой любимый романс:

- Гори, гори, моя звезда...

Это один из кульминационных моментов «Отцов и матерей». И таких моментов много. Хотя бы тот, как колчаковцы бросали тысячи тифозных и замерзших от мороза раненых, трупы которых потом приходилось сжигать, переложив, как поленицы дров, бревнами, чтобы лучше горели. Очень мрачная картина, о которой еще в 20-е годы сообщал известный писатель Всеволод Иванов.

А какой болезненный и трагический момент вытаскивал автор из своего творческого портфеля, когда обессиленные и отступающие травниковские казаки свалились на отдых на правом берегу Тобола, а преследующие их красные на левом. Чуть придя в себя, сперва одни запели: «При лужке, лужке, лужке, при зеленом поле». А потом другие подхватили: «При знакомом табуне конь гулял по воле».

- Как это так, враги запели одну песню? Почему поют и любят одну песню?- удивлялись казаки Ильины.

А что им делить-то, простым людям? Разве земли мало в России? Так нет, нужно было натравить друг на друга. Вот в чем русская трагедия! А в это время пленный австриец Ганс Штраус жирует в их станице и смеется, мол, пока дерутся русские дураки, он на их горе станет помещиком или кулаком.

Большинство казаков выбили войны, начатые правителями России. Многие из малой кучки оставшихся подались в города, оставив землю, могилы отцов и матерей. Умирало казачество.

Но чувствуется по последним фразам романа, что на смену отцам и матерям должны прийти сыновья и дочери. Может, так и будет называться следующий роман, который станет дилогией или даже трилогией, я не знаю? Знаю лишь одно, что человек, прочитавший эту книгу, продолжившую пушкинскую тему, не пожалеет потраченного времени, если он, конечно, хочет знать правду о казаках.

Иван КОКЛИН,
кандидат наук.

ОБ АВТОРЕ:

Владимир Иванович КОЖЕВНИКОВ - член Союза писателей России, родился в 1940 году на южно-уральской станции Бишкиль Чебаркульского района Челябинской области. Работал на стройке, в вагонном депо, энергоучастке, на химическом и шерстяном комбинатах.

Окончил ремесленное училище, вечернюю школу, отделение журналистики ВПШ, Высшие литературные курсы. Автор 23 книг, в том числе шести романов: «Левиафан», «Рунное устье», «Белорунья», составивших трилогию о золотом руне, «Линия отреза», «Шапка Газомаха» и «Отцы и матери». Книг повестей и рассказов, сказок и легенд, стихов, документально-исторических сборников. Автор переводов на русский язык более трех десятков книг иноязычных авторов.

Лауреат Всероссийского литературного конкурса имени В. Шукшина «Светлые души» и литературной премии имени С. Бабаевского. Делегат VII съезда писателей России.

Живет в городе Невинномыске.

Содержание

Отцы и матери. Роман.....	3
Продолжая пушкинскую тему.....	293
Об авторе	298

Владимир Иванович КОЖЕВНИКОВ

ОТЦЫ И МАТЕРИ

Роман

300 стр.

Технический редактор Н.В.Югов.
Корректор В.И. Иванов.
Компьютерный набор и дизайн обложки
Н.И.Барановой, Н.Н. Боярских.

Подписано в печать 21.03.2011 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Усл.печ.л. 17,81.
Тираж 100 экз. Заказ 195.

Отпечатано в ЗАО «Невинномысская городская типография»,
357100, Ставропольский край, г. Невинномысск,
ул. Первомайская, 66-а